

К. РАТКЕВИЧ

ФРАНЦУЗСКИЕ РАБОЧИЕ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

М.-Л.: Московский рабочий. 1928. Типография и Словолитня «Красная пресня» (3-я Мосполиграф).

Веб-публикация: Синяя блуза и редакторы сайтов [Vive Liberta](#) и [Век Просвещения](#), 2009.

Дореформенная орфография оригинала сохранена. Дополнительные ссылки даны нами.

От автора

I. Рабочие в дореволюционной Франции

1. Париж накануне революции
2. Французская промышленность в XVIII веке
3. Франция — страна, технически отсталая
4. Организация производств. Домашняя промышленность. Ремесло
5. Причины отсталости. Общественно-политический строй Франции
6. Немногочисленность рабочего класса. Условия жизни и труда

II. Рабочие в годы конституционной монархии

1. Бедствия 1789 г.
2. Бунт весной 1789 г.
3. Начало революции
4. Существовал ли в начале революции "рабочий вопрос"?
5. Выступление парижских рабочих на защиту революции
6. Расхождение буржуазии с рабочим классом
7. Рабочее движение летом 1789 г.
8. Политические тревоги осенью 1789 г.
9. Движение среди рабочих национальных мануфактур
10. Улучшение экономического положения. Стачки
11. Страхи буржуазии и готовность к репрессиям
12. Рабочие организации. Общество типографов
13. Забастовка плотников
14. Как отнеслись к рабочему движению буржуазные власти? Закон Ле-Шапелье
15. Общественное мнение
16. Закрытие благотворительных мастерских
17. Бегство короля. Отношение к этому событию буржуазии и рабочих масс. Расстрел на Марсовом поле
18. Конституция 1791 г. и рабочий класс
19. Борьба за всеобщее избирательное право

III. Рабочие в годы диктатуры мелкой буржуазии

1. Война. Свержение королевской власти
2. Выборы в Национальный конвент. Надежды, связанные с установлением республики
3. Экономическая разруха и безработица
4. Голод. Вопрос о свободе торговли
5. "Бешеные" как выразители воли рабочего класса. Союз монтаньяров с ними
6. Борьба за максимум. Монтаньяры против "бешеных"
7. Закон о максимуме
8. Результаты закона о максимуме
9. Положение рабочих при максимуме
10. Стачки и репрессии

IV. Рабочие в годы реакции

1. Конец террора. Уход масс от политики
2. После отмены максимума
3. Настроения рабочих
4. Заговор "равных"
5. Отношение рабочих к бабувизму
6. Белый террор

Заключение

Тематические материалы в нашей библиотеке

Е.Кожокин. Французские рабочие: от Великой буржуазной революции до 1848 г. историко-социологический анализ на основе документальных источников перв. трети XIX в.

<http://vive-liberta.narod.ru/biblio/kozhok2.pdf>
<http://vive-liberta.narod.ru/biblio/kozhok3.pdf>
http://vive-liberta.narod.ru/biblio/kozhok_lit.doc

К. РАТКЕВИЧ

ВВЕДЕНИЕ
I. РАБОЧИЕ ФРАНЦИИ в ЭПОХУ КОРПОРАЦИЙ и МАНУФАКТУР
II. УЧАСТИЕ РАБОЧИХ в ВЕЛИКОЙ БУРЖУАЗНОЙ РЕВОЛЮЦИИ
III. РАЗВИТИЕ ПРОМЫШЛЕННОСТИ и ПРОЛЕТАРИАТ в ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.
IV. ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ ФРАНЦУЗСКИХ РАБОЧИХ в 30-40-е года XIX в.
ЗАКЛЮЧЕНИЕ
БИБЛИОГРАФИЯ

ФРАНЦУЗСКИЕ РАБОЧИЕ в ГОДЫ ВЕЛИКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

М.-Л.: Московский рабочий. 1928.

Vive Liberta и Век Просвещения, 2009

А.Адо. Крестьяне и Великая французская революция (революционное движение в деревне в 1789-1794 гг.)
Дж.Рюде. Народные низы в истории, 1730-1848 гг. Французская революция
Лики толпы. Характер и поведение. Победы и поражения народных низов

– скоро будет подготовлена на нашем сайте (см. http://vive-liberta.narod.ru/biblio/biblio_1.htm)
<http://vive-liberta.narod.ru/biblio/rude.pdf>
<http://vive-liberta.narod.ru/biblio/rude2.pdf>
<http://vive-liberta.narod.ru/biblio/rude3.pdf>

Идеология и классовое сознание. Идеология народного протеста

<http://vive-liberta.narod.ru/journal/monier.pdf>
http://vive-liberta.narod.ru/doc/lechapelier_loi.pdf

Р.Монье. Сент-Антуанское предместье (1789-1815)
Доклад Ле Шапелье и декрет относительно собраний рабочих и ремесленников одного и того же состояния и одной и той же профессии

http://vive-liberta.narod.ru/journal/mark_lion_1.pdf
http://vive-liberta.narod.ru/journal/mark_lion_2.pdf
http://vive-liberta.narod.ru/journal/mark_lion_3.pdf

В.Маркова. Народное движение в Лионе (21 сентября 1792 - 29 мая 1793)

Продовольственный вопрос в Лионе и борьба Центрального клуба за максимум

Суд над королем и позиция Центрального клуба Лиона
Заседание Центрального клуба 6 февраля 1793 г. и его последствия

Борьба Центрального клуба за создание революционной армии и учреждение революционного трибунала
Нарастание конфликта между революционными и контрреволюционными силами Лиона и мятеж 29 мая 1793 г.

http://vive-liberta.narod.ru/journal/lotte_rev.pdf
http://narod.ru/disk/11359198000/tarle_lab.pdf.html

С.Лотте. «Дело Ревельона»

Е.Тарле. Крестьяне и рабочие во Франции в эпоху Великой революции

<http://vive-liberta.narod.ru/biblio/lefebvre1.pdf>
<http://enlightment2005.narod.ru/papers/chekanz4.pdf>

Ж.Лефевр. «Великий страх» 1789 года

З.Чеканцева. Политические представления французских простолюдинов на исходе Старого порядка

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/zakher_paris.htm

Я.Захер. Парижские секции 1790-95 годов:

политическая роль и организация
ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫЙ ВОПРОС (1792-94 гг.): подборка документов

http://vive-liberta.narod.ru/doc/doc_prod.pdf

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ во ФРАНЦИИ в отчетах Толозана, Неккера и Ролана (при Старом порядке)

http://vive-liberta.narod.ru/doc/econ_anc-reg.pdf

Ф.Саньяк. Гражданское законодательство Французской революции

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/sagniac_loi.htm

Ж.Жорес о Марате: отношение к аграрному вопросу, к объединениям рабочих и благотворительным мастерским (из т.3 «Социалистической истории Французской революции»)

<http://enlightment2005.narod.ru/arc/marat2.pdf>

А.Гордон. Классовая борьба и конституция 24 июня 1793 г.

<http://vive-liberta.narod.ru/journal/gordon5.pdf>

Я.Старосельский. Проблемы якобинской диктатуры

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/starsl_jc_1.htm

А.Собуль. Политические аспекты санкюлотской демократии

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/soboul_dem.pdf

"Экономические отношения сначала превратили массу населения в рабочих. Господство капитала создало для этой массы общность положения, общность интересов. Таким образом, эта масса—уже класс по отношению к капиталу, но еще не класс для себя".

К.Маркс, "Нищета философии"

По истории великой революции существует на русском языке ряд популярных работ общего характера. Главное внимание в них уделяется буржуазии и крестьянству. Рабочий класс, его положение, движение среди рабочих—не затрагиваются вовсе.

Цель настоящего очерка—по возможности содействовать заполнению этого пробела.

Размеры очерка не позволили подробно останавливаться на общем ходе революции, равно и на общих причинах, ее вызвавших. То и другое затронуту здесь вскользь, и лишь постольку, поскольку это было необходимо для понимания положения и судеб рабочего класса.

Автор

I. РАБОЧИЕ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ ФРАНЦИИ

1. ПАРИЖ НАКАНУНЕ РЕВОЛЮЦИИ

В XVIII веке Франция считалась первой в мире страной по своей цивилизации, и все блага этой утонченной цивилизации сосредоточивались в ее столице, на радость "избранным судьбами".

"Ничто не сравнимо с приятностью той жизни, которую ведешь в Париже, в лоне искусств и спокойных изящных удовольствий; иностранные короли предпочитают своему отечеству и трону этот покой, приятно занятый и полный очарования", говорил популярнейший французский писатель XVIII века Вольтер. "Париж—сердце мира", вторил ему поселившийся во Франции немец Гримм. Позднее, во времена Наполеона, вернувшиеся во Францию эмигранты уверяли, что тот не изведал сладости жизни, кто не жил в дореволюционной Франции.

Действительно, верхушка населения—двор, аристократия и тянувшиеся за ней выходцы из буржуазии, разбогатевшие откупщики податей, банкиры и прочие дельцы—создала себе блестящую жизнь, изящную и утонченную. Лучшие произведения искусства, чистого и прикладного, были к их услугам так же, как приспособленная для салонных бесед наука и весь доступный комфорт.

Впрочем, относительно комфорта, и особенно гигиены, утонченный XVIII век был гораздо менее требовательным, чем наше время. В великолепной королевской резиденции—Версале, в жилых помещениях невыносимо пахло уборными, а насекомые были повсюду таким обычным явлением, что блохоловка составляла необходимую принадлежность туалетного прибора изящных дам.

Бросалась в глаза не только утонченная культура, но и материальные богатства города. В торговых кварталах вдоль целых улиц тянулись лавки ювелиров и других торговцев предметами роскоши.

В предместьях помещались мануфактуры зеркал, ковров, мебели; ремесленные мастерские выделывали дорогие, кожаные изделия. Всем этим Париж снабжал не только Францию, но и всю аристократическую Европу.

"Париж с его мануфактурами и многочисленными дворцами является центром роскоши и богатств", свидетельствует серьезный английский путешественник Артур Юнг.

Таков был один Париж, одно его лицо. При желании путешественник мог видеть и другое. Прежде чем добраться до квартала Сент-Оноре, где строились богатые дельцы, или до Сен-Жерменского предместья, где гнездилась родовая знать, и где глаз отдыхал на прекрасных фасадах особняков и на садах, их окружавших, он должен был бы проехать ряд площадей и улиц, покрытых грязью "черной, невыносимой и вонючей", по выражению современника,—проехать кварталы, где нечистоты сливались прямо на улицы и текли ручьями.

Через эти кварталы аристократы и представители финансового мира, в своих изысканных костюмах,— в цветных атласных фраках с пуговицами из драгоценных камней, в коротких до колен атласных панталонах с бантами, в атласных башмаках с самоцветными камнями,—эти изнеженные мужчины, изящностью и утонченностью костюма соперничавшие с избалованными женщинами, мужчины с длинными напудренными косами и с дорогим кружевом у шеи и у кистей рук—проносились в каретах или передвигались в портшезах-носилках на руках лакеев. Но те, которые жили в этих кварталах и которые в ту эпоху всем своим внешним обликом отличались от "земных богов" гораздо больше, чем отличается современный рабочий от любого миллиардера,—шли пешком в темной длинной одежде, в длинных брюках, в "сабо" (в деревянных башмаках), шагали через ручьи нечистот и грязи и жалась к домам, чтобы в узких и кривых улицах их не задавил какой-нибудь стремительно несшийся экипаж. Тротуаров не было, "права" и "лева" не разбирали, обдавать грязью стегать кнутом и давить прохожих не особенно стеснялись. Несчастья

с людьми происходили постоянно. "В наш век, который называется самым просвещенным, ничто не сдерживает разнузданности богачей", говорится в одном наказе от Парижа депутатам в Генеральные штаты в 1789 г.

И в домах, за темными отсыревшими фасадами в этих кварталах было не лучше—та же грязь, вонь. К тому же скученность и нищета.

Правда, в последние тридцать лет перед революцией в Париже шло усиленное строительство, появилось около десяти тысяч новых домов и перестроено было до одной трети старых. Но это были особняки знати и финансистов или доходные дома, предназначенные для сдачи в наем состоятельным жильцам. Рабочий и ремесленный люд ютился в старых, полутемных, сырых и холодных домах, в мансардах. Платить за эти жалкие помещения приходилось очень дорого. В "наказах" в Генеральные Штаты 1789 г. есть указания, что мелкие буржуа, например, принуждены были платить за квартиру половину своего заработка. Положение сезонных рабочих еще хуже: этот люд принужден был ютиться по харчевням, где спят в повалку на полу на прогнившей соломе.

В рабочих кварталах Парижа отовсюду выпирала нищета. По образному выражению современника, "в одном доме предместья Сент-Оноре денег больше, чем во всем предместье Сен-Марсель" (первое заселено крупной буржуазией, второе—рабочими).

Нечего и говорить, что этот второй Париж был огромен по сравнению с первым,—в самом городе множество кварталов были заселены беднотой, а кругом собственна города тянулись предместья—Сент-Антуанское, которое скоро станет знаменитым по своим революционным выступлениям, Сен-Жак, Сен-Марсель и др., населенные мелкими ремесленниками, мастеровыми, рабочими мануфактур. Всего в Париже в 1789 г. из общего числа населения—500.096 человек—150.000 было рабочих.

В этих кварталах мы видим ряд мелких лавчонок, убогих мастерских, где подле порога и прилавка ютится и вся семья ремесленника.

Чтобы указать еще хотя одну черту быта, скажем, как в том просвещенном городе, с утонченной культурой, с "добрым королем" и с многочисленным человеколюбивым духовенством, обстояло дело хотя бы с местами общественного призрения: в больницах, например, в одну постель клали по несколько человек.

Таковы были два лица предреволюционного Парижа, этого "сердца мира".

Картина, впрочем, совершенно естественная для всякого капиталистического города. Мы останавливаемся на этом внешнем, бьющем в глаза и банальном контрасте лишь потому, что за ним скрывались глубокие внутренние противоречия.

Роскошью и блеском своей цивилизации Франция была обязана отнюдь не развитию производительных сил. В ней к концу XVIII века скопились, правда, огромные капиталы, но накоплены они были "главным образом благодаря транзитной торговле и грабежу колоний. Это накопление давало возможность окружить себя несравненной роскошью кучке дельцов и королевской власти, нещадно облагавшей торговлю,—а заодно с королем и придворной аристократии, жившей щедрыми подачками короля. Но огромные капиталы эти не находили себе применения ни в сельском хозяйстве, ни в промышленности. И та и другая отрасль народного хозяйства находились в плачевном состоянии. Из пятилетия в пятилетие эта, как будто богатая, страна переживала голод, причиной которого являлся низкий уровень земледельческой культуры. Промышленность тоже находилась в примитивном состоянии. Выработка почти всех изделий кроме предметов роскоши, т.-е. выработка всех полезных изделий, была такова, что французы предпочитали покупать их у соседей—англичан, немцев.

И весь общественный строй дореволюционной Франции был неодолимым препятствием для развития ее производительных сил. Ниже мы увидим, почему так было. Пока же остановимся подробнее на состоянии французской промышленности. Нас она интересует прежде всего потому, что об руку с развитием промышленности идет и рост рабочего класса.

2. ФРАНЦУЗСКАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ в XVIII веке

С XVII веком у нас связано представление о перевороте в промышленности, о начале того мощного роста техники, который продолжается весь XIX век, и который мы наблюдаем и в наши дни. Изобретается прядильная машина, ткацкий станок, ткацкая машина. Уатт применяет в промышленности пар. Люди заболевают плодотворной горячкой изобретений. Парикмахер Аркрайт бросает свое скромное, но надежное ремесло, чтобы отдаться фантастике каких-то грандиозных проектов, изобретает машину, получившую его имя, и умирает миллионером, хозяином ряда основанных им предприятий.

Открытия в технике ведут за собой переворот в промышленности, ведущий, в свою очередь, к социальным переменам.

Машина начинает вытеснять ручной труд; мелкое домашнее производство заменяется крупным, фабричным. Работавшие до сих пор у себя на дому по деревням рабочие, крестьяне,

получавшие заказы от купца, нередко работавшие из своего материала и почти всегда на своих станках,—собираются теперь в стенах фабричного корпуса вокруг дорогих, только крупному капиталисту доступных, машин. Мануфактура забывает мелкие мастерские, город стягивает к себе население бедных сельских, местностей, начинается его рост за счет деревни.

Оторванный от деревни рабочий превращается в пролетария, живущего исключительно продажей своей рабочей силы.

Положено начало рабочему классу в нашем современном смысле слова.

Таково представление о XVIII веке. В Англии так и было, но во Франции было не так. Еще за сто слишком лет до начала революции министр Людовика XIV Кольбер, вступивший в управление финансами и промышленностью в 60-х годах XVII века, начинает усиленно покровительствовать промышленности. Только развитие промышленности и торговли может дать государству средства для содержания войска, чиновников, двора и для прочих расходов. Промышленность—главный источник государственного богатства: таково мнение, утвердившееся в середине XVII века в западно-европейских странах. На этом основании Кольбер оказывает всяческую поддержку крупным предпринимателям, дает им субсидии, освобождает от контроля цехов.

Предприниматель, получивший право называть свое предприятие "королевской мануфактурой", подчинен только правительственным инспекторам. Чтобы избавить капиталистов от затруднений, Кольбер поставляет на мануфактуры рабочих (отдает, например, приказ городским головам и сельским старостам согнать на такую-то мануфактуру столько-то рабочих), улучшает пути сообщения, налагает высокие пошлины на иностранные товары, чтобы иностранная конкуренция не подрывала молодой французской промышленности.

Политика Кольбера дает результаты. Но во Франции расцветают, главным образом, те отрасли промышленности, которые работают на богачей: устраиваются мануфактуры гобеленов (тканых ковров с различными изображениями), всевозможных предметов роскошной мебелировки и комнатного убранства, зеркал, фарфора. Развивается шелковое производство, выделка лент, позументов, т.-е. тех предметов, которые нужны главному потребителю—двору и аристократии.

Покровительство промышленности продолжается и позднее. Промышленность, конечно, растет. В 1788 г., накануне революции, она производит товаров уже на 931 млн. франков, между тем как при Кольбере в XVII веке она производила всего на 2 млн. ежегодно.

Все же, и в XVIII веке Франция продолжает оставаться земледельческой страной. Деревня преобладает в ней над городом. Только два города могут похвастать крупным населением: Париж, в котором 600.000 жителей, и промышленный Лион с 135.000 населения. Н больше нет на всю страну ни одного города, в котором население достигало бы 100 тыс.

Перед самой революцией Франция получала от сельского хозяйства в три раза больше доходов, чем от промышленности.

При этом промышленность ее была организована примитивно, а техника совершенно устарела.

3. ФРАНЦИЯ - СТРАНА ТЕХНИЧЕСКИ ОТСТАЛАЯ

Вот несколько цифр, говорящих о технической отсталости Франции. Возьмем текстильное производство. Это наиболее развитая во Франции отрасль промышленности, и по технике она стоит выше других. И вот что мы видим. В то время, как в Англии к концу XVIII века работает 20.970 механических прялок, причем каждая приводит в движение по 80 веретен, на всю Францию таких прялок всего-навсего 900 штук, да к тому же она устарелой системы, по 20—40 веретен каждая.

В то время, как в Англии имеется 143 машины Аркрайта, во Франции их 8 (и те построены английскими механиками, получившими за это всяческие льготы и награды). Наиболее совершенные английские машины, изготовляющие тонкую матерью, во Франции почти отсутствуют. Есть одна в Амьене, да и та требует ремонта,—в Англии же их 550 штук.

Эти данные относительно отсталости французской Тюники взяты из доклада главного интенданта торговли "председателю комиссии по вопросам торговли и промышленности первого Национального собрания. Главный интендант удостоверяет, что больше всего во Франции распространена первобытная Прялка.

Правительство, и самодержавное королевское и революционное, заботилось о развитии промышленной техники, поощряло путешествие французов за границу для ознакомления с тамошним производством, выписывало из Англии и Германии искусных мастеров. Во время революционных войн, начавшихся в 1792 г., пленным английским рабочим сейчас же отправляли на производство. Когда революционные французские войска победоносно вошли в западную Германию, в завоеванных областях сейчас же началась вербовка рабочих для Франции. В Париже

* Организации хозяев-ремесленников, устанавливающие правила производства. Подробнее о них будет сказано ниже.

предполагали устроить национальные мастерские, где пленные англичане и германцы обучали бы французских рабочих. Необходимость догнать соседей была так настоятельна, что в 1791 г. интендант торговли поручил некоторым лицам контрабандным путем вывезти из Англии запрещенные к вывозу технические приспособления. Так беспомощны были французская техника и навыки.

Перед самой революцией в нескольких городах были учреждены особые бюро поощрения промышленности, выдававшие хозяевам предприятий субсидии за введение механического оборудования и за выписку иностранных рабочих. В 1790 г. во Францию переселился из Манчестера рабочий Джон Маклуд и построил за счет правительства три станка по образцу манчестерских. Правительство не знало, как его обласкать за это. Ему открыли в Париже мануфактуру и отдали сделанные им три станка, ему лишь бы он обучал французских рабочих и помог распространить во Франции английские приемы фабрикации.

Можно было бы привести еще очень много примеров правительственных стараний поднять технику.

И все-таки дело обстояло плачевно. В 1789 г. в одном докладе правительству прямо говорилось, что во Франции машины совсем плохи, что необходимо добыть настоящие английские машины, иначе непроизводительно уходят время и деньги.

От представителей администрации и наиболее передовых промышленников постоянно слышатся нарекания, что масса французских предпринимателей даже не стремится к техническим усовершенствованиям, предпочитая работать по старинке.

Не только в области текстильной промышленности так обстояло дело.

В других областях было еще хуже. Металлические изделия Франции далеко уступали иностранным. Плотники не хотели покупать французские инструменты, предпочитая немецкие. Земледельческие орудия тоже выписывались из-за границы. Плохая и ограниченная выделка оружия внушала тревогу правительству. В разгар войн, которые революционная Франция принуждена была вести с контр-революционным союзом Англии, Австрии и Пруссии, Франция осталась без привозной стали, и революционное правительство в лице Конвента обратилось к рабочим-литейщикам с воззванием:

"Друзья, мы должны показать Европе, что Франция находит в своих недрах все, что необходимо для ее мужества. Нам недостает стали, той стали, которая должна служить для выделки оружия, нужного всякому гражданину, чтобы, наконец, закончить борьбу свободы против рабства".

В заключение указывались технические приемы, пригодные для выработки стали. Приводились детальные чертежи горнов и т.д.

Только в одной отрасли промышленности, в ленточном деле, применение машины произвело революцию—удешевило производство и сократило число рабочих рук. На этой почве происходили рабочие волнения, а цеховые ремесленники пытались просить правительство о запрещении новой машины, дабы недоступный им по цене механизм не убивал ручного труда.

4. ОРГАНИЗАЦИЯ ПРОИЗВОДСТВА. ДОМАШНЯЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ, РЕМЕСЛО

Отсталости в технике соответствовали и отсталые формы промышленности. Господствовала не крупная фабричная промышленность, а мелкая, домашняя, и ремесло.

Это же значит, что промышленность вовсе не была капитализована. Крупные капиталы вкладывались в промышленность, предприятия велись в большом масштабе.

Вот, например, как было поставлено шелковое производство в Лионе, производящем шелк на всю Европу: богатые купцы закупают огромные партии шелкового сырья и раздают его в работу мелким мастерам-хозяйчикам», работающим своей семьей или с одним-двумя наемными рабочими. Купцы нередко снабжают их и образцами, по которым надо выработать материю, они же произвольно устанавливают цену за работу. Это уже капиталистическое производство, но формы промышленности еще примитивные. Здесь, на этой стадии, отчетливо видно, как зарождается промышленный капитализм из торгового и в других производствах. В большинстве случаев дело организовано так: капиталист, владелец мануфактуры раздает материал в работу кустарям. Иногда купец дает, кроме сырья, и орудия производства, но чаще кустарь работает своим инструментом. Работу раздают не только по городу, но и по деревням.

В Турени, около города Шолэ, существовало крупное производство полотняных и бумажных платков. Их поставляли в разные европейские страны и в Америку. Выработкой платков было занято 45 приходов. Рабочие были разбросаны на 20—30 верст от мануфактуры, из которой им выдавали работу.

В 70-х годах XVIII века в Лангедоке (область на юге Франции) владелец крупной суконной и бумагопрядильной мануфактуры давал работу 6.000 рабочих, но они были разбросаны по всему Лангедоку. На одной из мануфактур в Пикардии выделялись мешки для потребностей колониальной торговли—работало на мануфактуру 25 окрестных деревень. Первое место по

выделке полотна занимала Нормандия—все полотно выдвигалось по деревьям кустарями. Когда двое фабрикантов собрались устроить в Труа большую полотняную мануфактуру, они предполагали, что в здании мануфактуры будет работать всего 20 рабочих для приема и раздачи работ по деревьям. Мануфактура должна явиться в сущности раздаточной конторой.

Слабость техники, отсутствие машин не вызывали необходимости в иной постановке дела. Раз работа производилась на ручных станках, то не все ли равно, где работают,—дома или в здании мануфактуры. С другой стороны заработок на мануфактуре не обеспечивал рабочего, и крестьянин предпочитал не расставаться со своим хозяйством, не терять связи с землей. Да и правительство в XVIII веке находило такой порядок более удобным,—в городах не собирались массы беспокойного люда, у которого нет никакой собственности, и которому нечего терять. Писатели восхищались "союзом земли и индустрии", тем, что "промышленность рассеялась под деревенскими кровлями".

В общем, в 1789 г. на всю Францию насчитывалось всего-навсего 8 более или менее крупных прядилен, объединявших по несколько сот рабочих. В металлообрабатывающей промышленности было всего два крупных завода—один из них знаменитый Крезе. В Париже были две крупных национальных мануфактуры ковров. Из частных наиболее крупной здесь была обойная мануфактура Ревельона, на которой было занято 300 рабочих.

На ряду с мелкой домашней промышленностью господствовало ремесло. Оно сохранило в XVIII веке организацию, создавшуюся в XIII—XIV веках. Ремесленники-мастера были объединены в союзы-цехи, управлявшиеся советами. У мастеров работали подмастерья и ученики. Для каждого цеха существовали свои незыблемые правила производства, строго определявшие, какого вида должен выходить продукт, какой материал для него употреблять, каким инструментом работать. Например, в суконном деле определялись ширина ткани, длина куска, тонкость нити и проч. Эта мелочная регламентация вводилась в свое время отчасти для того, чтобы гарантировать покупателю добротный товар, а отчасти для того, чтобы устранить возможность конкуренции между мастерами одного и того же цеха. С последней целью определялось и количество подмастерьев или учеников, какое мог иметь мастер.

5. ПРИЧИНЫ ОТСТАЛОСТИ. ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ СТРОЙ ФРАНЦИИ

Итак, что получалось? Французское правительство как будто всячески насаждало промышленность, в стране были свободные капиталы, а промышленность все оставалась в первобытном состоянии. В чем же заключалась причина этого явления?

Стремясь к развитию промышленности, правительство было озабочено не столько желанием поднять общий уровень народного хозяйства, сколько соображениями фискального характера. В первую голову оно желало увеличить собственные доходы, поэтому его заботы и приносили такой своеобразный результат.

Необходимым условием для успешного развития промышленности явилась бы коренная ломка всего общественного строя, но именно этого королевская власть боялась, как огня.

Здесь нам необходимо хотя бы бегло вспомнить, что представляла собой тогдашняя Франция. Это была самодержавная монархия, управлявшаяся деспотическим государем, который, однако, чувствовал себя связанным известными неписаными обязательствами с знатью. Он был "первым дворянином своего королевства". Отняв у своих собратий по сословию их бывшие политические права и превратив их в блестящих статистов при своем дворе, он сохранил за ними ряд привилегий: дворянство занимало все высшие, щедро оплачиваемые и не требующие никакого труда должности при дворе, все офицерские должности в армии (причем обучение солдат лежало на унтер-офицерах), все судебные должности. Сверх того так же, как и духовенство, высшие чины которого были обычно дворянами по происхождению, оно было свободно от податей и налогов и владело огромными землями. 270.000 привилегированных, с королем во главе (140.000 дворян и 130.000 духовенства жили за счет 25 миллионов третьего сословия, т.-е. всего остального населения Франции-буржуазии, крестьян и рабочих.

Самая многочисленная часть этого третьего сословия—18 млн. крестьян—прозябали в ужасающей нищете. Иностранцы путешественники, посетившие Францию незадолго до революции—английский агроном Артур Юнг, русский писатель Фонвизин (автор "Недоросля")—в один голос отмечают это обстоятельство. По свидетельству одного французского епископа, у большинства крестьян "нехватает даже на полгода ржаной муки и овса, составляющих их единственную пищу"... В чем коренилась причина этой нищеты? Не хватало земель? Нет, пустовавших земель было очень много. И в то же время много было по деревьям и городам праздного люда, промышленявшего милостыней или воровством и не садившегося на землю. Это происходило оттого, что "положение тех, кто работал на земле, было хуже, чем положение нищих". Земля была переобременена всякими повинностями.

Самостоятельных крестьян-собственников было сравнительно немного. Большинство крестьян принуждено было брать землю в аренду у крупного землевладельца — помещика, монастыря, епископа. За нее приходилось отдавать половину урожая и покоса. Но и собственники не были свободны от повинностей помещику. Как пережиток средневековья, когда помещик был и государем, на крестьянине и теперь лежали разные повинности в пользу прежнего сеньера (господина). Крестьянин отбывал ему барщину, платил оброк, должен был молотить зерно на его мельнице (разумеется, за плату помещику), давить виноград на его прессе и т.д. и т.д.

Кроме того, крестьянство платило значительную подать государству и десятину (десятую часть доходов) церкви. В общем на все эти платежи уходил чуть не весь доход с бедных хозяйств и до половины его с более зажиточных. При таких условиях крестьяне не могли улучшать сельскохозяйственной культуры. Многие из них принуждены были отказываться от своих земель, отдавать их помещику либо откупщику податей (подати в дореволюционной Франции правительство, постоянно нуждавшееся в деньгах, сдавало на откуп, полученными с откупщиков суммами временно зашивая самые важные прорехи в бюджете). При наличии таких повинностей, лежавших на земле, крупному капиталу не было расчета искать приложения в области сельского хозяйства: буржуазное владение и аренда тоже не были свободны от повинностей в пользу помещика, не улучшать культуру—значило увеличивать доходы помещика, не оправдывая прибылью произведенных затрат.

Благодаря всему этому во Франции перед революцией преобладало мелкое крестьянское хозяйство с примитивными способами обработки земли. А как результат этого первобытного ведения хозяйства, из пятилетия в пятилетие приходили неурожаи и голод.

Уже одно это обстоятельство не могло не мешать развитию промышленности: из 25-миллионного населения Франции у 18 млн. отсутствовала всякая возможность покупать продукты обрабатывающей промышленности.

Были и другие причины, также органически связанные со всем строем старой Франции и непосредственно тормозившие развитие капиталистического крупного производства.

Третье сословие в целом было бесправно. Но в его среде были группы, наделенные разными привилегиями. Купечество, объединенное в гильдии, покупало у королевской власти исключительное право торговли теми или иными товарами в той или иной местности. Ремесленники, объединенные в цехи, приобретали исключительное право производить те или иные предметы, употреблять такой-то инструмент. Лица, лишённые этой привилегии, не могли в городской черте производить такие же изделия.

До появления мануфактур нераздельно господствовало цеховое производство. Когда крупный капитал, прежде довольствовавшийся областью торговли, просочился в производство и появились мануфактуры,—интересы этих двух форм промышленности столкнулись. Цехи, боясь конкуренции мануфактур, старались всячески ограничить, убить их деятельность, доказывая, что они нарушают правила производства и вторгаются в область, составлявшую привилегии цехов. Бесконечные тяжбы между мануфактурами и цехами тянутся весь XVIII век. В одном Париже судебные издержки по таким тяжбам достигали 1 млн. франков ежегодно.

Крупный фабрикант обоев Ревельон, начавший с того, что работал простым рабочим, потом заведший собственную мастерскую с десятком рабочих, и, наконец, имевший мануфактуру с 300 рабочих, рассказывает, что тяжелее всего на этом пути создания крупного производства была для него борьба с цехами. "Цехи один за другим заявляли, что я нарушаю их права; то одна отрасль моего производства, то другая оказывались узурпацией их прав. Какой бы инструмент я ни изобрел или ни применил, всегда оказывалось, что он не мне принадлежит; он оказывался инструментом какого-нибудь цеха; малейшее новшество, вводимое мной, оказывалось похищением то у печатников, то у резчиков, то у набойщиков". Эта ожесточенная борьба цехов за свои привилегии являлась огромным препятствием на пути развития крупной промышленности.

Правительство же придерживалось двойственной политики. Оно освобождало мануфактуру от подчинения цеховому регламенту, допускало существование не регламентированной сельской промышленности, а вместе с тем не решалось на полную отмену цехового строя. В начале царствования Людовика XVI его талантливый министр Тюрго, человек с огромным административным опытом и солидным экономическим образованием, с большой прозорливостью в социально-экономических вопросах (он первый формулировал железный закон заработной платы), попытался было провести широкую программу реформ, в которую входило и уничтожение цехов с их привилегиями.

** Мы оставим в стороне другие намеченные Тюрго реформы, чтобы не отвлекаться от нашего вопроса. Коротко говоря, его программа соответствовала требованиям экономического развития страны. Но королю, бывшему "первым дворянином в своем королевстве" и проникнутому узкодворянскими воззрениями на социально-экономические отношения, именно эта трезвая и деловая программа показалась "утопией благонамеренного человека". Насколько министр-реформатор был дальновиднее короля, видно уже из того, что он тогда же предсказал королю, куда приведет его упрямое желание во что бы то ни стало сохранить в неприкосновенности существующий порядок вещей. Он предсказал ему эшафот, на который Людовик и взмоет 16 лет спустя.

Но в государственном строе, где все держалось на привилегиях, нельзя было затронуть привилегий одной корпорации, чтобы не обеспокоить других.

Да кроме того, абсолютизм видел в корпорациях—надежную узду на рабочих—этих созданий, рожденных на потрясение общества.

Все силы старого порядка ополчились на министра-реформатора, и он получил отставку.

С другой стороны развитию крупной промышленности и техники во Франции мешали отчасти именно заботы правительства о них. Франция была централизованной, бюрократической монархией. Ревниво оберегая свой самодержавный авторитет, королевская власть не допускала никаких проявлений самостоятельности населения в области управления или суда. И эти же привычки все вершить, все направлять бюрократическим путем, она вносила и в область экономической жизни. Иначе и не могло быть: ведь в развитии промышленности правительство видело прежде всего способ увеличивать свои доходы и, естественно, желало само руководить этой прибыльной отраслью народного хозяйства. Чтобы сами заинтересованные лица могли поставить производство надлежащим образом—в это бюрократия не верила. "Мне всегда казалось,—писал Кольбер,—что промышленники упрямо держатся своих ошибок и заблуждений, и только представители правительства понимают общий интерес". Поэтому, насаждая мануфактуры, Кольбер и его преемники не только давали субсидии, но и предписывали строгие правила производства (регламент). С 60-х гг. XVII века по конец XVIII века этих регламентов было издано около 150. Правила, предписываемые министрами, действительно были на уровне последних требований техники, но проходило несколько лет, техника уходила вперед, а промышленность была связана старыми правилами. Они мешали ей проявлять гибкость и приспосабливаться к изменчивым требованиям рынка, вводить технические усовершенствования.

Немудрено, что французская промышленность, которой в XVIII веке уже не помогали, а мешали "костыли", подставленные ей Кольбером, видела главную помеху своему развитию именно в существовании цехов и в правительственном вмешательстве, а французские экономисты горячо защищали учение о свободе промышленности и благах конкуренции.

6. НЕМНОГОЧИСЛЕННОСТЬ РАБОЧЕГО КЛАССА. УСЛОВИЯ ЖИЗНИ и ТРУДА

При господстве домашней промышленности и при отсутствии крупных мануфактур, не могло быть многочисленного рабочего класса в нашем современном смысле слова.

Рабочих-пролетариев, рабочих, для которых продажа их рабочей силы является единственным источником существования, встречалось очень немного. Преобладали либо ремесленники, либо же крестьяне, занятые в домашней промышленности.

Зато пролетаризовался по сравнению с прошлыми веками ремесленный люд, объединенный в цехи,—главным образом подмастерья и ученики, для которых теперь почти закрылась возможность стать самостоятельными мастерами.

Собственно цех составляли мастера, подмастерья и ученики, занятые в данном производстве. Но полноправными членами цеха являлись лишь мастера, имевшие право самостоятельно вести производство. Ожесточенно борясь с конкуренцией мануфактур, они не допускали и конкуренции внутри цеха. Они всеми мерами препятствовали переходу подмастерьев в мастера. Установлен был большой вступительный взнос, требовалось дорогое угощение будущим товарищам-мастерам, выполнение трудной работы при испытании на звание мастера. К тому же дорого стоило обзаведение необходимыми инструментами. Все это было не по средствам подмастерью. В некоторых производствах вступительный взнос равнялся 800 франкам^{***}, а заработная плата в большинстве производств в Париже была один-полтора франка в день. Из чего было сэкономить эти 800 франков? Мастером мог стать либо сын мастера, либо его зять. Образовалась своего рода аристократия мастеров. К тому же не полагаясь на все эти препятствия, мастера иногда прямо добивались от правительства права не допускать в течение определенного времени новых мастеров в цех.

Происходит расслоение и в среде самих мастеров. Часть из них (очень незначительная) богатеет и работает в крупную, раздает на выделку материал бедным ремесленникам. Масса этих последних попадает в экономическую зависимость от богатых мастеров или от купцов, как мы видели на примере лионского шелкового производства, и перебивается на уровне нищеты. Еще один шаг—и они пополнят ряды пролетариев.

Но все-таки психология этих людей—это еще психология мелкого буржуа, а не пролетария. У них есть инстинктивное недовольство существующим порядком вещей, при котором им так плохо живется,—даже ненависть к нему. Когда начнется сильное движение против этого порядка, они войдут в мятежные ряды. Но в экономических вопросах взоры их будут обращены скорее назад, чем вперед, назад к тем временам, когда крупный капитал не забивал мелкого ремесленника.

^{***} Франк, или ливр—20 су.

Не надеясь выйти в мастера, подмастерья, естественно, должны были направить свои усилия на улучшение того положения, в котором им предстояло пребывать до конца дней. Надо было бороться за улучшение условий труда.

Рабочий день продолжался обыкновенно от 4 часов утра до 7 вечера, т.-е. тянулся 16 часов. В Версале работали даже до 8 часов вечера. Переплетчики и печатники работали 14 часов и потому считались привилегированными. В лионском шелковом производстве рабочий день доходил до 18 часов.

Средняя заработная плата перед революцией была в провинции 15—19 су (т.-е. меньше франка), в Париже—25—30 су, т.-е. франк с четвертью и полтора. В текстильной промышленности она колеблется от 20 до 29 су. В некоторых провинциях меньше франка. Д цена на продукты в Париже в последние годы перед революцией была очень высока: фунт хлеба стоил 3—3.5 су, фунт риса—свыше 6 су, хорошее мясо— 17 су, т.-е. было совершенно недоступно. Рабочий с семьей питался примерно так: утром (зимой это было задолго до рассвета) ели заболтку из муки с салом, в полдень горох, вечером на ужин опять, как утром, похлебку с мукой. Иногда в нее прибавлялся картофель, стоивший сравнительно недорого, или морковь.

И все-таки и при таком питании семейным нехватало денег. Обычно в семье работали—если только находили работу—и жена и дети.

Реймский ткач Армонвиль, которого мы в 1792 г. увидим депутатом Национального конвента, говорит, что ему приходилось заставлять работать и жену и маленьких детей, и дает такую справку о своем материальном положении до избрания в народные представители: "Все мое имущество... состояло из мебели, белья и одежды, постелей для меня, жены и детей; все могло стоить самое большее 120 франков во время наибольшего моего благополучия. Долги мои постоянно превышали это имущество, единственное, которое я имел в своей жизни".

Правда, некоторые категории рабочих получали больше—каменщики до 40 су в день, кузнецы 30 су и квартиру от хозяев. Но при расчете бюджета рабочего надо, конечно, принять во внимание, что ведь заработная плата получалась только за рабочие дни, а есть надо было и в праздники и в дни простоя или прогулов. Праздников в году было до 89, да еще был очень распространенный" обычай не работать по понедельникам. За вычетом ежедневного расхода на еду, что оставалось у рабочего на квартиру, на одежду? В случае же длительной безработицы угрожала полная нищета. Голод сторожил рабочего и в том случае, когда он старился или терял трудоспособность вследствие несчастного случая на работе. Хозяин не обязан был платить рабочему, пострадавшему на его работе.

К этому еще надо прибавить, что вследствие плохого состояния земледелия во Франции приблизительно каждые пять лет бывали неурожаи. Начиналась спекуляция зерном и мукой. Главный предмет питания рабочих исчезал с рынка. Правда, правительство, боясь голодных бунтов, само заботилось о снабжении больших городов хлебом, но заботы эти в большинстве случаев не давали желаемого результата. Анкета, проведенная в 1784 г., т.-е. за пять лет до революции, в одном из промышленных городов—в Реймсе, показала, что 11.130 человек рабочих живет в нем без хлеба (в анкете эти слова подчеркнуты). Эти 11 тысяч составляли больше трети всего населения Реймса.

Эта жизнь на уровне нищеты толкала рабочих на борьбу с хозяевами, но борьба была нелегкой. Насаждая промышленность, власти строго оберегали интересы хозяина. Правительство следило, чтобы рабочие не уходили от предпринимателя своевольно. Подмастерье должен был всегда иметь при себе расчетную книжку, где было указано, когда и на сколько времени он поступил к мастеру, какой аванс получил. Если подмастерье самовольно отлучался с работы на три дня, его сажали в тюрьму, запрещали ему работать.

И в частной жизни рабочий контролировался мастером или хозяином мануфактуры. Регламент Кольбера предписывал рабочим возвращаться домой к определенному часу, не бражничать, по праздничным дням ходить в церковь.

По регламенту 1749 г. рабочий, получивший аванс от хозяина, не смел от него уйти, даже если бы тот с ним дурно обращался. Если же он все-таки уходил, его возвращали через полицию и штрафовали. Подмастерьям запрещалось собираться и "чинить козни", "чтобы определить кого-нибудь из своих на службу к мастеру или чтобы воспрепятствовать упомянутым мастерам выбирать самим своих рабочих как французов, так и иностранцев".

Регламент 1781 г. повторял все прежние предписания, усиливая строгости.

Полиция, суды, губернаторы то и дело издавали постановления против рабочих.

Хозяева еще меньше склонны были признавать за рабочими право профессиональных выступлений. Особенно боролись они против рабочих объединений, создание которых те обычно мотивировали необходимостью помогать больным и престарелым товарищам.

"Чтобы помогать своим вдовам и сочленам, удрученным болезнью и старостью, они не нуждаются в сообществе, так как помогать своим ближним следует без принуждения", наставительно говорят члены торговой палаты в Бордо в ответ на ходатайство грузчиков о разрешении организовать союз.

Вместе с тем сами хозяева объединяются для борьбы со смутьянами. У них возникает даже мысль об организации общезаконоугодного союза хозяев против рабочих товариществ. Союзы же мастеров одной профессии, имеющие специальной целью борьбу с рабочими выступлениями и снижение заработной платы, явление обычное.

Власти и имущие классы все время на страже против "этих существ, созданных для того, чтобы сеять смуту".

Но, несмотря на преследования, объединения рабочих существовали, хотя и нелегально, в течение многих веков. В XVIII веке они играют большую роль в найме и уходе рабочих. Но в большинстве случаев у рабочих одной и той же профессии существует несколько объединений, которые соперничают между собой: "Товарищи долга", "Товарищи свободного долга", "Лисицы", "Добрые ребята".

Этот факт сам по себе уже говорит о слабой сознательности рабочих. Соперничество, а нередко кровавая вражда отдельных товариществ (компаньонажей), облегчали хозяевам и полиции борьбу с ними. Впрочем, встречаются временные объединения, охватывающие всех рабочих данной профессии, и в XVIII веке таких объединений больше, чем в предшествующие века. Другими словами, сознательность рабочих растет.

Обычно эти временные объединения создаются в момент борьбы с хозяевами за повышение заработной платы или против снижения хозяевами уже существующей платы.

Царствование последнего дореволюционного короля Людовика XVI было богато вспышками рабочего движения.

В 1776 г. подмастерья-переплетчики потребовали, чтобы рабочий день, тянувшийся у них 16 часов, был сокращен на 2 часа. У стачечников был фонд, они могли продержаться довольно долго. Но вмешалась полиция, арестовала вожakov, запугала рабочих, и стачка прекратилась.

В 1783 г. подмастерья - металлисты объявили под бойкотом ряд мастерских. Одно время организовались для борьбы и поденщики. В 1781 г. бастовали подмастерья-красильщики в городе Ренне. В 1787 г. происходило сильное стачечное движение среди шапочников города Марселя.

Самая сильная организация, о которой нам известно, существовала у плотников, называлась она "Товариществом долга". Она была раскидана по всей Франции и оказывала давление на хозяев и на всех не входивших в союз подмастерьев-плотников, а также на другую организацию плотников, называвшуюся "Добрыми ребятами". "Товарищество долга" было для хозяев бельмом на глазу и так раздражало и пугало их, что еще во время революции, когда этого товарищества уже не существовало, они вспоминали о нем и в новых союзах, возникших после революции, видели его возрождение.

Таково было положение французских рабочих при старом порядке—при самодержавно-дворянском строе, когда ни у кого не было прав, так как все были неправы перед лицом абсолютного монарха, объединявшего в своих руках всю полноту власти и прав, но у всех сильных общественных групп были привилегии.

Революция 1789 г. уничтожила чересполосицу привилегий и провозгласила общее равенство. Но интересы отдельных классов неминуемо должны были столкнуться. В каком же положении очутились рабочие в революции?

II. РАБОЧИЕ В ГОДЫ КОНСТИТУЦИОННОЙ МОНАРХИИ

1. БЕДСТВИЯ 1789 г.

Мы уже говорили, что рабочие массы жили все время на грани нищеты и что при кризисах большинство рабочих было обречено на голод.

В последние годы перед революцией положение было особенно невыносимо.

Кризис в промышленности начался с 1786 г., с заключения невыгодного для Франции торгового договора с Англией. Благодаря снижению пошлин на английские товары, они забили французский рынок, и слабая французская промышленность не могла выдержать конкуренции. На севере и востоке Франции закрылся ряд текстильных предприятий. Зимой 1787—1788 г. в Амьене было 46.000 безработных, в Эльбефе половина всех рабочих осталась не у дел, и понизилась заработная плата для тех, кто остался на производстве. Руанские мануфактуры сократили свое производство настолько, что вместо 30.000 человек на них осталось всего 7.000. Предприниматели заявляли, что большинству рабочих-ткачей остается либо умереть с голоду, либо выселиться из страны. Не только материи, но—еще в большем количестве—английская пряжа наводнила Францию,—так как прогресс техники коснулся в Англии главным образом пряжи и сильно удешевил ее производство.

К концу 1788 г. во всей Франции насчитывалось свыше 200.000 безработных. В довершение народного бедствия летом 1788 г. был страшный недород. Началась злостная спекуляция зерном. Помимо обычных скупщиков в ней принимали участие за свой страх и некоторые представители правительства. Ходили слухи, что министр Неккер участвовал в спекуляциях в интересах короля.

Рабочие, оставшиеся без работы, и крестьяне из неурожайных местностей хлынули в Париж. Там пока жилось лучше: торговый договор 1786 г. был благоприятен для сбыта предметов роскоши, а в Париже как раз и преобладало производство этих предметов. Кроме того, в столице все время шло усиленное строительство. Но, конечно, весь этот внезапно хлынувший в столицу люд не мог найти там себе заработка. Безработные голодные толпы наполняли предместья богатого города, кружили по улицам богатых кварталов, сея страх в их обитателях.

Духовенство в наказе своим представителям в Генеральные штаты (в эту зиму шли выборы в сословное представительство,—об этом дальше) выражало пожелание, чтобы правительство "постаралось устроить благополучие бедняков на их родине, дабы у них не было побуждений переселяться в Париж и увеличивать безграничное число несчастливцев, которым нечем помочь".

"Нечем помочь"—в этом была опасность для имущих. "Нечем помочь"—значит будут голодать, а голод рано или поздно приведет к бунтам.

И как будто мало было этих двух бедствий—безработицы и неурожая. В довершение несчастья зимой 1788—1789 г. наступили необычайные для Парижа холода. Топливо вздорожало, его было мало, и оно за большие деньги скупалось состоятельными людьми. Вследствие морозов, мешавших работе, стали и те мануфактуры, которые до сих пор работали.

От голода и морозов люди гибли, как мухи. В больницы то и дело приносили с улиц замерших или упавших от голода людей.

Боясь народных волнений, правительство стянуло к столице войска, чтобы сдерживать население предместий Сент-Антуан и Сент-Марсель. Однако открытых выступлений не было вплоть до весны 1789 г. Но недовольство и ропот росли по мере того, как росли страдания. Уже в ноябре 1788 г. полиция доносила, что в одной булочной какая-то женщина, приведенная в отчаяние поднятием цены на хлеб, стала кричать, что бедняков нарочно морят голодом и что следовало бы поджечь со всех сторон королевский дворец.

В таких условиях находился рабочий класс, когда в Париже началась революция.

2. БУНТ ВЕСНОЙ 1789 г.

Весной 1789 г. недовольство прорвалось открытым возмущением. Произошло так называемое дело Ревельона (о Ревельоне мы уже упоминали, говоря о борьбе предпринимателей-мануфактуристов с цехами).

В Сент-Антуанском предместье у Ревельона была крупная мануфактура обоев. Его многие знали. И вот среди рабочих распространился слух, будто на одном избирательном собрании Ревельон заявил, что заработная плата рабочих не должна превышать 15 су в день. Сам он отрицал, что говорил нечто подобное. Действительно, к рабочим он относился в общем благожелательно и, несмотря на то, что его мануфактура не работала, как и ряд других, он выплачивал своим рабочим все время простоя по 15 су в день.

Как бы то ни было; слуху в предместьи поверили. Против Ревельона были возбуждены, как и против других хозяев: раздражал контраст их роскошной жизни с нищетой и голодом рабочих, достигшими в эту зиму предела. Коротко говоря, Ревельон явился главным образом ответчиком за свой класс. В Сент-Антуанском предместье пошли возмущенные разговоры. 27 апреля собралось человек 500—600 рабочих, повесили изображение Ревельона и направились к его дому. Так как дом был оцеплен солдатами, на которых толпа еще не решилась нападать, то разгромили дом фабриканта Анрио, будто бы поддерживавшего слова Ревельона.

К вечеру волнения как будто утихли. Но 28-го вчерашние мятежники являются на зеркальную мануфактуру, снимают рабочих, вместе идут к дому Ревельона, прорывают цепь солдат и громят дом. На зрелище сбегаются огромные толпы, пока еще остающиеся в положении зрителей. Подходит новый отряд солдат. Из толпы летят в войско камни и черепицы, сорванные с крыш. Солдаты открывают огонь, в толпе много убитых и раненых. Толпа разбегается.

Погром кончен, и полиция начинает усиленные розыски подстрекателей. Бунт вызвал большое волнение при дворе. Во время беспорядков король приказал каждый час доносить себе о ходе дела. Зачинщиков или тех, кого можно было выдать за таковых, казалось необходимым найти. Но они не находятся. Наконец, хватают двоих рабочих. На одном из них нашли три рубахи с метками Ревельона и Анрио. Рабочий говорил, что купил их на базаре, был пьян и ничего не помнит. У другого в кармане оказался обломок зеркала. Он уверял, что поднял его на улице. Во всяком случае, если даже они оба и участвовали в грабеже, то в бунте их обвинить было нельзя: не было никаких доказательств, что они вступали в борьбу с солдатами. Тем не менее, их в срочном порядке осудили как мятежников, и немедленно повесили. Они тоже были в ответе за класс, за тех, кто голодал и пришел в отчаяние. Казнь произвели у ворот Сент-Антуанского предместья в назидание рабочим. Народу собралось множество. Никаких выступлений, однако, с его стороны не было, так как место казни было оцеплено большим количеством войска.

Розыски продолжались и после этого, и в мае повесили еще несколько человек. Одну торговку приговорили к смерти за то, что она кричала: "Да здравствует третье сословие!". Несколько участников, действительных или предполагаемых, были заклеены железом и сосланы в каторжные работы гребцами на галеры в королевский флот.^{****} Уликамы послужили им раны и то обстоятельство, что некоторые из них, по показаниям свидетелей, были пьяны в день мятежа.

Однако напуганное беспорядками правительство пыталось и задобрить рабочих.

Вскоре после апрельских беспорядков оно открыло для безработных благотворительные мастерские в северном предместье Парижа на Монмартре. Нуждавшиеся в заработке получали там по 20 су в день на земляных работах.

Был ли мятеж 27—28 апреля простым погромом или в нем был революционный момент?

Есть свидетельство, что в городе среди собравшегося толпами населения шли такие разговоры: "Надо идти на помощь братьям из Сент-Антуанского предместья, чтобы понизить цены на хлеб и говядину". Толпы кричали: "Долой аристократов!" "Да здравствует третье сословие!" "Да здравствует король!" т.-е. провозглашали те лозунги, под которыми началась революция 1789 г. Таким образом и в апрельском бунте были отголоски общего революционного настроения страны.

Правительство долго занималось расследованием этого мятежа, хотя у него одновременно были и другие заботы. 5 мая 1789 г. собрались представители трех сословий, так называемые Генеральные штаты, не созывавшиеся перед тем целых 175 лет. Они вскоре объявили себя Национальным собранием и взялись за коренную ломку государственного устройства. Во Франции начиналась революция.

Однако правительство и двор были правы, уделяя так много внимания апрельскому выступлению Сент-Антуанского предместья. Это был первый предвестник будущих выступлений уже не по частному делу, не для сведения счетов с раздражившим рабочих фабрикантом, а для защиты и углубления революции. Без поддержки масс буржуазия, приступившая к переустройству государства, не смогла бы осуществить своего дела, была бы раздавлена двором и аристократами.

Вряд ли, конечно, двор и господствующие при старом порядке сословия могли так осознать будущую роль народных масс. Вероятно, сказался инстинктивный вековой страх перед народом, но инстинкт был верный. Ни одна решающая схватка между революцией и контр-революцией не обошлась без участия населения предместий и особенно Сент-Антуанского. Три года спустя, 10 августа 1792 г., доживавший последние часы и минуты двор со страхом ждал именно движения этого предместья на дворец, на последний штурм королевского трона.

3. НАЧАЛО РЕВОЛЮЦИИ

Что привело Францию к революции? Мы уже видели, что общественно-политический строй старой монархии мешал торговому капиталу найти применение как в области промышленности, так и в области сельского хозяйства. В интересах капитала необходимо было изменить экономическую политику государства, а этого можно было достигнуть лишь при коренной ломке всех устоев самодержавно-дворянский католической монархии, "христианнейший" властелин которой всячески отстаивал привилегии "своего дворянства" и "своего духовенства", а реформы, необходимые для того, чтобы вывести страну из экономической косности и нищеты, близоруко считал "утопией".

Экономически сильная, деловая, образованная буржуазия не хотела и не могла мириться с государственным строем, при котором два первые—паразитические—сословия жили за счет третьего, за счет производительных классов, и, пользуясь всякими привилегиями—служебными, финансовыми,—угнетали и оскорбляли третье сословие. Всю вторую половину XVIII века авангард буржуазии—ее интеллигенция—вел в литературе беспощадную идейную борьбу против деспотизма и неравенства.

К концу XVIII века экономический упадок страны привел к финансовому краху. Он подготовлялся давно. Доходы от насажденной Кольбером промышленности и от беспощадно облагаемой^{*****} торговли не могли возместить ущерба, нанесенного казне войнами и расточительностью короля-солнца, Людовика XIV, и любовницами Людовика XV. Главным источником государственных доходов было земледелие, но земледелие не улучшалось в XVIII веке, а падало.

^{****} Мелкие суда флота в ту эпоху были гребными, работа гребцов на них была действительно каторжной. Когда флот нуждался в гребцах, судам предписывалось увеличивать число приговоров на каторгу.

^{*****} Единая Франция создавалась в конце средних веков путем соединения отдельных областей под властью более сильной из них. Таможни, существовавшие на границах прежних самостоятельных областей, сохранились и теперь, и проходившие через них товары попрежнему облагались пошлинами.

Главный плательщик налогов—крестьянство—оказывалось не в состоянии покрывать все растущие расходы государства—на армию, на содержание бюрократии, на двор, около которого кормились многочисленные семьи. В 1774 г., за 15 лет до революции, двор поглощал одну седьмую доходов государства. При таких условиях французская монархия уже давно жила долгами. Последний самодержец, Людовик XVI, вступил на престол (в 1774 г.), "одушевленный лучшими намерениями", и одним из них была попытка привести в равновесие доходы с расходами. Но от этой "мещанской" затеи ему пришлось вскоре же отказаться под давлением жены, братьев и стаи придворных. В конце концов настал однако момент, когда оказалось, что жить долгами дольше нельзя. Ежегодный дефицит, т.-е. перевес расходов над доходами, возрос до 140 млн. руб. Правительство принуждено было притти к выводу; надо либо признать королевство банкротом, либо сократить расходы государства и обложить привилегированных. Это вызвало бурю негодования среди заинтересованных сословий, и они первые резко высказались против королевского произвола (I). Еще оппозиционнее была настроена буржуазия: главные держатели процентных бумаг, государственных займов были буржуа. Они желали контроля над финансами.

Не видя другого выхода, король согласился на созыв Генеральных штатов. При дворе еще жила надежда, что дело обойдется мирно: соберутся штаты, измыслят новые налоги и потом мирно разойдутся. Прекраснейший в Европе двор выйдет из затруднений, и снова потечет ничем не омраченная, счастливая жизнь, похожая на непрерывный праздник.

Но страна смотрела на дело иначе. Давно уже общий голос образованных и деловых людей утверждал что Франция страдает от отсутствия "устройства"— конституции.

Собравшись 5 мая 1789 г., депутаты, особенно депутаты третьего сословия, сразу же обнаружили намерение заняться целым рядом вопросов государственного строительства.

4. СУЩЕСТВОВАЛ ЛИ В НАЧАЛЕ РЕВОЛЮЦИИ РАБОЧИЙ ВОПРОС?

Чаяния отдельных групп населения отразились в наказах, которые были даны избирателями депутатам. Тут мы находим и сетования купцов, ремесленников и крупной промышленной буржуазии, жалобы и ожидания крестьянства.

Нет или почти нет только требований рабочих. Так как избирательное право было обусловлено имущественным цензом, то рабочие в большинстве случаев участия в выборах не принимали и наказов не составляли. Только цеховые мастера активно участвовали в избирательных собраниях.

Но, кроме наказов, общественное мнение выразилось и в бесчисленном ряде брошюр и листовок, появившихся в это время. Среди них есть несколько таких, в которых уделено внимание и рабочему классу.

В одном письме, обращенном к министру Неккеру, автор возмущается, что рабочие устранены от выборов. Рабочий класс, "самый полезный и драгоценный для государства, будет представлен в Штатах только лицами, интересы которых совершенно противоположны интересам рабочих, ибо последние прямо заинтересованы в том, чтобы удерживать первых в рабстве и зависимости".

Мысль о противоположности интересов богатой и бедной части третьего сословия высказывалась и в одной брошюре, автор которой находит, что экономическое положение населения—единственная реальная основа общественных подразделений.

Однако подобные высказывания были единичны. Противоположность интересов рабочих и работодателей не останавливала внимания большинства писателей и политиков.

Если вопросы организации производства усиленно привлекают внимание современников, то рабочего вопроса для них не существует. Почти все мыслители того времени игнорируют его. Рабочий класс, в собственном смысле этого слова, слишком мал и лишен всякого влияния, он еще пока величина, социальное значение которой незначительно.

Тем менее сознают и умеют ясно определить особенность своих интересов и своего положения сами рабочие, не спаянные, не слитые в одну массу; рабочие не были "классом для себя", т.-е. не были проникнуты классовым сознанием, не давали себе ясного отчета в том, что их интересы до конца непримиримы с интересами буржуазии. Они думали: если до сих пор им жилось плохо, так это происходило оттого, что вообще все порядки были плохи. Изменятся эти порядки, улучшится и их положение. И потому надобно идти вместе с буржуа против тех, кто отстаивает существующее устройство общества.

Правда, среди рабочих существовало довольно сильное революционное движение. Биограф реймского ткача Армонвиля рассказывает, что происходило в Реймсе перед революцией:

"Рабочие, жившие в очень тесной близости между собой, часто сходились на собрания, иногда довольно многочисленные, где они беседовали, произносили речи, обсуждали готовившиеся события, составляли уже проекты и даже мечтали... сделаться властью, которая будет управлять страной. Сперва встречаясь нерегулярно, а потом все чаще и чаще, они получали от монахов-миноритов разрешение собираться в большом зале монастыря. Там в числе сотен и

и даже тысяч они устраивали "штаты четвертого сословия". На этих заседаниях Армонвиль, который мало помалу приобрел большое влияние на своих товарищей, знакомил их с листками, газетами того времени, комментировал книги "философов", говорил о благородных стремлениях Жан-Жака Руссо, Мабли и т.п. Эти собрания даже встревожили местного священника, который стал требовать вмешательства местных властей для преследования "злонамеренных лиц" и прекращения "соблазна".

Несомненно, что и в других промышленных центрах происходило нечто подобное. Четвертое сословие собиралось на свои сходки и обсуждало политические вопросы. Безработица и голод подготавливали почву для волнений, а агитация "злонамеренных лиц" и общее возбуждение страны довершили остальное. В Париже, где довольно высокий избирательный ценз, закрыли доступ к участию в выборах всему рабочему и ремесленному люду; весной 1789 г. секретарю третьего сословия Генеральных штатов была подана от имени "150.000 парижских рабочих" петиция, в которой говорилось; "За что забыли про нас, бедных ремесленников", и указывалось, что рабочие являются общественно-полезным классом, так как удовлетворяют потребности населения.

Но все же вопрос для рабочих шел не о самостоятельных выступлениях, а лишь о поддержке того класса, который в силу своего положения в производстве стал во главе революции, о поддержке революционной буржуазии против сил старого порядка.

В союзе с нею они были внушительной силой и сыграли во многих случаях решающую роль. Это последнее, конечно, относится к парижским рабочим, стоявшим в центре событий.

5. ВЫСТУПЛЕНИЕ ПАРИЖСКИХ РАБОЧИХ на ЗАЩИТУ РЕВОЛЮЦИИ. ВЗЯТИЕ БАСТИЛИИ

С первых же дней между двором и третьим сословием Генеральных штатов назрел конфликт.

Буржуазия чувствовала себя могучей силой. "Что такое третье сословие?"—говорилось в нашумевшей брошюре аббата Сиеса.—Все! Чем оно было до сих пор?—Ничем.—Чем оно должно стать?—Все!"

В этих словах была целая программа. Она не увязывалась с той ролью, которую отводил третьему сословию двор. По примеру прежних лет Генеральные штаты должны были заседать и подавать голоса по сословиям. Имея один голос против двух голосов дворянства и духовенства, чего могло добиться третье сословие?

Оно потребовало поголовного, а не посословного голосования, и не послушалось королевского приказа отданного в особом торжественном заседании, голосовать посословно. В этом конфликте с королем оно стало на революционный путь, проявив мужество и решимость. Когда двор попробовал разогнать упрямых депутатов, Байи, председатель собрания третьего сословия, отвечал: "Нельзя приказывать собравшейся нации". А неизвестный бретонский депутат воскликнул: "Что это?! Король говорит с нами, как господин, между тем, как он должен был бы просить у нас совета!"

Третье сословие провозгласило себя Национальным собранием и добилось того, что к нему присоединилась часть депутатов от привилегированных. Король уступил.

Однако, если король и уступил, то не хотели уступать окружающие его реакционные группы дворянства и придворные, предвидевшие конец своему паразитическому существованию. Под их давлением Людовик XVI ввязался в новый конфликт с революционной буржуазией, кончившийся для него не менее постыдно. Однако, решающую роль на этот раз уже сыграли народные массы, именно они спасли дело революции.

11 июля король уволил министра Неккера, стоявшего за соглашение с Национальным собранием. К этому времени к королевской резиденции—Версалю—уже успели стянуть из провинции войска, на которые можно было положиться. Двор подготавливал разгон Собрания, арест непокорных депутатов. Эти приготовления взволновали Париж, который после 11 июля был охвачен необычайным возбуждением. На площадях, в предместьях не расходились взволнованные толпы. Раздавались призывы поддержать Национальное собрание. В Пале-Рояле ^{*****} недавно приехавший из провинции молодой адвокат Камилл Демулен приглашал к вооруженному восстанию.

***** Пале-Рояль—дворец герцога Орлеанского, двоюродного брата короля. Интригуя против старшей линии, герцог заигрывал с революционерами и открыл для публичных собраний сады при своем дворце. Район Пале-Рояль скоро стал пристанищем провинциальной интеллигенции, загнанной в Париж безработицей и желанием быть поближе к центру революционных событий. "В Париже живет 40.000 не-парижан,—писал редактор газеты "Парижские революции"... Так как они не принадлежат к Парижской коммуне, то им не предоставлено право участия в делах этой коммуны. Но так как в районах часто говорят не только о делах, касающихся коммуны, но и всей Франции, то пришельцы незаметно объединились в свой особый район; этот район—Пале Рояль".

"Нельзя терять ни одного мгновенья. Отставка Неккера—это набат, раздавшийся с Лувра. Это призыв к Варфоломеевской ночи^{*****}. Еще сегодня вечером нахлынут с Марсова поля немецкие и швейцарские наемники, чтобы истребить нас. Одно спасение остается мам теперь—к оружию, граждане, к оружию!"

Эти призывы были отголоском общего возбуждения. Наэлектризованные массы готовы были к выступлению. Толпы рабочих, ремесленников разыскивали по частным домам и правительственным зданиям оружие. Кузнецы спешно изготовляли пики, чтобы вооружить парижан. Предместье Сен-Марсель и Сент-Антуан были готовы к выступлению. У них появились свои вожди. В Сент-Антуане, например, пивовар Сантерр, играл потом видную роль в революционном движении. — 14 июля отряд королевских драгун прошел через Сент-Антуанское предместье и направился к Бастилии. Бастилия, государственная тюрьма, была символом деспотизма. В Бастилии иногда десятками лет томились политические преступники, попадавшие сюда без суда в силу королевского приказа. Часто в заключении сидели люди, просто ставшие поперек дороги какому-нибудь сильному человеку, который выпрашивал королевский приказ об аресте злополучного. Так, в Бастилии сидел знаменитый писатель XVIII века Вольтер за то, что осмелился вызвать на дуэль одного оскорбившего его вельможу. Но Бастилия была не только тюрьмой, она была и укрепленным замком, господствовавшим над Парижем, и могла стать базой для действия контр-революционных войск.^{*****} Когда драгуны направились к Бастилии, рабочее предместье поднялось. Толпы народа немедленно бросаются в арсенал, захватывают ружья, берут пять пушек и устремляются на Бастилию. К вечеру она была взята. Комендант ее был обезглавлен. Той же участи подверглись в городе еще несколько человек, которых обвиняли в спекуляции зерном. Головы их, надетые на пики, восставшие носили по улицам Парижа. Столица была иллюминирована, и всю ночь шло ликование.

Кто были герои дня? Несомненно, во главе отрядов, штурмовавших Бастилию, стояли буржуа. Но массу составляли рабочие. Из ста человек, убитых при взятии тюрьмы, многие были неопознаны по нескольким дням. Очевидно, это были пришлые люди, которых голод пригнал в столицу на поиски работы.

Итак, в решительный момент рабочие массы спасли дело революции. Это признают крупнейшие деятели того времени. Генерал Лафайет, назначенный начальником сформированной Национальной гвардии, депутат Мирабо и ряд других свидетельствуют, что взятие Бастилии—дело рук рабочих.

Было ли движение чисто политическим? Нет. Одновременно с Бастилией восставшие массы громили пекарни, монастыри, в которых по слухам были огромные запасы продовольствия, городские заставы, где взимался сбор с привозимых в город продуктов. Бунт был направлен не только против королевской власти. Голод толкал неимущие классы на выступление против имущих. Поддерживая депутатов третьего сословия, организовавшихся в Национальное собрание, против двора, массы надеялись, что новый порядок принесет улучшение их экономического положения.

6. РАСХОЖДЕНИЕ БУРЖУАЗИИ с РАБОЧИМ КЛАССОМ

Итак, в момент решительной схватки новых сил с силами старого порядка парижские народные массы стали на защиту Национального собрания,

"Как не волноваться народу,—сказал в Собрании депутат третьего сословия Мирабо^{*****},— Как не волноваться народу, когда угрожают его последней надежде? Ведь он знает, что если мы не разобьем его цепей, они станут еще тяжелее. Гнет укрепится".

Однако ближайшие же дни показали, что если Национальное собрание и было—в этот начальный период революции—действительно надеждой народных масс, то сами-то члены Собрания отнюдь не были склонны объединять свое дело с делом этих масс. Члены Собрания все время прекрасно сознавали глубокоую рознь между собой и массами.

К. РАТКЕВИЧ

ФРАНЦУЗСКИЕ РАБОЧИЕ в ГОДЫ ВЕЛИКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

М.-Л.: Московский рабочий. 1928.

Vive Liberta и Век Просвещения, 2009

^{*****} В Варфоломеевскую ночь, в 1672 г. происходило избиение французских протестантов (гугенотов), организованное королем Карлом IX и его матерью, Екатериной Медичи. Оно началось одновременно во всем Париже по условному знаку: ночью с Луврского дворца, где жила королевская семья, раздался набат.

^{*****} Это был замок с восемью высокими башнями, окруженный толстой—в четыре аршина—каменной стеной и глубоким рвом с водой.

^{*****} Граф Мирабо— старший сын известного в XV111 веке писателя маркиза Мирабо, до созыва Генеральных штатов прославился своими оппозиционными абсолютизму сочинениями и громкими скандалами своей частной жизни. Гениальный оратор, он играл крупную роль в Национальном собрании, куда прошел от третьего сословия, так как дворянство отвергло его.

События 14 июля расчистили дорогу революции. После взятия Бастилии двор был так напуган, что король без свиты, в сопровождении обоих своих братьев, графов Прованского и д'Артуа, явился в Национальное собрание вверить себя его охране. Собрание с восторгом приветствовало его и проводило до дворца. На другой день Людовик XVI поехал в Париж, в Городскую думу, утвердил избранные накануне революционным путем власти—мэра (городского голову) Байи^{*****} и начальника Национальной гвардии, популярного участника североамериканской революции, генерала Лафайета, надел трехцветную революционную кокарду) и вернул Неккера.

Еще накануне этих событий один из депутатов говорил в Национальном собрании: "Я знаю, что мы идем между двумя подводными скалами, между ненавистью наших врагов (т.-е. двора и редакционной аристократии) и яростью народа".

Теперь это как будто миновало. Умеренные группы успокоились в одном отношении: контрреволюции больше опасаться не приходилось. И вот все их страхи теперь обратились налево—к народным массам, и страхи эти были так велики, что некоторые представители буржуазии в этот момент только что одержанной над двором победы были почти близки к отчаянию.

Бывший президент Национального собрания, новый парижский мэр Байи в официальной речи к королю после 14 июля выражал уверенность, что теперь все будет хорошо и в стране воцарится нужное спокойствие, деловое настроение. Но вот что он писал у себя в дневнике: "Спокойствие и порядок—легко сказать!.. Но разве о новом порядке вещей говорят эти неожиданные, будоражащие события? Я эти граждане, шпаги которых с ужасающим лязгом подымались над главой короля, этот король, которого победивший народ как бы запряг в триумфальную колесницу только что завоеванной свободы, эта чернь с оружием в руках, всегда готовая разыграть террористическую сцену и упрочить состояние анархии,—разве все это позволяет надеяться на спокойные времена?!"

Отныне зоркий и тревожный взгляд буржуазии будет устремлен главным образом налево—в сторону масс.

А массы то и дело теперь будут давать о себе знать. Неделию спустя после взятия Бастилии в муниципалитет явились манифестанты из рабочих предместий Сент-Антуан и Сен-Марсель и потребовали, чтобы были снижены цены на предметы первой необходимости. И муниципалитету пришлось дать успокоительные обещания. "Народные массы,—говорили в муниципалитете,—только что оказали важные услуги революции и потому не следовало их раздражать". А кроме того и нельзя было их раздражать. Старая королевская власть была бессильна, ее никто не слушался, а у муниципалитета еще не было реальной силы в руках.

Как только появилась эта сила в лице спешно организовавшейся Национальной гвардии, муниципалитет стал действовать не так мягко.

7. РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ ЛЕТОМ 1789 г.

Голод в Париже держался и летом 1789 г. Подвоз хлеба почти прекратился. Городскому управлению приходилось посылать в провинцию своих агентов по закупке хлеба. Обозы с мукой приходили в Париж под сильным конвоем, так как в дороге на них нападали местные жители. Эти накладные расходы увеличивали цену хлеба.

Я безработица возрастала. В Париже производились, главным образом, предметы роскоши. Первые же революционные события отразились на их потреблении: прекратились придворные и аристократические празднества. Часть аристократии сразу же после 14 июля эмигрировала, оставшиеся во Франции аристократы сократили свои расходы, многие разъехались по провинциям.

Появились безработные новых категорий—в том числе парикмахеры, домашняя прислуга, подмастерья, раньше занятые в производстве предметов роскоши.

С середины августа подмастерья разных ремесл стали собираться на сходки.

Революция с первых же дней принесла рабочим одно несомненное благо—свободу собраний. Если бы полгода назад собралось 3.000 человек, то правительство посмотрело бы на это как на бунт, начало погрома, и все мирные граждане позакрывали бы наглухо окна и двери. Теперь било не то.

Однако, пользоваться этой свободой рабочим пришлось недолго, как мы увидим ниже.

Чтобы обсудить свои требования, портновские подмастерья устроили сходку перед Лувром. Сходка была закрытая: чужих прогоняли, своих узнавали по примете—исколотый иглой палец. На сходке присутствовали и хозяева (это одно уже говорит о недостатке классового чувства). Выступал ряд ораторов. Потом избрали 20 делегатов и отправили в Думу требовать повышения заработной платы до 40 су в день во всех мастерских готовых вещей и запрещения старьевщикам

Астроном и член Французской академии. в) Цвет королевского знамени был белый. К нему были присоединены синий и красный цвета—цвета Парижа—символ революции.

шить платье, чтобы эта работа осталась привилегией портных. Последнее требование городское самоуправление отвергло, справедливо увидя в нем пережиток старого корпоративного духа, духа нетерпимости и стремления к привилегиям.

Относительно надбавки к заработной плате оно высказалось сочувственно, но вмешиваться в отношения хозяев и рабочих отказалось — "не имея на это права".

Почти одновременно начались сходки парикмахерских подмастерьев (в этот век пудренных париков их было в Париже 7.000 человек). Они требовали, чтобы был понижен взнос, делавшийся в бюро цеха при поисках работы.

Зашевелилась и домашняя прислуга.

Наконец, в сентябре подмастерья-башмачники сделали попытку организовать нечто вроде профсоюза. Определили размер членских взносов, установили размер заработной платы.

Городское самоуправление недолго оставалось в нерешительности перед рабочим движением. Оно имело уже в руках надежную силу—свою силу; только что организовавшуюся Национальную гвардию. В нее вступали лица зажиточные, которые имели определенную оседлость и могли купить на свой счет обмундирование. Весь беспокойный пришлый элемент—пролетарская интеллигенция, хлынувшая в революционный Париж в 1789 г., бедняки, кочевавшие из квартала в квартал, с квартиры на квартиру и не имевшие возможности купить вооружение, рабочие, мелкие ремесленники,— не попал в нее.

Можно было наложить узду на движение в массах или, как говорил Байи: "сдерживать, ограничить и охранить законом завоеванную свободу",—ту меру ее, которая была потребна буржуазии.

Домашней прислуге было запрещено собираться. Место ее сходки было оцеплено патрулями с приказанием применять силу и задерживать ораторов. Дело не дошло до вооруженного столкновения лишь благодаря тому, что солдаты не повиновались приказу своего офицера и обезоружили его.

Домашняя прислуга просила разрешения устроить организацию с определенным уставом. Муниципалитет не разрешил и этого, ссылаясь на то, что, по распространенному тогда взгляду, между личностью и государством не должно быть промежуточных звеньев, не должно стоять никакой организации.

Конечно, вопреки этому взгляду, жизнь подсказывав рабочим необходимость организации, да и муниципалитет в своем отказе исходил не только из принципиальной теоретической точки зрения, но, конечно, и из понимания или инстинктивного чувства классовых интересов капиталистов.

Запрещению собираться рабочие пока подчинились, в выступлении их была еще значительная робость: прислуга, например, поспешила поместить в газете "Парижские революции" заявление, в котором уверяла, что отнюдь не хотела угрожать общественному спокойствию.

Особенную тревогу внушали городскому самоуправлению в эти летние месяцы рабочие благотворительных мастерских, устроенных Людовиком XVI в мае после дела Ревельона. В них было занято около 17.000 человек. По выражению одного из будущих жирондистов (о них будет речь дальше), это была "дикая орда у ворот цивилизованного города". Они, действительно, вели себя не слишком спокойно. Получаемая ими плата в 20 су в день была голодной платой, если принять во внимание, что фунт хлеба уже стоил 4 су, фунт сала—14 су, фунт масла—21—23 су. Рабочие выходили большими вооруженными толпами на дороги, разбивали идущие в Париж обозы с хлебом. Против них приходилось высылать кавалерию. Тогда в городском самоуправлении был поставлен вопрос о том, чтобы сократить работы, рассчитать всех пришлых и отправить их по домам подальше от Парижа. "Мы сбросим со своей шеи 17.000 чрезвычайно беспокойных людей",—мечтал мэр Байи. Буржуазия очень боялась при этом, как бы в день закрытия работ не произошло беспорядков. Мастерские были оцеплены войсками. Кроме того, явились значительные отряды добровольцев. Среди них встречались и те, которые отличились при взятии Бастилии. Таким образом в третьем сословии быстро произошло расслоение. Те, кто 14 июля сражались бок о бок,—оказались теперь в двух враждебных лагерях—усмирителей и предполагаемых бунтовщиков.

Однако, все обошлось мирно. Рабочие покорно сдали инструменты и разошлись. Состав их был слишком пестрый и случайный для дружного выступления: среди них было много деклассированных людей, были профессиональные нищие, разорившиеся купцы и мастера, домашняя прислуга—им было трудно столкнуться.

8. ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТРЕВОГИ ОСЕНЬЮ 1789 г.

Не только боязнь перед профессиональными выступлениями рабочих, но и политические тревоги омрачали буржуазии эти первые месяцы революции и углубляли пропасть между нею и народными массами.

Выразителем ее воли было заседавшее в Версале рядом с королем Национальное собрание,

оно как раз в это время провозгласило Декларацию прав человека и гражданина, в которой оно указывало принципы предстоящей ему законодательной работы и первый параграф которой гласил: "Люди рождаются и остаются свободными и равными в правах". Теперь оно перешло к деловой работе, к выработке конституции. Разбирался вопрос, будут ли две палаты или одна, и предоставить ли королю право отменять постановления Национального собрания или только право приостанавливать их. Само Собрание разделилось, в нем шла горячая борьба между правыми и левыми депутатами. Парижское население—ремесленники, служащие кон-тор, врачи, адвокаты, учителя, рабочие—пристально следили за деятельностью Собрания. Парк Пале-Рояля опять кишел народом. В излюбленном ораторами кафе Фуа не умолкали споры. Здесь родилось решение отправить депутацию в Версаль, поддержать левых депутатов, требовать, чтобы король переселился в Париж, поставить его под присмотр народа, освободив от вредного влияния аристократии.

Городское самоуправление высказалось решительно против такого выступления. Тогда один из ораторов Пале-Рояля, редактор газеты "Парижские революции", Предложил поднять секции (избирательные участки) Парижа и отозвать парижских представителей из Национального собрания, если они не поддержат выступления народа. Это была первая попытка применения на деле учения демократического писателя XVIII века Руссо суверенная (верховная) власть принадлежит народу. Глава исполнительной власти—король, и депутаты—носители законодательной власти—лишь его приказчики, которых суверен смещает, как только они ему неуютны.

Но городское самоуправление не желало такого углубления революции, не желало, чтобы народные массы диктовали свою волю законодателям.

Оно решило применить вооруженную силу. В Пале-Рояле началась охота за агитаторами. В кафе Фуа произошло побоище, причем Национальная гвардия пустила в ход штыки. Уличных чтецов газет стали арестовывать. Движение как будто заглохло. Но брошенная в массы мысль о насильственном переселении короля в Париж пустила такие ростки, что Месяц спустя она осуществилась. Правда, у голодных рабочих были при этом другие мотивы выступления, чем у политиков из мелкобуржуазной интеллигенции. Их интересовал главным образом вопрос продовольствия. При старом режиме их приучили к тому, что правительство худо ли хорошо ли улаживало продовольственные затруднения. Им казалось, что с переходом короля в столицу правительство лучше позаботится о народе.

5 октября огромные толпы парижской бедноты двинулись к Версалью, смяли охрану, ворвались во дворец и на следующий день заставили короля с семьей переселиться в Париж. Он въехал туда посреди многотысячной толпы женщин из рабочих предместий, радовавшихся, что везут в голодную столицу "Булочника", "Булочницу" и "Пекаренка", а с ними, конечно, изобилие всего. Вместе с королем перешло в Париж и Учредительное собрание.

Изобилие, однако, не пришло, и весь октябрь продолжались голодные волнения. В конце месяца толпа устроила погром, убила булочника. Городское самоуправление обратилось с ходатайством к Национальному собранию об издании закона против нарушителей порядка. И в тот же день Национальное собрание издало закон о применении военного положения для восстановления спокойствия. Закон давал право муниципальному чиновнику, представителю городского самоуправления, вооруженной силой разгонять народные скопища. Подстрекатели беспорядков подлежали суровым наказаниям, вплоть до смертной казни. На следующий же день закон, утвержденный королем, вступил в силу,—на этот раз разногласий между королем и Собранием не было. Вместе с тем полицейская власть была сосредоточена в руках муниципалитета. Формирование Национальной гвардии было закончено. Другими словами, "собрание власти", о котором заботился Байи, шло полным ходом.

Насколько буржуазия склонна была в это время к репрессиям, показывают хотя бы такие факты: в октябре осудили и повесили чернорабочего, лишь во одному подозрению в участии в убийстве булочника. Другого отправили на виселицу за то, что он кричал на улицах, что Сент-Антуанское и Сен-Марсельское предместья пойдут на монастыри. Эта болтовня была квалифицирована, как призыв к мятежу. Всю осень по городу расхаживали усиленные патрули, и Национальная гвардия обыскивала на улицах подозрительных прохожих.

После этих первых же столкновений буржуа с "чернью", имущая Франция нашла нужным закрыть доступ к власти Франции неимущей. Не откладывая дела, в ту же осень 1789 г. Учредительное собрание разделило граждан на активных и пассивных,—к первым принадлежали все мужчины, достигшие 25 лет и "платившие налог в размере трехдневной заработной платы. Только они получали право избрания депутатов в Законодательное собрание и должностных лиц местного самоуправления. Чтобы иметь право быть избранным, ценз был установлен еще выше: необходимо было владеть недвижимой собственностью и уплачивать годовой налог в 50 франков. Решать судьбы наций были таким образом призваны лишь лица зажиточных классов, Масса же рабочих и мелкой буржуазии попала в разряд пассивных граждан, была устранена от политической жизни.

9. ДВИЖЕНИЕ СРЕДИ РАБОЧИХ НАЦИОНАЛЬНЫХ МАНУФАКТУР

В то время как первые же попытки выступлений рабочих частных предприятий были сломлены буржуазией, движение на королевских мануфактурах увенчалось успехом. Оно началось осенью 1789 г. на мануфактурах тканых обоев и ковров—Гобеленовой и Ла-Савоннери (обе мануфактуры были расположены в предместьях Парижа).

Жалобы на низкую заработную плату и на дороговизну жизни раздавались на Гобеленах еще в 1779 г. и казались настолько справедливыми, что тогда же главный директор распорядился выдавать семейным рабочим еженедельное пособие. Однако, при своеобразной организации промышленности, администрация мануфактуры не имела непосредственного отношения к рабочим: между ними стояли "подрядчики", мастера, получавшие работу от администрации и раздававшие ее рабочим уже от себя. Мастера получали определенную сумму с каждого квадратного аршина ковра. И вот они стали жаловаться дирекции, что получающие пособие рабочие меньше вырабатывают в день, чем не получающие. Вняв жалобам мастеров, дирекция в 1783 г. отменила пособия.

Революция толкнула рабочих на новые ходатайства: подали докладную записку об уничтожении урочной работы и об увеличении заработной платы. Ответа не было целых полгода. Но рабочие проявили настойчивость и сумели организовать: избрали комиссию для выработки проекта новой заработной платы, снова, на этот раз через делегатов, представили свои требования дирекции и, несмотря на отговорки, что финансы государства плохи, добились своего. С января 1791 г. заработная плата стала выплачиваться в размере от 40 до 80 су—в зависимости от разряда. Вместе с тем был значительно сокращен рабочий день. В светлые дни—весной и летом—он был определен в 10 часов; остальное время года был короче. Правые общественные круги возмущались и уступчивостью властей и "дерзостью" рабочих. "Рабочие собираются захватить управление мануфактурами, будут подчиняться только "своим комитетам!"—писала одна анонимная брошюра. Но королевская администрация продолжала идти навстречу рабочим. На мануфактуре Ла Савоннери она даже сама предложила рабочим образовать комиссию для выработки условий труда и оплаты его.

То же отношение к рабочим наблюдалось в это время и на Севрской фарфоровой мануфактуре. Управляющий мануфактурой писал своему начальству: "Монархия проявит осторожность и благоразумие, если будет уступчива с рабочими". Действительно, предприниматель-король был не в таком положении, чтобы ссориться со своими "добрыми рабочими". Королевский трон и так был неустойчив и делался день ото дня все неустойчивее.

Борьба с частными предпринимателями была гораздо труднее, и когда хозяева оказывались в невыгодном положении, то "революционные" власти, не в пример королевской администрации, смело пошли на репрессии

Новая буржуазная власть чувствовала себя крепче в седле, чем король.

10. УЛУЧШЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОЛОЖЕНИЯ. СТАЧКИ

В конце 1790 г. и начале 1791 г. экономическое положение Франции значительно улучшилось. "Торговля очень окрепла, во всевозможных мастерских наблюдается давно невиданное оживление, хозяева жалуются, что нехватает рабочих рук",—говорится в одном докладе Национальному собранию в июне 1791 г. В другом докладе читаем, что на шерстяных, шелковых и полотняных мануфактурах царит "величайшая деятельность". В Лангедоке, Нормандии, Бретани; Фландрии, Пикардии, Шампани промышленность процветает. В Лионе недостает рабочих рук. Выборные представители торгового класса свидетельствуют: "Национальные фабрики пользуются величайшим процветанием. Они работают весьма деятельно. Сбыт очень легкий, и продажная цена очень выгодна".

О том же говорит в своих записках один из депутатов Национального собрания: "Земледелие не переставало процветать, и мануфактуры достигли большей степени деятельности, чем когда-либо в прежнее время". Об оживлении торговли говорили в 1791 г. и в якобинском клубе.

Положение настолько окрепло, и денежный оборот настолько возрос, что в Париже и Лионе ряд торговых домов, идя навстречу потребности в мелких деньгах, выпустили кредитные билеты для размена ассигнаций (в виду финансовых затруднений Учредительное собрание выпустило бумажные деньги-ассигнации: они были от 50 франков и крупнее),—и эти разменные билеты принимались населением с полным доверием, настолько прочным казалось положение торговых предприятий.

Итак, кризис 1788 и 1789 гг. миновал. Французская промышленность снова окрепла.

***** Торговые представители только жалуются на: 1) сильный вывоз сырья за границу, который может поставить в затруднительное положение "наши фабрики, столь процветающие теперь", и 2) на недоверие к ассигнациям.

К этому надо еще прибавить, что в 1790 г. урожай хороший, цены на хлеб, а вместе с тем и на другие продукты питания, понизились. Хлеб, например, вместо за фунт продавался теперь по 2 су.

С расцветом промышленности повысилась заработная плата во многих предприятиях. А где и не повысилась, положение рабочих все же улучшилось, так как подешевели продукты.

Условия же питания парижских рабочих улучшились еще и потому, что весной 1791 г. парижское городское управление уничтожило наконец пошлины, бравшиеся с продуктов при ввозе их в столицу. Это событие, которого давно добивалось население, было торжественно «Праздновано народом гулянками у застав. Сложили песенку:

*Будем петь и веселиться
По всей Франции,
Долгожданный этот день
Приносит изобилие.*

Дальше в песенке говорилось, что у всех теперь Судет курица в супе и прекрасное вино за дешевую цену, так что и сапожник и писатель смогут напиться. Веселые и впечатлительные парижане долго оглашали улицы этим своеобразным гимном в честь беспошлинного ввоза продуктов. Некоторое время это была самая модная песенка; выпустили даже веера, на которых она была напечатана. В общем положение рабочего люда улучшилось. Это видно еще и из того, что в 1791 г. в Париже большее количество лиц пользовалось избирательными правами, чем в 1790 г., а ведь для того, чтобы участвовать в избрании должностных лиц, надо было уплатить налог. Ужас голодной смерти, томивший французских рабочих в 1788—89 гг., прошел.

Можно было среди общей борьбы за улучшение условий жизни подумать и о себе,—об улучшении своего положения. Среди рабочих начинаются разговоры о зарплате, который давал бы им с семьями возможность прилично существовать, отдавая работе не больше 10—12 часов в день (8-часовой рабочий день тогда и не снился!)

Уже в октябре 1790 г. была довольно крупная стачка столяров. Интересно, что один из ее организаторов обратился ко всем секциям Парижа с просьбой изгонять из секционных собраний всех штрейкбрехеров. Помощь администрации секций—это, по его мнению, "единственное средство" провести забастовку. Он надеется, что администрация секций "поймет свой революционный долг",—ведь раздор между рабочими сеют "аристократы" (так называли тогда всех контр-революционеров).

Весной 1791 г. стачечное движение оживилось. В Париже бастовали башмачники, кузнецы, печатники и большинство строительных рабочих: слесари, столяры, каменщики, кровельщики. Хозяева уверяли, что всего в стачки было вовлечено до 80.000 человек.

Тогда-то в разгар стачки рабочие и увидели, на чьей стороне стоят новая администрация и сами законодатели.

Первые попытки объединения и борьбы рабочих в условиях свободного буржуазного государства так показательны и трагичны, что на них надо остановиться подробнее.

11. СТРАХИ БУРЖУАЗИИ и ГОТОВНОСТЬ к РЕПРЕССИЯМ

Прежде чем говорить о рабочем движении, скажем, однако, несколько слов о той общественной атмосфере, в которой ему пришлось протекать.

Составляя конституцию, Учредительное собрание не чувствовало себя свободным. Время от времени его еще тревожил двор, не только не мирившийся с новым порядком вещей, но явно враждебный и что-то замышлявший. Но чаще страхи Собрания вызывались действиями левых партий и волнениями масс.

Давление масс все время ощущалось. Обсуждается, например, в Собрании вопрос об организации министерств, и вот несколько депутатов получают откуда-то из глубины Франции угрожающее заявление: "Голосуйте так-то по данному вопросу, иначе мы будем иметь честь поджечь ваши замки..." Еще ощутило было давление Парижа. По разным поводам в Собрание являлись депутации предместий, представляли петиции, требовали принятия тех или иных мер, поддерживали предложения левых депутатов и т.д.

Собранию то и дело приходилось прерывать свои заседания, пережидая, пока перед ним продефилируют оборванные, грязные и изголодавшиеся санкюлоты предместий.

Все это нервировало Собрание, не желавшее терпеть Вмешательства масс в его работы. В массах же радикальные агитаторы распространяют мысль, что законодатели лишь приказчики народа, которых он может отозвать в любой момент в случае своего недовольства ими, что они подлежат его контролю.

К. РАТКЕВИЧ ФРАНЦУЗСКИЕ РАБОЧИЕ в ГОДЫ ВЕЛИКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

***** Санкюлотами называли всех носивших простонародный костюм—длинные брюки, а не короткие до колен панталоны, называвшиеся "кюлот".

Дело "собирания власти" оказывается чрезвычайно трудным при таких условиях. Вожди буржуазии живут в непрерывном страхе, ежечасно ждут вспышек анархии. Отменяют, например, городские пошлины,—факт благоприятный для масс, и тем не менее мэр Парижа Байи уверен, что произойдут бесчинства, и высылает войска. Немудрено, что, когда начались забастовки, его тревога не знала предела. Он поминутно обращается к военным властям, прося их быть наготове. И, однако, Байи лично не был трусом. Когда позднее, при правительстве террора, его вели на казнь, и кто-то насмешливо заметил ему: "Ага, ты дрожишь, Байи!" он спокойно ответил: "Это от сырости". День был сырой и холодный...

В 1791 г. его страхи были страхами буржуазии перед выступлением низших классов.

Однако, живя в постоянной тревоге, подчас может быть преувеличивая опасность, буржуазия не терялась, не сдавала позиций. Напротив, все два года с 1789— по 1791 г. пока ее представители вырабатывали основы нового буржуазного строя, она систематически старалась собрать власть в свои руки.

Закон о военном положении, изданный в октябре 1789 г., дал ей возможность расправляться с противником вооруженной силой. Когда осенью 1790 г. начались какие-то сборища вокруг разрушенной Бастилии, Собрание по предложению одного из своих членов, видного экономиста Дюпон-де-Немура, издало новый декрет об охране порядка.

Весной 1791 г. парижский муниципалитет (орган городского самоуправления) и департаментские (губернские) власти просили Национальное собрание о новом карательном законе против нарушителей порядка, сторонников анархии; требовали ограничения свободы печати. В апреле этого же года муниципалитет послал в собрание депутацию заявить, что в стране все вошло в свое русло, и потому пора ввести в рамки право петиций.

Шм8 в Собрание был внесен соответствующий законопроект, и докладчик Ле-Шапелье предложил лишить права петиций всех "пассивных" (т.-е. лишенных избирательных прав) граждан. Бедняки не заслуживают этого Права. "Надо прямо сказать тем, кто почти всегда по собственной вине терпит нищету: трудитесь усерднее и с пользой, и вы получите права гражданства".

Этот проект и это циничное заявление вызвали взрыв негодования в радикальных кругах. Левые депутаты энергично протестовали против него в Собрании, Робеспьер возмущенно напомнил, что даже при деспотическом режиме люди имеют право просить, а ныне в свободной Франции - их хотят лишить этого права.

Предложение Ле-Шапелье не прошло. Право петиций было оставлено за бесцензовыми гражданами. Но, ограждая себя от давления клубов, Собрание запретило Коллективные петиции.

Вот в такой неблагоприятной обстановке, когда напуганные буржуазные власти решительно ополчились против народных выступлений, пришлось осуществиться первым попыткам рабочих организовать и повести профессиональную борьбу.

12. РАБОЧИЕ ОРГАНИЗАЦИИ. ОБЩЕСТВО ТИПОГРАФОВ

Что касается профессионального движения, происходившего в 1791 г., то наиболее подробные сведения до нас дошли о профессиональных объединениях типографов и плотников. Как раз в области строительства и в типографском деле царило большое оживление, момент был благоприятен для стачек. Революция бесконечно усилила спрос на разного рода брошюры, листовки, газеты. Падение бумажных денег-ассигнаций, выпущенных Национальным собранием, побуждало капиталистов вкладывать деньги в недвижимое имущество—отсюда новое оживление строительства, заглохшего было в 1789 г.

Общество типографов ("Клуб типографов") возникло еще в 1790 г. В него входили литераторы, но главным образом рабочие-типографы. Летом этого года оно выработало устав для печатников, который обсуждался потом и был утвержден на собрании выборных от печатников. По этому уставу каждая вступившая в союз типография, имевшая не менее 20 рабочих, выбирала двух делегатов. Их устами рабочие-типографы выражали свое отношение к тем или иным вопросам, разбиравшимся в Национальном собрании. Рабочие каждой типографии должны были следить за выполнением в типографиях регламента для учеников и устава союза. Устроена была касса взаимопомощи, выдававшая пособия больным и безработным. Старикам, не годным к работе, предполагалось выдавать пенсию по 15 франков в месяц. От вступающих в союз требовался взнос в 12 франков, физическое и душевное здоровье и "добрые нравы". Забастовки могли происходить только с разрешения союза. Члены союза должны были следить за добросовестностью товарищей. А когда началось гонение на союз, члены его поспешили внести в устав пункт о том, чтобы не было ущерба хозяину, порчи материала и проч. Но эта предупредительность не спасла от гонений.

Весной 1791 г. в городское управление был сделан на "Клуб типографов" донос. Он исходил от недавно возникшей ассоциации хозяев, строительных подрядчиков и других предпринимателей, имевшей целью добывать от города заказы. Существование "Клуба типографов" очень обеспокоило эту организацию капиталистов, и они пустили в ход всякие клеветы: "Это—общество,

противное свободе и даже разрушающее зареванную нами свободу"- "Оно совершенно презирает самую букву мудрых декретов Национального собрания" (сами же доносчики, конечно, стоят целиком на точке зрения Национального собрания и бесконечно уважают Конституцию). Такой же донос поступил и в секцию, где находился "Клуб".

Чем же союз наборщиков "разрушал только что завоеванную свободу?" Им было принято постановление, чтобы ни один наборщик, под страхом репрессий со стороны товарищей, не мог соглашаться на заработную плату ниже той, которую установил его предшественник или другие товарищи. Эта-то постановление и вызвало ожесточение буржуа.

После этих доносов председателю "клуба" пришлось оправдываться: мы, дескать, филантропы, а не политики. Мы—искренние патриоты, преданы конституции. Это клевета, будто наш клуб объединяет одних рабочих. Среди наших членов есть буржуа-литераторы, есть издатель газеты. От защиты переходя к нападению, (председатель тут же утверждает, что вот собственники типографий—те действительно устраивают тайные собрания с целью прижимать рабочих, печатники же сосищаются открыто, и цель у них одна—облегчить положение бедняков. Будь хозяева друзьями революции, они бы делали то же самое. Этого требует общий интерес.

Итак, профессиональное объединение печатников преследовало, если верить словам его председателя, исключительно филантропические цели, было каким-то благотворительным обществом? Мы смело можем не верить этому. Но интересно, что нужна была такая "защитная окраска" для рабочего объединения даже в пору революции, т.-е. ломки старого и создания нового права.

Время для признания законности пролетарского движения тогда еще не пришло.

На самом деле "клуб", конечно, вмешивался в отношения хозяев и рабочих. Он и сам принужден был признать это, хотя и уверял, что делает это опять-таки в интересах общего мира: я Клуб только и занимается, что улаживанием споров между рабочими и владельцами типографий, когда они обращаются к нему".

Когда начались забастовки и пошли репрессии, в печатном органе "клуба", несмотря на все старания сохранить "защитную окраску", прорывалось явное сочувствие стачечникам. "Работы повсюду прерваны; отовсюду несутся вопли страждущего человечества; тюрьмы наполнены "изнемогающими и несчастными жертвами". Сочувствие профессионального органа было, конечно, на стороне пролетариев, а не хозяев.

13. ЗАБАСТОВКА ПЛОТНИКОВ

Движение среди плотников началось весной 1791 г. с того, что они испросили у городского управления разрешения собраться в зале бывшего архиепископского дворца. На собрании шла речь о повышении заработной платы—работ строительных много, барыши у хозяев будут хорошие, и они могут прибавить плату рабочим.

В апреле началась забастовка. Как рассказывали потом хозяева, 18 апреля с 5 часов утра агитаторы разошлись по всей парижским мастерским и складам материалов и стали уговаривать товарищей прекратить. Затем рабочие пригласили хозяев на совещание. Требовали заработной платы в 50 су (т.-е. 2.5 франков в день вместо прежней в 37 су). Хозяева отказались притти на совещание. Рабочие не вышли на работу. Спустя несколько дней некоторые из более состоятельных рабочих нашли подряды и предложили своим товарищам работать у них по 50 су. Эту ставку пришлось принять некоторым из старых подрядчиков, но большинство из них не хотело уступать, не уступали и рабочие. Забастовка затягивалась.

Обе стороны обратились тогда к посредничеству мэра. Рабочие просили воздействовать на хозяев, чтобы те согласились договориться с ними. Пусть установят такую поденную плату, чтобы никому не было обидно, рабочим был бы приличный заработок, а хозяевам оставался бы хороший барыш. Мэр отвечал, что принцип свободы не позволяет ему навязывать что-либо хозяевам. Он не может распоряжаться их кошельком. Затем городское управление совместно с полицией выработало обращение к рабочим. Их призывали к порядку, обращались к их чувству долга. Попытки угрозами и насилием снимать с работы тех, кто работал за плату ниже уставленной союзом, заслуживают порицания. Самое существование союза нарушает "вечные принципы разума и закона". Союз признавался незаконным по существу, хотя закона против рабочих союзов и не было в новом революционном законодательстве.

Не было пока, скоро этот пробел в законодательстве пополнили.

Подрядчики остались недовольны обращением мэра к рабочим, находя его слишком мягким. Они шлют депутацию в городское управление, представляют свои пожелания. Забастовщики отвечают тем же. Около полутора месяцев тянется борьба. Не довольствуясь депутациями и жалобами в городское управление, обе стороны обращаются в Национальное собрание, призывают его быть третьей стороной. Рабочие, доказывая что они справедливы в своих требованиях, напоминают, что Состояния хозяев создаются их трудом и потому справедливо, чтобы они получали сносный заработок. Пусть муниципалитет просмотрит книги хозяев, тогда он

убедится, как велики их барыши,—заявляют рабочие.

Любопытно, что рабочие при этом горячо доказывают, что их действия не противозаконны. И на самом деле, они так подчеркивают свою лояльность, что даже включают в свой устав пункт, запрещающий требовать повышения заработной платы, когда у хозяина срочные подряды. Рабочие ссылаются и на Декларацию прав, так торжественно провозглашенную в первые месяцы революции и утверждавшую, что люди должны быть свободными и равными. Опубликовав ее, Национальное собрание Наверное предвидело, что она на что-нибудь да пригодится самому нуждающемуся классу, который так долго был игрушкой деспотизма предпринимателей",—пишут они.

В свою очередь, предприниматели, обращаясь в Национальное собрание, указывали, что они платят большие налоги, надо же им заработать что-нибудь. Продукты подешевели, следовательно положение рабочих и так улучшилось, но чувствуя, что этот довод недостаточно убедителен, они прибегают к другому. Они пугают власти распространением стачки на другие отрасли работ (мы уже говорили, что бастовали кузнецы, башмачники и другие). Забастовочное движение нанесет урон французской торговле, расстроит финансы. Французские фабриканты не смогут выдержать конкуренции с иностранными. Поэтому "предприниматели и другие граждане имеют право ждать от мудрости Национального собрания, что оно издаст декрет с целью помешать образованию всякого рода корпораций, вредных для прогресса и свободы торговли". Заодно предприниматели пугают власти и призраком беспорядков, а этим пугать излишне. Бури 1789 г. и без того еще слишком живы у всех в памяти.

Чтобы убедить в нелепости движения, предприниматели пытаются исказить смысл предъявленных требований. "Люди не равны по дарованиям своим и способностям. Мыслимо ли, чтобы они льстили себя надеждой всем одинаково зарабатывать?.." "Союз рабочих, стремясь установить одинаковую поденную плату и принуждая всех рабочих этой профессии подчиниться той таксе, идет против их же подлинных интересов",—скорбели подрядчики, как будто рабочие устанавливая минимум заработной платы, мешали кому-нибудь зарабатывать больше 50 су.

В представлении хозяев любопытно перемешаны Принципиальные соображения с явно шкурными. "Конкуренция естественным образом упорядочит взаимные интересы",—заявляют они в духе господствующего экономического учения. "Свободный договор, конкуренция помешают предпринимателям предлагать слишком маленькую плату, а рабочим—требовать слишком большую. Иначе не существовало бы справедливости и подлинной свободы". Но рядом с этим прорываются и доводы иного характера. Работ много, заказы так «а сыплются, а забастовка может все сорвать, и огромные барыши, которых снова ожидали, наконец, после нескольких лет затишья в строительстве,—могут улыбнуться.

В ответ на доводы хозяев, рабочие указывали, что свобода договора и блага конкуренции—фикция». "Предприниматели все время собираются, обсуждают, уславливаются, сколько платить рабочим, и когда рабочий приходит наниматься, он принужден принимать предложенную цену, зная наперед, что больше не дадут и в другом месте". Единственная возможность бороться с хозяевами—это организовать и самим, иначе рабочие безоружны,—настаивают они, и снова подчеркивают, что рабочие заключают союз с целью помочь больным и пострадавшим от несчастных случаев в их опасном ремесле. А какая цель у хозяев?—увеличить прибыль и помешать улучшению жизни им подобных.

Переходя от обороны к наступлению, они пишут: "Собрание, конечно, не будет покровительствовать соглашению предпринимателей, имеющему целью преступное угнетение". Предприниматели, пытающиеся уничтожить соглашение рабочих, заклятые враги конституции, так как они не признают прав человека, они являются ревностными сторонниками самой непримиримой аристократии. Граждане, вроде бывших подрядчиков, произносят священное слово "патриотизм" лишь для того, чтобы отвести другим глаза,—уверяют рабочие.

Обе стороны, таким образом, пытались представить в глазах властей своих противников политически неблагонадежными.

Напрасно, однако, рабочие пытаются посеять во властях недоверие к предпринимателям, напрасно о своем движении говорят "защитным" языком, смиренно просят, а не требуют, говорят не о борьбе с капиталистами, а лишь о помощи товарищам, торопятся засвидетельствовать свою благонадежность, свое законопослушание. Недоверие и тревогу властей возбуждали именно они, а не подрядчики. Им так и не пришлось изведать "сладкого удовлетворения от того, что власти примут их за друзей истины и станут на их сторону", хотя они и выражали смиренную надежду на это.

Были ли рабочие искренни, когда говорили этим смиренным языком? Несомненно, движение их было более серьезным, чем они его хотели представить. У них была связь с рабочими в провинциях и с сельскими батраками. Этому удивляться не приходится, если вспомнить, как была распространена еще в дореволюционное время именно у плотников прежняя организация "Товарищей долга".

И вот, чувствуя за собой силу, они, отстаивая свои профессиональные интересы, все же не

не решаются говорить тем властным языком, каким заговорят год спустя в политических вопросах.

Это и понятно. В вопросах профессиональной борьбы им приходилось пробивать брешь в сознании людей той эпохи. Главенствующие идеи эпохи признавали народ носителем верховной власти. Считалось, что он может диктовать свою волю законодателям. Но всякое объединение, стоящее между личностью и государством, казалось гибельным для государства, для "общего интереса". На этом сходились и правые и левые течения, это было общее убеждение века. Против него-то приходилось идти рабочим, тому классу, который только нарождался тогда и не имел еще своих идеологов, своих теоретиков.

14. КАК ОТНЕСЛИСЬ К ДЕЛУ БУРЖУАЗНЫЕ ВЛАСТИ? ЗАКОН ЛЕ-ШАПЕЛЬЕ

Прежде всего городское самоуправление выставило принцип невмешательства во имя свободы. "Между тем, кто дает работу, и тем, кто работает,—вмешательство третьего лица тиранично и нелепо". Никакая власть не может определять размеры заработной платы и принуждать хозяев увеличивать ее. Рабочие должны стать на работу и законным путем защищать свои интересы.

Вместе с тем оно пробовало выступить в роли посредника-миротворца.

Требования рабочих сами по себе представлялись ему справедливыми, и заработная плата в 50 су—небольшой. Своим рабочим город увеличил плату. Желание подрядчиков извлечь пользу из того, что продукты подешевели, городское управление нашло незаконным: пользоваться этим—значило бы "нарушить волю нации и восстанавливать прежний порядок вещей, обращая закон исключительно в пользу богатых". Но вместе с тем оно указывало рабочим, что революция и так уже сделала много для них,—прежняя власть во все вмешивалась, теперь им предоставлены все блага свободного договора, они должны проявить патриотизм и умеренность.

Властям не удалось сохранить нейтралитет. Так как стачка затягивалась, подрядчики стали все настойчивее пугать власти грозным призраком только что затихших бурь.

Напрасно щадят смутьянов! Нужны энергичные меры! Власти и сами были напуганы. Байи был уверен, что среди рабочих "дух мятежа царит с избытком".

"Все эти произвольные действия являются опасными, и, если их не подавить, им будут подражать и другие мастерские",—писал он.

Мэр ждал волнений, погромов. Он тревожился уже тогда, когда еще все было тихо. Он просил командира Национальной гвардии окружить собрание плотников отрядами национальных гвардейцев, следить за мастерскими, а командир Национальной гвардии отвечал, что его подчиненные даже не знают, где в их районе находятся эти грозные мастерские. Будь бы там беспорядки—об этом бы, конечно, знали.

Но мэр не успокаивается, он пишет генералу записку за запиской, вызывает его ночью к себе и т.д.

Сначала, однако, власти не идут на крутые меры. Как два года назад при открытии Генеральных Штатов королевская власть, не решаясь открыто применять репрессии к революционной буржуазии, прибегла к мелким уловкам, закрыла зал, где собирались народные представители, так и теперь тогдашний революционный президент Собрания, ныне контр-революционный мэр Парижа, Байи распорядился закрыть для плотников дворец архиепископа. Но, закрыв место сборищ, не решился арестовать участников их,—ведь не было еще закона, запрещающего сборища.

Однако, время колебаний и полумер длилось недолго. Вскоре перешли к прямому удару.

Городское управление постановило: если рабочие будут снимать товарищей с работы,—агитаторов арестовывать и всех замеченных в насильственных действиях предавать упрощенному, так называемому превотальному, т.-е. административному суду.

Впрочем, рабочие держались так тихо, так лояльно, что предавать суду не пришлось.

Но для хозяев этого было мало. Им надо было в корне задушить начинавшуюся экономическую борьбу. Власти, по их мнению, должны не только распустить собрание поденщиков, объявить уничтоженными все их постановления, вытребовать к себе протоколы их заседаний, чтобы рассмотреть, не найдется ли крамолы,—они должны сделать больше. "Предприниматели вправе ждать, что Национальное собрание издаст закон против объединений рабочих",—говорилось в одной из петиций, с которыми они обращались в Собрание и его Конституционный комитет.

Кроме строительных подрядчиков, в Комитет по выработке конституции обращались с подобными же ходатайствами и хозяева кузнечных мастерских.

Голоса их были услышаны. Тем более, что вести о стачечном движении приходили и из провинции.

14 июня 1791 г. в Национальное собрание был внесен проект, который должен был положить конец рабочему движению. Он запрещал всякие соглашения занятых в одной профессии лиц относительно заработной платы и стачки с целью проведения их в жизнь, так как они будто бы

противоречат конституции и Декларации прав. Виновники в подстрекательстве к таким соглашениям подлежат ответственности перед судом. Их карают штрафом в 500 франков и лишением на год политических прав. Если со стороны рабочих будут угрозы по адресу хозяев или других рабочих, не примкнувших к соглашению, то те, от кого исходят такие угрозы (авторы воззваний и все подписавшие их), подвергаются штрафу в тысячу франков и тюремному заключению на 3 месяца. Лица, покушающиеся на свободу предпринимателей и рабочих, приравниваются к нарушителям общественного спокойствия, а собрания рабочих, проводящих стачку и нарушающих свободу промышленного труда или оказывающих сопротивление полиции,— к мятежным сборищам, при которых можно вводить военное положение.

Докладчик по законопроекту, депутат Ле-Шапелье, «человек с ясным и методическим умом, но пренебрегающий принципами»—какого характеризовала одна знаменитая современница,—на этот раз ссылаясь именно на принципы, на те самые, к которым взывали в своей петиции к Национальному собранию и подрядчики: "Не должно быть третьего между государством и личностью". В государстве не должно существовать никаких корпораций. Есть только частный интерес отдельных лиц и общий интерес нации. Всякие объединения Нарушают принцип, в силу которого уничтожены цехи. Это приравнение рабочих союзов к цехам, т.-е. прежним объединениям хозяев, регламентировавших производство и вызывавших ненависть, было обычным приемом, чтобы дискредитировать рабочие союзы в глазах обывателя, не разбиравшегося в этом вопросе.

Ле-Шапелье повторил в своем докладе все обвинения, высказанные хозяевами, и уверял, что новые союзы (по его словам их было много) являются возрождением старой корпорации подмастерьев, называвшейся "Товариществом долга". Правда, плотники доказывают, что их цель—взаимная помощь, помощь больным и безработным, но не следует им доверять. Да и кроме того, доставлять работу нуждающимся в ней— это обязанность государства,—заявил Ле-Шапелье. Это заявление, конечно, осталось пустым звуком.

Законопроект против рабочих был принят почти без прений. Только один из депутатов возразил, было, против статьи, грозящей наказанием рабочим за сборища, говоря, что уже существует закон о военном положении, направленные против сборищ. Но Ле-Шапелье объяснил, что эта статья необходима, дабы злонамеренные люди не могли вводить в заблуждение рабочих и подбивать их снимать с работы их товарищей. Таким образом, выходило, что якобы заботливость о рабочих продиктовала эту статью.

Как мог так единодушно пройти в Национальном собрании закон, так существенно ограничивающий свободу рабочего люда? Видимо, левые депутаты не находили принципиальных возражений. Правда, была как будто сделана попытка выступить против этого закона. Один из депутатов, близкий к Робеспьеру, предложил отложить на завтра обсуждение законопроекта. Может быть, радикальный депутат хотел подготовить возражения. Во всяком случае, попытка эта была очень слабой и ни к чему не привела. Ле-Шапелье отвечал, что нельзя терять ни одного дня, что в провинции брожение так же велико, как и в Париже, что вот Орлеанский муниципалитет сообщает, что в городе получены воззвания парижских рабочих. Сам Ле-Шапелье признавал, что заработная плата низка (это вызывало крики возмущения на скамьях правых). "У свободной нации,—говорил Ле-Шапелье, — заработная плата должна быть достаточна, дабы получающий ее не находился в той зависимости, которая вызывается лишением Предметов первой необходимости". Однако по его уверениям, ассоциация рабочих имела целью не столько увеличение заработной платы, сколько тайные намерения вызвать смуту.

Таким образом интересы капиталистов и общий страх буржуазии перед народными волнениями действовали в одном направлении. "Необходимо принять декрет как можно скорее",— говорил Ле-Шапелье. Он был сразу же принят Собранием. При этом не только самый закон, но и доклад Ле-Шапелье было решено опубликовать в назидание рабочим, для наставления их в патриотическом духе.

Характерно, что одним из депутатов было тут же внесено предложение запретить заодно и клубы. Но на »то не решились, боясь вызвать взрыв недовольства. Другой предложил запретить мятежные сборища, Происходящие в деревнях во время жатвы с целью повысить поденную плату. Это предложение было отложено до разработки сельского кодекса. Но любопытно, что буржуазия была готова начать наступление сразу на всех фронтах.

Король немедленно утвердил законопроект, и через два дня новый закон вступил в силу.

Внося законопроект, Ле-Шапелье заявил, что цель его—предупредить не только объединения рабочих для повышения заработной платы, но и объединения хозяев в целях ее понижения. Но было слишком очевидно из всего доклада и из совокупности всех обстоятельств, против кого был направлен декрет.

Итак, свобода собраний, предоставленная населению конституцией, получила серьезное ограничение: собираться можно, но нельзя собираться ради общих интересов— профессиональных или экономических. Остается, значит, только право собираться в целях

в целях политических. *****

Издав закон против союзов и стачек. Национальное собрание пошло и дальше в деле притеснения рабочих. Когда обнаружилось, например, что в бумажном производстве недостает рабочих рук, и подготавливается стачка, что рабочие грозят массовым уходом,—Национальное собрание обязало рабочих бумажных мануфактур предупреждать хозяев за 6 недель о своем желании покинуть работу.

Собрание даже отложило обсуждение других вопросов, чтобы 26 июля спешно провести этот декрет.

15. ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ

Как отнеслись разные группы общества и их выразительница—печать—к этой планомерной борьбе рабочих с капиталистами?

Прежде всего надо отметить, что всей глубины вопроса, всего огромного общественного значения развертывавшейся борьбы демократические журналисты не понимали.

Очень сочувственно расположенная к "четвертому сословию" и серьезная газета "Парижские революции" постоянно уделяла внимание рабочему движению. Когда началась стачка, она резко выступила против хозяев. Она обращается к ним с грозным окриком: "Мы им советуем поскорее отделаться от прежних привычек, усвоенных при старом режиме; под защитой своих привилегий они долго мучили рабочих, но это счастливое время уже прошло. Большие и быстро составляемые состояния не в духе конституции".

Казалось бы, газета должна была сочувствовать рабочему объединению, тому, что рабочие проявляют уменье и солидарность в борьбе против тех, кто их мучает! Оказывается—нет. Сочувствуя нуждам рабочим, она все же считает рабочее объединение преступлением против патриотизма, против духа общественности!

"Собрание, куда могут быть допущены только люди, занимающиеся одной и той же профессией, нарушает новый порядок вещей, омрачает свободу,—пишет газета,—изолирует граждан, оно делает их чуждыми отечеству, отделяет их от него, уча их заниматься самими собой. Оно заставляет их забывать про общее благо: словом, оно стремится увековечить тот эгоизм, тот корпоративный дух, который мы хотели бы уничтожить вплоть до самого названия его, ибо он—смертельный враг духа общественности".

Этот отрывок очень любопытен и ценен для понимания господствовавших тогда взглядов—искренних взглядов теоретиков, притом дружелюбно расположенных к массам.

На закон Ле-Шапелье газета не откликнулась вовсе. Как реагировала на рабочее движение другая распространенная газета, "Друг народа", Марата?

Из имен деятелей французской революции имя Марата было наиболее популярным в рабочих массах. Из всех вождей он был наиболее близок им. Он как будто яснее других угадывал классовые противоречия.

"Я выполняю священную и дорогую моей душе обязанность, беря под свою защиту дело неимущих тех рабочих, которые составляют самую здоровую, самую полезную часть народа",—писал он еще в марте 1791 г.

Во время забастовки в "Друге народа" появилось письмо от имени плотников, работавших на постройке Пантеона. ***** В этом письме перечислялись гнусности и притеснения хозяев, указывалось, как быстро они составляют свои состояния. Приводились цифры действительно внушительные: у такого-то в несколько лет выросло 50.000 фр. годового дохода, у другого—90.000 фр., третий "заработал", т.-е. украл на такой-то постройке 200.000 фр., еще один "заработал" 900.000 фр. и т.д.

"Они (т.-е. хозяева-капиталисты) в дни революции прятались в подвалах,—говорилось в этом письме,—а потом, когда народ завоевал революцию, они стали строить козни по секциям, захватывая места, понадевали мундиры и эполеты" (намек на то, что должности командиров в национальной гвардии были захвачены главным образом крупной буржуазией).

Далее указывалось, что заработная плата в 48 су (столько получали на постройке Пантеона) очень низка. Так как плотники работают 6 месяцев в году,—то на круг выходит 24 су в день, а на это невозможно прожить с семьей. "Исчерпав силы на работе государству, изнуренные трудом и голодом рабочие умирают в Бисетре *****, а вампиры-подрядчики живут во дворцах, пьют тонкие вина, спят на пуховиках, разъезжают в золоченых каретах..." И теперь они еще требуют от законодателя варварский закон против рабочих, благодаря которому те перемрут с голоду.

***** Закон Ле-Шапелье просуществовал во Франции 73 года. Только в 1864 г., во времена Второй империи, либеральное министерство Оливье решило отменить его, и стачки стали ненаказуемы. Борьба рабочих за повышение заработной платы перестала считаться государственным преступлением.

***** До революции была начата постройкой церковь св.Женевьевы. Национальное собрание решило сделать из нее Пантеон-усыпальницу великих людей революции.

***** Убежища для престарелых и больных, куда в то же время сажали и арестованных бродяг.

Под письмом стояли подписи рабочих с Пантеона. Но, конечно, оно было средактировано самим Маратом.

Итак, он считал опасным для рабочих требуемый подрядчиками закон против союзов и стачек, пытался протестовать против него, когда он подготавливался. Он и в менее важных случаях выступал с угрозами по адресу буржуазии. Например, рабочим трудно было менять ассигнации на мелкие денежные знаки. И Марат пишет от лица рабочего: "О нас не заботятся те, которые должны бы нас поддерживать...", "они принимают наше долготерпение за робость. Нас, рабочих, в Париже 200.000, мы сильный и бодрый народ и в один прекрасный день покончим со всеми этими проделками; не дадим больше буржуа нас убаюкивать, как делали до сих пор." Было бы странно, если бы он промолчал при издании закона Ле-Шапелье. Он и отозвался на него, но подошел к нему не так, как бы следовало.

Внимание Марата Главным образом привлекала необходимость политической борьбы с контр-революцией. В проведении последовательной демократии он видел лекарство от всех зол. Противоречия социальные воспринимались им, как противоречия богатства и бедности. Бедные ремесленники, подмастерья, полунищия интеллигенция, мелкие торговцы, несмотря на разницу их социального положения, объединялись в его глазах в одну массу—"народ", прежде угнетавшийся аристократией, теперь угнетаемый богатыми буржуа, которые, завоевав себе права, готовы сткнуться с аристократами и обделить "народ". Противоречия же капитала и труда, противоречия, обусловленные самим положением обеих сторон в производстве, не были им отчетливо осознаны.

Немудрено, что и закон, имевший такое огромное классовое значение, он рассматривал главным образом с политической его стороны. Он сумел увидеть в нем покушение Учредительного собрания на суверенитет (верховную власть) нации—и только. Зачем захотели разогнать братские собрания наиболее здоровой части нации?—спрашивал он. Очевидно, цель закона—помешать гражданам заниматься общественными вопросами. И Марат начинает перечислять все политические грехи Учредительного собрания: введение избирательного ценза, закон о военном положении и пр. Он кричит о продажности депутатов, о подкупленности их двором и т.п., как будто двор больше буржуазии был заинтересован в подавлении профессионального рабочего движения, как будто нужно было подкупать буржуазию, чтобы она поспешила выбить оружие из рук своего классового врага. Марат не разобрался в вопросе. Зато очень откровенно и прямо хвалил новый закон орган крупной буржуазии—"Хроника Парижа".

Но если радикальные депутаты и журналисты не выразили надлежащего протеста против закона Ле-Шапелье, то, может быть, сами рабочие ответили на него каким-нибудь выступлением, забастовкой протеста? И этого не случилось.

Стачки прекратились, никаких выступлений протеста не было.

16. ЗАКРЫТИЕ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫХ МАСТЕРСКИХ

"Именем нации ее должностные лица должны доставлять работы тем, кто в них нуждается для своего существования",—сказано было в Национальном собрании 14 июня, когда принимался закон против рабочего движения. Два дня спустя то же Национальное собрание постановило прекратить общественные работы, т.-е. оставить без хлеба несколько тысяч человек, нуждавшихся в работе.

Подготавливалось это закрытие давно. Скопища рабочих пугали буржуазию с первых месяцев революции, и в этом отношении революционные власти сошлись с контр-революционным двором. Министры Людовика XVI писали мэру Байи, что королю внушает беспокойство такое собрание рабочих и безработных в столице, и предлагали организовать земляные работы в провинции. И Байи вторил им, уверяя, что "безопасность Парижа под угрозой". Страхи выражаются и печатно. "Нет безопасности там, где есть праздные люди",—писал в 1789 г. один видный экономист. Париж, того и гляди, превратится в вертеп разбойников. По его мнению, следовало выслать рабочих из Парижа на обработку пустующих земель. При этом он предлагал обмануть рабочих надеждой, что их удаляют на время. Когда разъедется большинство, не так опасны будут оставшиеся. Предложение это вызвало одобрение городского управления и секций Парижа, а брошюра в течение двух лет выдержала 8 изданий.

Страхи перед рабочими были так велики, что автор другой брошюры предлагал богатым обложить себя налогом в пользу безработных. "Этого требует безопасность наших жен и детей",—доказывал он.

Еще и другие соображения заставляли буржуазию враждебно относиться к благотворительным работам.

Промышленность росла, работ было много, а рабочие бастовали, рабочие боролись за свои профессиональные интересы, кризисы бастовали предпринимателей.

Неужели же город будет давать им потачку, тратить огромные средства (в 1791 г. до 900.000 фр. ежемесячно) на поддержку смутьянов? В благотворительных мастерских они ничего не делают, получают деньги даром,—говорилось в "обществе".

Муниципалитет должен был стать на сторону "честных" людей против смутьянов и лентяев.

Еще в августе 1790 г. было издано постановление, чтобы заработная плата в благотворительных мастерских была ниже средней заработной платы в частных предприятиях. Это значит, что появился спрос на труд, и власть заботится, чтобы частные предприниматели не остались без рабочих.

Когда в апреле началась стачка плотников, одна из секций Парижа просила администрацию мастерских не допускать строительных рабочих в благотворительные мастерские и уволить тех, которые уже там были, чтобы не поддерживать стачечников. Около этого же времени один из администраторов мастерских, Смит, представил в городское управление записку, в которой доказывал, что теперь как раз время распустить рабочих,—в столице замечается успокоение, а у властей есть в распоряжении войско, чтобы не допустить волнений, если бы они произошли. К тому же существует закон, который оправдывает применение военной силы...

Такова была подготовка "общественного мнения" к закрытию мастерских.

16 июня в Национальное собрание был внесен соответствующий законопроект.

"Работы в столице и так много, иначе не было бы стачек,—доказывал докладчик, бывший герцог Ларошфуко-де-Лианкур. Денег мастерские берут у городского управления много. Раз их надо закрывать, так будет гораздо приличнее это сделать теперь, так как теперь в общем положение рабочего класса улучшилось по сравнению с прежними годами. Опасаться же волнений нечего, так как и городское управление, и Национальная гвардия, и секции—все приготовились к возможным осложнениям, и меры приняты".

Законопроект был принят и стал законом. Рабочие подали петицию, умоляя не закрывать мастерских, взять назад декрет об их уничтожении. Петицию выслушали, но президент Национального собрания—Александр Богарне—отвечал депутации, что рабочим остается только подчиниться.

17. БЕГСТВО КОРОЛЯ. ОТНОШЕНИЕ К ЭТОМУ СОБЫТИЮ БУРЖУАЗИИ И РАБОЧИХ МАСС. РАССТРЕЛ НА МАРСОВОМ ПОЛЕ

Революционная столица не обратила должного внимания на закон, направленный против рабочего класса, как такового, а через три дня ей уже и некогда было думать об этом законе: она была потрясена событием чрезвычайной политической важности. Король, с которого парижский народ, казалось, не спускал глаз, каждый шаг которого был под контролем,—бежал из Парижа. Он уехал ночью вместе с женой и детьми в огромной дорожной карете, оставив Национальному собранию полное упреков письмо. Он держал путь к восточной границе, направляясь в армию, во главе которой стоял контр-революционный генерал Булье. Отсюда Людовик XVI должен был продиктовать свои условия революционному Парижу. Отсюда был прямой путь за границу, где уже агитировали французские эмигранты, выпрашивая помощь для гибнущей монархии.

При этих грозных обстоятельствах буржуазия почувствовала готовность примириться с массами. Ле-Шапелье пошел в радикальный клуб якобинцев, чтобы продемонстрировать свою солидарность с ними и создать единый фронт революции перед опасностью со стороны аристократов. В секциях стали раздавать оружие рабочим. Впрочем, те и не ждали, когда им его раздадут, а бросились сами его разыскивать в зданиях, принадлежащих духовенству, и в домах "аристократов", т. е. всех лиц, которых можно было заподозрить в сочувствии старому порядку.

В столице снова царил такое же настроение, как перед взятием Бастилии.

Раздражение рабочих от неудачной стачки, тревога перед угрозой безработицы, вследствие закрытия благотворительных мастерских, нашли выход в революционном подъеме. И вновь он направился в буржуазное русло против сил старого порядка.

Однако незадачливый, все делавший наполовину, король не сумел и убежать. 22 июня его узнали в городке Варение, остановили, и вслед затем присланные за беглецом депутаты Национального собрания привезли его обратно в Париж.

Демократическая печать не пожалела стрел против коронованного дезертира. Камилл Демулен издевался в своей газете над "толстой бурбонской свиньей".

Как только распространилась весть о бегстве Людовика, опять, как в октябре 1789 г., народные толпы наводнили королевский дворец. Сыпались остроты по адресу короля. Когда его вернули, народ не отходил от дворца, его трудно было удалить даже из жилых комнат, и прежнее добродушно-насмешливое отношение сменилось явно враждебным.

До сих пор господствующие идеи эпохи были против республики. Считалось, что республиканская форма правления пригодна лишь для маленьких государств, что в больших государствах республика неминуемо вырождается в деспотию. Античность как будто давала этому неоспоримые доказательства: республики древней Греции были очень невелики. Когда Рим вырос

вырос в мировую державу, он превратился в монархию. Современность тоже подтверждала эти наблюдения. В XVIII веке в Европе существовала одна республика— крохотная Швейцария. Правда, за океаном в 1774 г. возникло мощное республиканское государство—Северо-Американские Соединенные Штаты. Но, во-первых, существовало оно сравнительно недавно, во-вторых, оно было федерацией небольших республик, а не единой неделимой республикой. Я во Франции в XVIII веке никто не помышлял об автономии отдельных местностей. На очереди дня было еще более тесное объединение страны, требуемое интересами экономического развития.

Правда, не признавая республики в теории, на деле многие политические деятели были республиканцами по настроению, по невысказанным симпатиям. Посол Северо-Американской республики говорил этим "монархистам": "Да вы больше республиканцы, чем я". Но пока никто не решался оспаривать господствовавших взглядов. И народные массы были настроены вполне монархически. Марат, бывший сторонником республики, но чутко прислушивавшийся к настроениям рабочих, еще в феврале 1791 г. писал в "Друге народа", что для Франции в данное время всего пригоднее ограниченная монархия, что она лучше всего гарантирует свободу.

Бегство короля дало толчок республиканской мысли и развитию антимонархических настроений. Ученик философов середины XVIII века и сам видный мыслитель, Кондорсэ, выступил с доказательствами возможности существования во Франции республики. Демократические клубы развили сильную республиканскую пропаганду. И—мелкий штрих, но говорящий о перемене настроения!—слово "королевский" исчезло со всех вывесок.

Агитация разлилась и по провинциям, волнения разрастались.

Как же поступило в этих чрезвычайных обстоятельствах Учредительное собрание?

В первый момент, узнав о бегстве короля, оно испугалось опасности контр-революции, но как только Людовика вернули, все страхи Собрания обратились налево.

Выработка" конституции подходила к концу. Являлось опасение, не повлечет ли за собой пересмотр вопроса о верховной власти и пересмотра ряда других вопросов,—например, о принятом Собранием делении граждан на политически правомочных и неправомочных. К чему приведут новые потрясения? Неужели допустить, чтобы было разрушено здание, которое Собрание с таким величайшим напряжением, камень по камню, складывало в течение двух лет?

Либералы не только хотели уберечь созданный ими государственный порядок от всяких покушений снизу,—они уже жалели, что в увлечении борьбой со старым они зашли так далеко, и в своей конституции дали королю слишком мало власти.

Сопровождая пойманную королевскую семью в Париж, Барнав, один из левых членов Собрания, установил тайные сношения с королевой и пытался потом руководить двором. Он надеялся своими советами уберечь короля от промахов, заставить его, сделав искренние уступки революции, сохранить оставшуюся власть. Так была настроена буржуазия: союз с конституционным королем казался ей защитой от народных выступлений.

Собрание поспешило примириться с королем, объявив его невиновным в бегстве: он не бежал, его похитили.

Взрыв возмущения был ответом на этот шаг Собрания.

Недовольные конституцией, лишавшей их избирательных прав, мелкая буржуазия и рабочие не имели оснований бояться ее пересмотра. Вместе с тем среди них появились группы, понявшие, что примирение короля с новыми порядками невозможно, что не сегодня-завтра он снова изменит конституции. Народные клубы, из которых выделялся своим влиянием клуб кордельеров, решили вызвать массы к действию.

Была составлена петиция, в которой говорилось, что бегство короля равносильно его отречению от престола. Учредительное собрание должно принять это отречение и, сложив свои полномочия, уступить место новому Учредительному собранию, которое заново организует исполнительную власть.

Петиция была положена на Марсовом поле, на алтаре отечества^{*****}, и огромные толпы мужчин и женщин явились 17 июля подписывать ее.

Учредительное собрание было раздражено этим новым вмешательством народной массы в государственные дела. Была пущена клевета, что волнения возбуждают иностранцы, что агитаторы подкуплены ими. Национальное собрание подсчитало свои силы. Оказалось, что "усердие Национальной гвардии выше всяких похвал". Мэр Парижа Байи обещал оказать Национальной гвардии самую энергичную поддержку. Министру юстиции было предписано немедленно привлекать к ответственности виновников беспорядков.

Хотя петиционеры не нарушили закона, хотя они явились безоружными и даже с детьми, тем не менее, придравшись к какому-то загадочному убийству (под алтарем отечества был обнаружен чей-то труп, возможно, что его положили туда с провокационной целью), власти объявили военное

***** В первую годовщину взятия Бастилии 14/VII—1790 г. был устроен праздник, на который съехались представители (и департаментов (губерний) Франции, тогда и был воздвигнут "алтарь отечества" на Марсовом поле.

положение.

Из окон городской думы было вывешено красное знамя, на улицах прочли декрет о введении закона о военном положении, и, по приказу Лафайета, Национальная гвардия открыла огонь по петиционерам. Вслед за тем ряд участников манифестации подвергся преследованиям.

Буржуазия дала неоспоримое доказательство своей готовности всеми мерами отстаивать порядок, связанный с ее интересами.

18. КОНСТИТУЦИЯ 1791 г. и РАБОЧИЙ КЛАСС

Какова была эта конституция, неприкосновенность которой так рьяно отстаивали власти?

Перечислим вкратце, что было сделано за эти два года, когда буржуазия, борясь на два фронта, зорко следя за попытками контр-революции справа и не давая углублять ее тем, кто был налево, трезво и расчетливо, несмотря на пафос слов, складывала нужное ей здание.

Создатели конституции действовали в двух направлениях; им надо было, во-первых, освободить капитал от лежавших на нем при старом порядке пут, расчистить ему пути применения в промышленности и в сельском хозяйстве и, во-вторых—одно было связано с другим—выбить власть из рук короля и привилегированных.

Работами Собрания старый государственный и общественный порядок был уничтожен.

4 августа 1789 г. в торжественном и шумном заседании, где дворяне, почувствовав необходимость удовлетворить требованиям момента, патетически жертвовали тем, что у них и так бы отняли,—было отменено крепостное состояние, еще сохранившееся в части Франции (крепостными были 1/4 или крестьян из общего числа 18 млн.). Были отменены повинности, обременявшие крестьянские земли в пользу помещиков,—отменены с выкупом, но выкуп не осуществился потом.

Деление на сословия было уничтожено в ту же памятную ночь. Уничтожены были и все привилегии духовенства и дворянства, имевших громадные преимущества. Отныне существовало только одно состояние—французского гражданина. Введено было равенство всех перед законом.

Затем были отменены старые суды и вместо них введен суд присяжных.

Уничтожена была старая королевская администрация, и Франция, поделенная на ряд департаментов (губерний), получила самое широкое самоуправление: вся администрация стала выборной.

Далее собрание реформировало систему налогов. Был введен общий для всех землевладельцев поземельный налог (как мы помним, прежде "благородные" земли были свободны от налогов). Было введено обложение и другой недвижимости. Для лиц, не имеющих ее, был установлен налог подоходный. Затем был введен и налог, дающий ценз (его вносили в размере трехдневной заработной платы). Установлены были торгово-промышленные патенты.

Наконец, Франция из самодержавного государства, где вся полнота верховной власти принадлежала королю "божьей милостью", стала ограниченной монархией. Прежде государь собирал на совет представителей сословий, лишь когда ему было это угодно (и, как мы видели, в течение последних 175 лет не собирал их ни разу),—теперь законодательная власть перешла в руки постоянного народного представительства—Законодательного собрания, избранного на основе ценза.

Была в сущности установлена диктатура крупной буржуазии.

Буржуазные законодатели не только отменили финансовые привилегии церкви, они лишили ее самой основы ее могущества—конфисковали громадные имущества монастырей и белого духовенства. Уничтожили и организацию французской церкви, основанную на строгой иерархии. Было введено "гражданское устройство" духовенства. Все духовные лица—священники, епископы—стали выборными. И выбирали их, как и всех должностных лиц, на департаментских и коммунальных (городских и сельских) собраниях. Священный характер сана уничтожился таким образом, священник становился обыкновенным должностным лицом на жалованьи у государства. Отобранные у духовенства земли были объявлены национальным имуществом и поступили в продажу. Таким образом конфискацией духовных владений Учредительное собрание, во-первых, рассчитывало поправить финансовые затруднения государства, во-вторых, удовлетворяло стремление частных капиталов найти себе приложение в области сельского хозяйства.

Создав нужное ей государственное устройство, освободив землю от гнета, лежавшего на ней при старом порядке, буржуазия приняла меры и для развития промышленного и торгового капитала: старые стеснительные регламенты были отменены. Особым законом были уничтожены цехи и гильдии. Уничтожены были и внутренние таможи.

Принцип экономической свободы, настойчиво выдвигавшийся учеными экономистами XVIII века, естественно, восторжествовал в буржуазном законодательстве.

***** По деревням в это время шло аграрное движение, громились замки и усадьбы, уничтожались документы, доказывающие права помещика на повинности крестьян.

Но, освободив капитал от всяких стеснений, законодатели, как мы видели, наложили путы на труд, как только об этом стал ходатайствовать капитал.

Новое государство было устроено: либеральное буржуазное государство,—как сказали бы мы.

Оно не было демократическим.

Буржуазия создавала государство для себя; введя систему ценза, она признавала лишь зажиточные классы политически правомочными. Только они становятся "пайщиками великого социального предприятия", как выразился аббат Сиес.

Что выиграли от этого законодательства рабочие, ремесленники, подмастерья?

Законы, освободившие промышленность, конечно, были благоприятны и для рабочих, но лишь косвенно, поскольку они содействовали развитию промышленности и сокращали безработицу. Главную выгоду и тут, конечно, извлекли хозяева, капиталисты, а не рабочие. Власти, идя навстречу промышленникам, помешали рабочим использовать промышленный подъем для улучшения своего экономического положения. Да и подъем продолжался недолго. Ряд причин: революционная разруха, война, начавшаяся в 1792 г., общее истощение средств, вызванное ею, и закрытие границ,—все это вскоре же совершенно подорвало промышленность, но об этом дальше.

В остальном новое законодательство не коснулось рабочих. Политических прав они не получили, так как редко кто из них уплачивал налог в размере 3-хдневной заработной платы,—следовательно, участвовать в управлении государством они не могли и теперь, как и при старом режиме.

Правда, новая власть освободила рабочий класс от налогов. Налог лег, главным образом, на недвижимость—земли и дома—и на доходы с капитала; налог в 3 франка, дававший право участвовать в политической жизни— быть избирателем—вносился по добровольному заявлению плательщика. Буржуазия лишала рабочих избирательных прав, зато снисходительно освобождала от всех государственных тягот,—так казалось. Однако, на деле этому классу, признанному младенчески несознательным и политически неправомочным, приходилось платить государству очень много—в виде косвенных налогов.

Косвенные налоги не так заметны, как прямые, не так бьют в глаза, но бьют очень чувствительно по бюджету неимущих классов. Их взимают ведь с предметов наиболее широкого потребления—с предметов первой необходимости. А именно расходы на эти предметы поглощают весь бюджет рабочего.

Наиболее передовые ряды рабочих быстро осознали эту политику буржуазии. В петиции, поданной в феврале 1790 г. в Национальное собрание Сент-Антуанским предместьем, была просьба уничтожить все косвенные налоги и, введя один прямой, равный для всех граждан, налог в 36 франков в год, уравнивать всех в политических правах.

Но как раз этого-то и не желала буржуазия. По ее мнению, только собственность дает человеку здоровое понимание вещей. Как же допустить к власти тех, у кого ее нет, допустить "голоштанников", санкюлотов?

19. БОРЬБА за ВСЕОБЩЕЕ ИЗБИРАТЕЛЬНОЕ ПРАВО

Лишить рабочие массы избирательных прав было, однако, для буржуазии не так просто, как провести репрессивный закон против профессионального рабочего движения, тем более, что в числе пассивных граждан оказалась и значительная часть мелкой буржуазии, и значит интересы обеих групп населения располагали их к совместным выступлениям.

Весной 1791 г. вокруг вопроса о всеобщем избирательном праве разгорелась ожесточенная борьба.

В апреле депутат, сидевший на крайней левой, Робеспьер, предложил Учредительному собранию ввести всеобщее избирательное право.

До сих пор одним из главных возражений против этого предложения было утверждение, что люди, не имеющие собственности, не заинтересованы в поддержании общественного порядка. "Разве у бедняка нет свободы, нет жизни, охраняемой законами!"—воскликнул Робеспьер.

Политических прав лишали, по конституции, только изменников, преступников из имущих классов, а между тем все бедняки—и честные и справедливые—приравнялись к ним. Справедливо ли это?—спрашивал Робеспьер.

Робеспьер выступил с восторженной хвалой народу. "Я призываю в свидетели всех, кого инстинкт благородной и чуткой души приблизил к народу и сделал достойным познать и полюбить равенство, что, вообще говоря, нет ничего столь справедливого и доброго, как народ, когда он только не раздражен чрезмерным угнетением, что он признателен к малейшему проявлению внимания к нему и малейшему добру, сделанному ему, признателен даже за то, что ему не делают зла; что именно среди него встречаются под грубой внешностью честные и прямые души, здравый смысл и энергия которых тщетно было бы искать у класса, презирающего его. Народ требует

только необходимого: он хочет лишь справедливости и покоя. Богатые предъявляют права на все; они хотят всем завладеть, над всем господствовать. Злоупотребление—дело рук и специальность богатых, они составляют бич народа. Интерес народа—общий интерес, интерес богатых—частный интерес. И вы хотите отнять у народа всякое значение, а богатых сделать всемогущими?"

Это народолюбство было тогда еще ново, ибо среди образованных классов жило известное презрение к народной темноте.

Демократический клуб кордельеров постановил издать и распространить эту речь, приглашая все "патриотические" (в то время это значило—революционные) общества читать ее на своих заседаниях. Отцы семейств должны были внушать эти принципы "своим женам и детям".

Вслед за тем в Национальное собрание была подана от 13 народных клубов столицы петиция, требовавшая всеобщего избирательного права. Петиция указывала, что избирательный закон, разделивший Францию на два лагеря, оставивший большую часть населения без влияния на законодательство, противоречит Декларации прав, изданной тем же Национальным собранием. "14 июля в 1789 г., в день взятия Бастилии,—говорилось в петиции,—в Париже было 300.000 вооруженных людей; теперь политически полноправных граждан не насчитывается и 80.000 человек". Петиция приглашала законодателей сопоставить эти цифры и судить о содеянном ими.

Застрельщицей этой кампании была мелкая буржуазия,—но в толпах петиционеров, являвшихся в Собрании, преобладали рабочие. Предпринимали они и самостоятельные выступления. Так, еще до развития кампании в Париже, рабочие Севрской фарфоровой мануфактуры обратились в Учредительное собрание с протестом против лишения их избирательных прав.

Законодатели не вняли голосу масс. Они даже не выслушали петиций, к большому возмущению демократических газет и клубов. Тогда петиционеры стали расклеивать свои обращения по всему Парижу.

Две секции последовали примеру клубов.

Они указывали, что конституция осуждает на рабство тех самых людей, которые низвергли деспотизм,—ведь они принуждены повиноваться законам, не ими составленным и одобренным. "Социальное искусство заключается в том, чтобы управлять всеми через посредство всех",—поучали демократические секции буржуазное Собрание.

И эту петицию постигла та же участь. Учредительное собрание не хотело допускать к управлению страной людей, лишенных собственности.

Итак, из первого периода революции, когда крупная буржуазия устраивала конституционную монархию, рабочие вышли лишенными права организовывать профессиональные объединения и без избирательных прав. Следовательно, им были закрыты возможности отстаивать свои классовые интересы и влиять на общий ход государственной жизни.

Однако, революция не остановилась на достижениях 1789—91 гг.,—она пошла дальше. Вместе с тем расплывшаяся рабочая масса, которой буржуазия, опасливо следившая за ней, пресекла всякую возможность организовать, не сошла с революционной сцены. Только теперь силы ее направились, главным образом, на путь политической борьбы.

И надо сказать, что сами события заставляли вождей буржуазии втягивать массы в активную роль. Опасности для революции росли. Схватки между ее сторонниками и контрреволюционерами делались все ожесточеннее, и мелкобуржуазным революционерам, пришедшим на смену представителям крупной буржуазии, приходилось опираться на массы, на жителей предместий.

В течение нескольких лет рабочий Париж был своего рода революционным лагерем, всегда готовым к активным выступлениям.

III. РАБОЧИЕ В ГОДЫ ДИКТАТУРЫ МЕЛКОЙ БУРЖУАЗИИ

1. ВОЙНА. СВЕРЖЕНИЕ КОРОЛЕВСКОЙ ВЛАСТИ

Мы уже говорили, что по конституции 1791 г. французский король получил не больше власти, чем имел президент Северо-Американских Соединенных Штатов. Устроив во Франции республику с монархом во главе, Учредительное собрание разошлось с надеждой, что возможно идиллическое сотрудничество короля, лишенного всех своих привычных вековых прав (ожидавшего благоприятного момента, чтобы их восстановить) и нации, ни на грош ему не доверяющей. Конституция вступила в силу.

Желание во что бы то ни стало сохранить монархию проявляли не только представители крупной буржуазии.

Мелкая буржуазия, не чувствуя за собой большой силы, боялась реакции со стороны крупной буржуазии и отсюда ее симпатии к монархии, которая должна была бы явиться своего рода буфером.

Робеспьер, представитель мелкобуржуазной идеологии, оставался монархистом—по крайней

мере, в своих официальных выступлениях—почти до самого свержения монархии. "Я предпочитаю видеть народное представительство и свободных уважаемых граждан с королем, чем рабский и униженный народ под властью аристократического сената и диктатора. Для меня Кромвель не лучше Карла I",—заявлял он.

В массах республиканские симпатии тоже распространились не сразу после бегства короля в 1791 г.

Но сам король постарался доставить торжество республиканской идее. Если народные массы долгое время благодушно относились к нему, хотя и стерегли каждый его шаг, и продолжали наивно ждать, что он « поймет свое назначение (как они его понимали), и захочет быть "хорошим королем", то король был благодушен лишь наружно. Он надевал при случае фригийский колпак— символ свободы и демократии, распивал из одной бутылки с вторгшейся к нему во дворец, вооруженной пиками и топорами беднотой,—но в тиши вел сношения с иностранными государями, умоляя их восстановить вооруженной рукой во Франции "более желательный порядок вещей". Еще настойчивее, чем пассивный и медлительный король, действовала в том же направлении его недалекая, но энергичная жена Мария-Антуанетта. Под влиянием их просьб и интриг французских эмигрантов австрийский государь—родной брат Марии-Антуанетты—заявил, наконец, о своем намерении вмешаться во внутренние дела революционной Франции. Бряцали оружием и в Пруссии, и в Швеции, и в Италии: все эти защитники монархического принципа надеялись при этом увеличить свои территории за счет Франции. Эта надежда в сущности и была решающим мотивом выступлений. Гроза, сбиравшаяся за границей, вызвала новый подъем революционного настроения. Испугавшись за свои завоевания, буржуазия вновь заговорила о союзе с народом. "Третье сословие должно сплотиться, иначе оно будет раздавлено"—раздались настороженные голоса. "У нас должен быть только один клич: союз буржуазии и народа!"—заявил парижский мэр Петион. Однако молчали о том, чтобы дать этому союзнику хотя бы избирательные права. Эгалитарные чувства проявляются лишь во внешних формах: вводится обращение "граждане" вместо "господа" (первым официально вводит его Парижское городское самоуправление) и обращение на "ты", как символ братства.

Вместе с тем в Законодательном собрании начинаются нападки на двор, и член партии, представляющей интересы торговой буржуазии, жирондист Верньо угрожает эшафотом Марии-Антуанетте. Этими резкими выступлениями большинство Собрания надеется запугать двор и заставить его примириться с революцией. Ему желательно сохранить завоевания революции, но дальнейших потрясений оно не хочет, и использует все средства — и уговоры, и угрозы, дабы заставить двор принять совершившийся факт и упрямством своим не вызвать новых потрясений.

Во имя защиты завоеваний революции собрание грозит внешнему врагу и требует войны. Возможно, что победоносной войной буржуазное большинство Собрания надеялось укрепить свое положение, которое он чувствовало непрочным. Кроме того, оно воображало, что удачная война "восстановит коммерческий кредит и приведет в равновесие торговлю".

Весной 1792 г., под давлением Собрания, король объявил войну Австрии.

В то же время он продолжал ожидать прихода австрийских войск, как освобождения.

Война, начатая при таких условиях, была отнюдь не победоносной. С первых же шагов французские армии, состоявшие в значительной части из иностранных наемников под командой прежних, монархических, генералов, стали терпеть поражения. А вместо одного противника, которому объявили войну, оказалось два: прусский государь присоединился к австрийскому. Внутри Франции, ободренная неудачами правительства на фронте, подняла голову контр-революция: выборные должностные лица стали получать письма с угрозами, что настал момент отмщения и что их "ждет гибель". Тогда Законодательное собрание, это буржуазное, цензовое Собрание, которому так хотелось жить в мире с королем, если бы только он из короля-дворянина пожелал стать королем-буржуа, издало декреты, окончательно поссорившие его с Людовиком: оно распустило королевскую гвардию, составлявшую личную охрану монарха, постановило устроить под Парижем военный лагерь из 20.000 чел. (его цель—защита революции от посягательств двора) и, наконец, декретировало ссылку священников, не принесших присяги конституции. Король отклонил декреты Собрания. Он не мог дать в обиду "свое духовенство" или согласиться на создание под Парижем лагеря, явно направленного против его королевских замыслов.

Но в департаментах (губерниях) не собирались повиноваться королю—добровольцы двинулись к Парижу со всех концов страны. Под угрозой вражеского нашествия Законодательное собрание объявило "отечество в опасности". Все власти должны были непрерывно заседать. Все граждане, которые в силах были приобрести оружие, должны быть всякую минуту готовы к призыву.

Это всколыхнуло всю страну вплоть до глухих сельских захолустьев.

Со своей стороны, двор делал последние судорожные попытки спасти положение: в Тюльери собиралось преданное королю дворянство. В Париж вызвали швейцарские войска, находившиеся в провинции. Двор то готовился к какому-то удару, то обсуждал новые планы бегства.

Слухи о подготовлявшемся двором перевороте, о готовящихся казнях патриотов возбуждали и без того безмерно взволнованных парижан. К тому же главнокомандующий австро-прусской армией герцог Брауншвейгский издал полный презрения к взбунтовавшейся "черни" вызывающий манифест к населению Франции, в котором он угрожал мятежным подданным Людовика XVI казнями и всяческими карами, обещая не оставить камня на камне от Парижа

Манифест этот, само собой разумеется, вызвал результат, обратный тому, на который надеялся герцог: он не запугал, а озлобил.

В этот напряженный момент одна из парижских секций—секция Французского театра, в которой находился демократический клуб кордельеров и жило много рабочих: печатников и каменщиков, — самовольно сделала шаг к уравниванию санкюлотов в правах с буржуазией.^{*****}

Мелкобуржуазный революционер, близкий и к широким народным массам, Шометт, прокурор Парижской коммуны в первые годы Конвента, так вспоминает об этом событии:

"Взрыв отчаяния побудил патриотов торжественным актом встать на путь возмущения. Однажды вечером, изгнав злодеев, желавших погубить свободу (т.-е. зажиточных буржуа, пытавшихся отстаивать конституционного монарха), они приняли решение, поразившее изумлением двор и его защитников". Решение это и состояло в том, что секция отменила деление на активных и пассивных граждан. Это революционное постановление было обнародовано, и на следующий же день "секция приняла в свое лоно отряд свободных людей, армию патриотов, только и ожидавших благоприятной минуты, чтобы вступить в свои права". Массы мелкой буржуазии и рабочих хлынули в секцию. С этого момента секционные собрания стали очагами подготовляющегося переворота.

Парижские патриоты получили подкрепление и из провинций: отовсюду в Париж стекались отряды добровольцев. В "последних числах июля пришел знаменитый марсельский батальон—500 человек, "хорошо вооруженных патриотизмом, силой, мужеством, оружием". В пути батальон распевал песню, написанную Руже де Лилем для армии, сражавшейся на Рейне.^{*****}

Песня разрасталась в дороге, к ней прибавились новые строфы, республиканские призывы "оглашали все деревни, через которые проходили, распространяя в деревнях гражданские и воинственные чувства".

Марсельский батальон внес с собой в Париж сильную демократическую струю.

Тот же Шометт рассказывает: "Их прибытие возбудило ликование патриотов, давно уже угнетаемых.

Все самые пылкие патриоты теснились на их пути; оказалось, этот батальон, знаменитый своими подвигами на юге Франции, нес молнию, которая сокрушит тиранию и очистит атмосферу свободы. В каждом из этих доблестных граждан мы видели защитника, мстителя, архангела, карающего изменников. Я и сейчас снова вижу перед собой их мужественные загорелые лица... Мне кажется, я и сейчас словно вижу их суровое знамя, увенчанное красным колпаком, символом, дорогим сердцу каждого доброго француза, символом, до тех пор неизвестным нашим буржуазным батальонам, собиравшимся под знаменами с инициалами Лафайета, с бюстом Генриха IV, усеянными лилиями) и коронами. Мужайтесь, франки, мужайтесь, скоро восторжествует свобода! Оживает мужество самых надежных защитников!.. Подлый двор, меч над тобой занесен! Теперь уже недолго!"

За марсельцами явился ряд других волонтеров. В Париже возник Центральный комитет федератов, заседавший в клубе у якобинцев.

Вместе с тем отовсюду из департаментов, из мелких и крупных коммун, стали поступать в Законодательное собрание петиции, направленные против Людовика XVI, требовавшие его свержения и установления республики.

Явно выраженное республиканское настроение масс по всей стране, опасности неминуемого переворота снова испугали Законодательное собрание. Буржуазия еще раз метнулась вправо.

Вызвав к себе короля, Собрание продемонстрировало свою приверженность к конституции и покыло

1) Цветы лилии—эмблема королевской власти во Франции.

аплодисментами лживое заявление Людовика XVI, что "нация и король нераздельны, что они идут к одной и той же цели, и соединенные усилия спасут нацию¹. Собрание постановило; "предать проклятию всякий план, цель которого—изменение конституции". Закончилось все общими умиленными объятиями.

Республиканские петиции собрание стало оставлять без рассмотрения, прерывало депутатов, ставивших вопрос о низложении Людовика.

Рабочие и мелкая буржуазия обошлись без санкции колеблющегося, мечущегося в разные стороны Собрания. 10 августа 1792 г. королевский замок был взят приступом многотысячной толпой, в которой преобладали рабочие Сен-Антуанского предместья и федераты,— главным

^{*****} Одним из главарей секции Французского театра был в это время Дантон.

^{*****} Песня эта потом стала под названием Марсельезы национальным гимном Французской республики.

образом батальон марсельцев.

Про настроение и деятельность масс расскажем словами Шометта: "В эту славную навеки ночь большая часть парижских секций провозгласила восстаний; в наиболее патриотических секциях было решено, что в полночь забьет набат. Секция театра вместе с марсельцами должна была подать сигнал с колокольни Сент-Андре дез Ар и кордельеров. Когда это решение было принято, почувствовалась необходимость в объединяющем центре, откуда бы руководили подготовлявшимся великим и грозным движением. Тотчас же назначив комиссаров, облеченных неограниченной властью для спасения отечества. Они должны были собраться в Доме коммуны.***** Вскоре же организуются секции, назначают новых начальников. Приносят пики. Люди рвут их друг у друга. Все вооружаются и с оружием в руках, в этом суровом обличье, дают клятву спасти отечество... Наконец, бьет роковой час... и тотчас поспешными и грозными ударами набат сотрясает воздух. Всюду бьют тревогу, следуя данному обещанию, все бегут к оружию... Армия, мстительница за священные права человечества, строится колоннами и направляется к дворцу".

На утро Тюльери берется штурмом. Швейцарцы, наемная стража короля, перебиты. Национальная гвардия переходит на сторону атакующих. Король с семьей ищет спасения в Законодательном собрании, которому остается только признать совершившийся факт падения монархии. Руководство событиями в Париже находится теперь в руках Революционной коммуны, возникшей в эту ночь, когда представители восставших секций сместили прежнее городское самоуправление, избранное на основе ценза, и взяли городское управление в свои руки.

2. ВЫБОРЫ в НАЦИОНАЛЬНЫЙ КОНВЕНТ. ПРОВОЗГЛАШЕНИЕ РЕСПУБЛИКИ. НАДЕЖДЫ, СВЯЗАННЫЕ с ЭТИМ СОБЫТИЕМ

Отдав короля с семьей под стражу, установив волей-неволей всеобщее избирательное право, Законодательное собрание принуждено было передать дальнейшую судьбу революции в руки чрезвычайного собрания—Национального конвента.

Когда шли выборы в Конвент, в некоторых промышленных округах Франции рабочие, впервые получившие избирательные права, принимали самое деятельное участие в избирательной кампании, пытались организовать, провести в депутаты своих товарищей. Одна реймская газета даже призывала не доверять буржуазии и интеллигенции—как сказали бы мы теперь—в той же мере, как священникам и дворянам. "Нужен настоящий народный конвент — писала она,— который должен состоять из рабочих, ремесленников и крестьян".

От Реймса действительно в Конвент прошел рабочий — ткач Жан Батист Армонвиль. Произошел "ужасный выбор человека, который в течение всего этого смутного времени не переставал проповедывать аграрный закон***** и нападать на частную собственность",— писал один из современников Великой революции. В простонародной одежде, в неизменном красном колпаке Армонвиль выделяется в Конвенте среди буржуазного вида депутатов, среди щеголей, вроде Эро-де-Сешелля, друга Дантона, или тщательно одетого аккуратного Робеспьера.*****

И вот, несмотря на весь демократизм момента, мы находим кроме Армонвиля в рядах Национального конвента только еще одного пролетария—оружейника из Сент-Этьенна — Нозля Пуент. Вообще же на выборах преобладали и задавали тон администраторы, юристы, врачи. В соответствии с этим был и состав Конвента. Правую в нем заняли жирондисты—молодые, блестящие адвокаты, представители торговой буржуазии юга, левую—представители мелкой буржуазии—монтаньяры, или партия Горы, в центре были колеблющиеся между правой и левой депутаты, выходцы из средней и крупной буржуазии, "новые богачи".*****

Мы остановились более подробно на падении монархии, потому что решающую роль в нем сыграли рабочие и еще потому, что это событие было для них источником новых упований. Казалось, наконец-то разбиты последние цепи, которые сковывали великий народ. Пал тиран, попиравший "права человека". Наконец-то освобожденная нация сможет без помех установить царство справедливости, свободы, равенства и братства. Казалось, начиналась новая эра. Революционное правительство потом ввело новое исчисление времени — не от Р.Х. год такой-то, а год республики и свободы I, II и т.д. История человечества отныне распадалась на две части: история тирании властителей и рабства народов—это вся история до осени 1792 г., и с 1792 г.— царство свободы, разума и справедливости.

К. РАТКЕВИЧ

***** Так называлась с марта 1792 г. городская дума.

***** Так называли тогда передел земель.

***** Армонвиль сидит наверху Горы, рядом с Маратом, и дружит с ним. Фанатичная свирепость Марата не отталкивала его, как некоторых членов Горы.

***** Этот центр, склонявшийся то на сторону правых, то на сторону левых—в зависимости от того, кто был сильнее,—получил прозвище "болота".

В Национальном конвенте, в этом первом демократическом и республиканском собрании народных представителей, раздались такие речи: "Конвент — это собрание философов, которые приготовят счастье всему миру". Конвент "держит в своих руках судьбы великого народа, целого мира и будущее рас" и еще пол года спустя говорилось в том же роде: "Конституция которую вы выработаете, будет вашим манифестом на земле".

Декрет об уничтожении королевской власти вызвал единодушный восторг. "Невозможно,— говорит одна из современных газет,— описать нашим читателям то впечатление, которое было произведено на всех присутствующих при его принятии. Аплодисменты, крики "браво", подбрасывание вверх шляп, клятвы защищать выполнение декрета против всех тиранов, объединенных вместе, крики: "Да здравствует свобода и равенство!"— вот слабый очерк того, что мы видели.

Присоедините к этому трепет всех сердец,— и вы получите некоторое представление об этом зрелище". "Все члены Конвента,— повествует другая,— несколько раз поднимались, простирали вверх руки, сняв шляпы, и кричали: "Да здравствует равенство!". Трибуны (на которых находились жители предместий) отвечали подобными же кликами".

Итак, снова установление равенства, снова, как в 1789 г., упоение величием задачи. Однако, чтобы не было досадных недоразумений, монтаньяр Дантон, прямодушный и последовательный, тут же заявляет с трибуны Конвента: "Отречемся от всяких преувеличений, объявим, что всякая земельная и промышленная собственность будет всегда поддержана".

По этому пути поддержки собственности пойдут не только правые Конвента—жирондисты, но и левые—монтаньяры, все время пытаюсь сочетать охрану собственности с принципом равенства.

Что же реального получил рабочий класс от дальнейшего развития революции? Реальным было влияние на дела. Но осуществлялось оно рабочими не как рабочими, не как классом, а как гражданами в среде таких же граждан, "народа", единой нации.

В итоге рабочие массы шли теперь в поводу у радикальной мелкой буржуазии.

Однако, необходимо оговориться: со стороны политических деятелей не было сознательного обмана. У представителей радикального течения были эгалитарные стремления, было своеобразное "народничество". Например, с уст Робеспьера не сходили похвалы народу. Разные группы общества были как будто искренно увлечены идеей равенства. Сочувствующая монтаньярам газета "Парижские революции" осенью 1792 г. говорит о "необходимости сближения богатства с бедностью", а несколько позднее требует, "чтобы были ограничены размеры земельной собственности".

Многие монтаньяры, между прочим, друг того же Дантона Фабр д'Эглантэн, насмешливо задирает в своем листке "умеренных друзей собственности". Явившись в Конвент требовать ограничения цены на хлеб, власти Парижского департамента говорят: "Земные плоды, как воздух, принадлежат всем".

Сломив восстание в контр-революционном Лионе, Конвент посылает туда трех комиссаров, и они сообщая принимают такое постановление: "Все немощные граждане, старики, сироты и неимущие будут получать квартиру, пищу и одежду за счет богатых. Гражданам, способным к труду, будет предоставляться работа и все необходимое для их ремесла или промысла. Для этого власти будут взимать с богатых революционный налог пропорционально их богатству и антигражданственности". Конвент одобрил действия своих комиссаров. В другом месте комиссар Конвента наставляет местные власти: "Вы должны помнить, что установление равенства в потреблении средств существования— одна из ваших первых обязанностей". Комиссары Конвента, члены крайней левой, Моморо и Дюфур, посланные в одну из провинций ускорить чрезвычайный набор рекрутов, распространяют там новую, свою собственную Декларацию прав, в которой определенно обещается "аграрный закон", т.-е. передел земель в интересах бедноты. Однако и тут—характерная подробность: промышленной собственности гарантируется полная неприкосновенность. (Впрочем, Декларация Моморо и Дюфура так напугала собственников, и они подняли такой шум, что Конвенту пришлось умиротворять настроение, и жирондисты, тогда еще сидевшие в Конвенте, охотно это сделали.)

В общем можно сказать, что господствующая мысль плутала между стремлением к равенству и общим убеждением в необходимости сохранить частную собственность. При этом надо иметь в виду, что при господстве мелкой промышленности и ремесла не было объективных предпосылок для иных воззрений, а у радикальной интеллигенции и у самих рабочих не было и ясного сознания классовых противоречий (того сознания, которое, как мы видели, было у представителей крупного капитала).

Фикция единения интересов нации, убеждение, что разум и справедливость помогут устроить "благо всех", ослепляли деятелей революции, мешали самым искренним радикальным представителям мелкой буржуазии разобраться в социальной обстановке. Это надо иметь в виду при оценке дальнейшего.

Но не было ли у рабочей массы своих идеологов? Не было ли партии, которая выражала бы воззрения и интересы именно этой массы? Такая партия или, вернее, группа (так как говорить о

партиях в нашем смысле слова в эту эпоху еще нельзя), такая группа появилась в первый же год существования республики. Это были так называемые "бешеные".

Но о них дальше.

3. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ РАЗРУХА и БЕЗРАБОТИЦА

Конвент получил тяжелое наследство от Законодательного собрания. Война требовала все новых жертв со стороны государства. Вопрос о том, на чьи плечи будут возложены эти тяготы, точно так же, как и вопрос о помощи голодающим массам городского населения, остро встал перед Конвентом, он усугубил, обострил борьбу партий в нем и увлек массы к активному вмешательству в эту борьбу.

К тому же экономическое состояние страны резко ухудшилось.

Уже с начала революции пострадали некоторые отрасли промышленности, главным образом те, которые вырабатывали предметы роскоши. Но в общем, как уже говорилось выше, в 1790г. и особенно в 1791 г. промышленность и торговля оправились по сравнению с 1786—1789 гг. Начавшаяся весной 1792 г. война положила конец этому кратковременному процветанию.

Особенно осложнилось экономическое положение с того момента, когда к Австрии и Пруссии присоединилась Англия, и для Франции оказались закрытыми сухопутные и морские торговые пути, прекратился или почти прекратился сбыт за границу и подвоз оттуда. Это отразилось на многих отраслях промышленности. До революции французские ювелиры, например, работали на все страны Европы, на Индию, на Китай. В ювелирном деле в Париже и Лионе было занято до 70.000 человек. Война убила ювелирное дело: затруднился вывоз, и, кроме того, заграничные должники прекратили платежи французским ювелирам; большинство из них было благодаря этому разорено, прекратило дела, и десятки тысяч рабочих оказались без куска хлеба.

Застой начался и в других отраслях промышленности. Французское сукно, хотя и уступавшее английскому, находило сбыт в других странах. Например, Франция перед революцией вывозила в одну только Турцию на 12 млн. руб. сукна ежегодно. Теперь английский флот закрыл пути через Средиземное море и через Атлантический океан, по которому Франция отправляла свои шерстяные изделия в Китай и Индию.

Следствием войны было не только отсутствие сбыта, но и недостаток сырья (прежде половина сырья привозилась из колоний), что также способствовало сокращению производства. Например, в 1793 г. главным образом из-за отсутствия сырья закрылись почти все шелковые мануфактуры в Лионе, Туре, Ниме, между тем шелковое производство занимало видное место во французской промышленности. Еще в 60-х годах на внутреннем рынке продавалось шелков на 125 млн. ежегодно.

Так же обстояло дело и в бумагопрядильном и в льняном производстве—стал ощущаться огромный недостаток сырья: области, производящие лен, были захвачены неприятелем, а прекрасный хлопок, привозимый из колоний (из Гвианы, с Бурбонских островов), стал недоступен, благодаря нападению английского флота на торговые французские суда.

Из-за отсутствия сырья стояли мануфактуры, даже когда сбыт был обеспечен: например, потребление наиболее дешевых бумажных тканей не падает, сами промышленники констатируют, что на них спрос огромный. Но нет материала, и администрация промышленных департаментов просит Конвент поддержать гибнущие мануфактуры, снабдить сырьем и, в крайнем случае, хоть поддержать субсидиями рабочих, которым предстоит или умереть с голоду или приняться за другую работу. Между тем, кадры квалифицированных рабочих и так невелики. Когда, при более благоприятной обстановке, производство возобновится, откуда будет взять рабочие руки?

Вследствие прекращения производства, население во многих местах оказалось перед угрозой голодной смерти.

Например, в городе Труа на бумагопрядильне работало все население города, и там же до % населения департамента получало подсобный заработок. Теперь запасы хлопка были исчерпаны. Если крестьяне просуществоют кое как и без работы на мануфактуре, то что будут делать рабочие-горожане, единственным заработком которых была работа -на бумагопрядильне? В департаменте Орн при сокращении производства иголок и булавок вместо 6.000 рабочих остались на производстве 2.000 чел. В феврале 1792г. и запасы стали начали приходить к концу. Ждали лета, тогда привезут сталь из Швеции. Но в апреле началась война, и сталь из Швеции в Орн так и не попала. Рабочих ожидала голодная смерть. Министерство внутренних дел просит Национальное собрание ассигновать на их поддержку 30.000 франков. Это не благотворительность и не политический расчет,— это мера, продиктованная интересами промышленности. Надо сохранить квалифицированных, умелых рабочих, не дать им вымереть— их так немного во Франции!

В 1792 г. начались жалобы на исчезновение сырых кож. В Гренобле жители кормились выделкой перчаток. С 1792 г. производство пало: нет кожи. Мясники прячут ее, не хотят продавать по дешевой цене. "У них преступное соглашение",—жаловались кожевенные мастера.

Сократилось и производство сапог. Новые кадры рабочих оказались на улице.

4. ГОЛОД. ВОПРОС о СВОБОДЕ ТОРГОВЛИ

Итак, опять по всей Франции массы рабочих и ремесленников оказались безработными. Д цены на предметы первой необходимости росли, ассигнации, которые начало выпускать еще Учредительное собрание, неудержимо падали в цене. Бедноте опять угрожал голод. И хуже всего, конечно, приходилось населению крупных городов.

Париж, например, снабжался продовольствием с перебоем, у лавок стояли очереди; огромные массы в большинстве не в состоянии были покупать что-либо, кроме хлеба. Он снова стоил 3 су за фунт, а к весне 1793 г. дошел до 8 су. Заработная же плата повысилась очень незначительно и не для всех рабочих. Женщины, например, сплошь и рядом получали по 20 су в день, мужчины-поденщики то же.

При таких обстоятельствах голодающие массы начали домогаться применения той меры, которая в подобных случаях практиковалась и при старом порядке:

установления твердых цен на хлеб.

Еще 19 ноября 1792 г. в Конвент была подана петиция, в которой говорилось: "...Свобода хлебной торговли несовместима с существованием нашей республики

Петиционеры указывали, что богачи, вздувающие цены на хлеб, вместе с тем определяют и размер заработной платы. "Заработной платы не хватает на пропитание. Отсюда неизбежно вытекает угнетение всех, кто живет трудом своих рук". "Но класс, живущий своим трудом, будучи призван к законодательству, не должен терпеть подобный порядок вещей",— говорили петиционеры.

Петиция требовала, чтобы были установлены твердые цены на хлеб, и чтобы снабжение продовольствием всех областей республики было поручено центральной власти, избранной народом.

Как эта петиция, так и другие, последовавшие за ней, были оставлены без последствий.

Монтаньяры отнеслись к ним равнодушно. Вздорожание хлеба было еще не настолько значительно чтобы мелкая буржуазия от него сильно страдала. Жирондисты же решительно выступили против таксации. Торговая буржуазия юга Франции, пославшая в Конвент этих блестящих адвокатов, была заинтересована в росте цен на хлеб, в возможности спекуляции.

Жирондисты доказывали, что частный интерес скорее сможет все предвидеть и привести к благополучному равновесию между заработной платой и ценами на продукты. Вмешательство государства только повредит делу.

В продолжение всей зимы и весны 1793 г. жирондистам удавалось отстаивать свободу торговли. При установлении твердых цен на хлеб, говорили они, "фермеры и торговцы, не видя возможности покрывать свои расходы, припрячут зерно в ожидании того времени, когда такса будет отменена или повышена", я Можно заставить фермеров доставлять зерно на рынок. Но нет ничего труднее, как заставить человека разориться. Приказ доставлять зерно на рынок будет не чем иным, как уведомлением о том, чтобы прятать его более тщательно".

Эти доводы разделялись и левой Конвента—монтаньярами: они соответствовали буржуазному духу эпохи. Но они не были поняты голодающими, доведенными до отчаяния массами. В этот-то период решительного расхождения масс не только с правой, но и с левой партией Конвента, у рабочих появились свои "вожди, это и были "бешеные" (как прозвали их жирондисты). Они развернули агитацию по секциям.

5. "БЕШЕНЫЕ". СОЮЗ МОНТАНЬЯРОВ с НИМИ

Чего хотели "бешеные" и какой класс какие группы среди "народа" они представляли? Мы уже говорили, что единственные группы рабочих, революционные по своему положению в производстве,—рабочие крупных мануфактур были очень немногочисленны. Гораздо более многочисленными были ремесленные подмастерья, но, поскольку они были заинтересованы в сохранении ремесла, мелкого производства, они являлись представителями регрессивной общественной силы. И вот, главным образом, их-то интересы и представляли "бешеные".

С конца 1792 г. вожди "бешеных"—Жак Ру, Варлэ, Леклерк—требуют субсидий и беспроцентных займов для обедневших ремесленников и подмастерьев, желающих организовать ремесленные артели или индивидуальные предприятия, они хотят поддержать неимущих, поставить на ноги гибнущие мелкие предприятия, которым не под силу конкурировать с крупным капиталом.

Вместе с тем они хотят вести борьбу с накоплением крупных промышленных и торговых капиталов. Для этого предлагают систему прогрессивного обложения и конфискации излишков капитала, превосходящих известную норму.

"Интересы бедноты, которая численно преобладает во всяком государстве, состоят в том, чтобы ограничить непропорциональность имуществ", пишет Варлэ в брошюре "О правах человека, живущего в обществе". В соответствии с этим Варлэ предлагал раздел национальных имуществ (т.-е. земель, конфискованных у церкви, а потом и у эмигрантов) между беднейшим населением деревень.

Но нигде у "бешеных" нет речи об отмене частной собственности хотя бы на предметы потребления, как это несколькими годами позже предложил Бабеф.

В общем цельной, продуманной программы переустройства общества у них не было. Но, живо принимая к сердцу нищету и страдания масс, они думали помочь беде рядом репрессивных мер против тех, кто в их глазах являлся виновником этих страданий. Социальное зло—продукт злой воли людей; надо утратить их, чтобы им было непозволительно делать зло ближним.

Будучи уверены, что дороговизна предметов первой необходимости дело рук контр-революционных спекулянтов, "бешеные" считали, что можно помочь беде суровыми карами против них и установлением твердых цен.

Если враги народа составляют заговор против революции, их надо устранить; если они спекулируют, вздувают цены на хлеб, понижают плату за труд, обрекают массы на величайшие страдания, хотят уморить голодом народ,—меч правосудия не должен их щадить. "Нужно очистить от них землю отечества".

Идя рука об руку с бедствовавшими массами, проникнутые их упрощенным воззрением на социальные проблемы, "бешеные" были выразителями чаяний этих масс, уверенных, что если законодатели издадут хорошие законы в пользу народа и будут проводить их со всей строгостью, то зло будет исцелено. Законы эти должны прежде всего дать хлеб голодающим; если же законодатели медлят, народ сам должен утратить своих врагов.

В сущности то же говорили и некоторые из монтаньяров. Марат писал в "Друге народа": "Во всякой стране, где права народа не пустые фразы, разграбление нескольких лавок, на дверях которых были бы вздернуты скупщики, живо положило бы конец обманным махинациям".

Но особенно решительно на репрессиях против спекулянтов настаивали "бешеные".

В начале февраля 1793 г. в Париже вспыхнули голодные беспорядки. В конце февраля они повторились по призыву "бешеных". Толпа громила мелочные лавки и булочные, убила нескольких торговцев, в другом месте заставила их продавать товары по пониженным ценам, и представитель "бешеных" Жак Ру в заседании Совета коммуны оправдывал погром, учиненный измученными рабочими и ремесленниками.

В середине февраля в Конвент явилась, руководимая опять-таки "бешеными", депутация от секций Парижа с требованием закона против спекулянтов: "Разве законодатели не знают, что в торговле хлебом происходят злоупотребления, которые необходимо обуздать, если они не хотят, чтобы народ умер с голоду?"—говорилось в петиции.

Однако, голодный бунт напугал и озлобил не только жирондистов, но и большинство монтаньяров: выступление рабочих угрожало классовым интересам всей буржуазии, и монтаньяры постарались изобразить февральское движение как дело рук заграничных врагов республики: контр-революционеры хотели, дескать, вызвать беспорядки, натравить народ на Конвент и, воспользовавшись разладом в среде революционеров, восстановить королевскую власть.

Напуганный разрастающимся движением против состоятельных классов. Конвент при единении жирондистов и монтаньяров даже издал декрет, угрожающий смертной казнью всякому, кто предложит "аграрный закон".

Вскоре, однако, обстоятельства заставили монтаньяров изменить свое отношение к требованиям "бешеных".

В начале марта революционные войска потерпели серьезное поражение в Бельгии, занятой французами еще в 1792 г. Оккупированные области пришлось эвакуировать. Снова Париж перед лицом грозной опасности был охвачен тревогой. Нужны были энергичные меры, народ должен был опять спасти революцию.

Когда получились печальные известия с фронта, мэри Парижа приказал закрыть все театры и прорвать Сбор, приглашая граждан собраться по секциям.

Совет парижской коммуны обратился к населению с воззванием:

"К оружию, граждане, к оружию"! Если вы промедлите, все будет потеряно.

Парижане, представьте себе размеры опасности: можете ли вы допустить, чтобы враг пришел сюда опустошить землю свободы, сжечь ваши города и деревни...

Поднимайтесь, вооружайтесь—и банды отступят перед вами...

Пусть все оружие будет снесено в секции, пусть все граждане соберутся туда, пусть они поклянутся спасти отечество, и да будет оно спасено!.."

Положение республики в это время было таким критическим, что оправдывало эту тревогу. В одной из наиболее отсталых экономически местностей, Вандее, поднялось контр-революционное восстание. Число внешних врагов возросло: именно в это время к Двстрии и Пруссии и присоединились Англия, Испания, Голландия, и Сардиния. При таких условиях поражение на

поражение на одном из фронтов могло привести к общей катастрофе.

Только новым взрывом народного энтузиазма, новым усилением революционной энергии, казалось, можно было спасти республику.

А в апреле новое событие взволновало умы. Командующий северной армией генерал Дюмурье изменил республике, призвал войска двинуться на Париж и низложить революционные власти. Правда, попытка эта не удалась, и Дюмурье со своим штабом перешел к неприятелю, но эта измена показала, что революция может каждую минуту ждать удара в спину. Дюмурье был близок к жирондистам, и его измена бросала тень и на них. Чтобы защитить революцию, нужны были энергичные революционные меры и прежде всего надобно было выбить оружие из рук тех, кто мог помогать силам контр-революции. Но жирондисты не шли на решительные меры. Для защиты революции, следовательно, необходимо было устранить их от влияния на дела. И вот, чтобы свалить их, монтаньяры принуждены были итти на союз с "бешеными". Радикальная мелкая буржуазия выступила на борьбу против либералов, идеологов крупной буржуазии, и воспользовалась в этой борьбе пролетарской массой как реальной силой.

Под давлением монтаньяров Конвент издал декрет: 1) о принудительном наборе рекрутов (до сих пор для армии вербовали добровольцев), 2) о принудительном займе у богатых, 3) о создании революционного трибунала для борьбы с контр-революцией и укрепления революционной власти.

Эти меры были подсказаны Конвенту парижскими рабочими массами и их вождями...

Еще 9 марта 1793 г. секция Гравилье, одна из самых пролетарских секций, населенная рабочими, занятыми в ленточном производстве^{*****}, руководимая Жаком Ру, подала петицию Национальному конвенту, в которой требовала издания репрессивных законов против спекуляции и введения военного налога на богатых, "дабы поощрить отправку волонтеров (на фронт) и доставить средства на содержание их жен и детей". "Отечество в праве распоряжаться нами,— говорилось в петиции,— но уполномоченные народа обязаны предоставить национальные богатства в распоряжение тех, кто находится в нищете, тех, кто страдает от отсутствия своих мужей. Они должны очистить республику от изменника в, наносящих ей удары своими ростовщическими стремлениям и"... "Неужели в то самое время, когда батальоны наши разворачивают на внешнем фронте знамя национальной мести, вы будете и дальше терпеть, чтобы жены и дети наших храбрых волонтеров стонали и умирали под ударами аристократии богатства"?

Однако, этих трех декретов было мало, чтобы опереться на массы парижской бедноты— монтаньярам пришлось итти на уступку и в- вопросе о предельных ценах. И вот в конце апреля Робеспьер произносит в Конвенте речь с выпадами против "подлых душ, не почитающих ничего, кроме золота", с восторженными похвалами честной бедности. Оговорившись, что "равенство имущества есть только химера" и что, на его взгляд, для счастья отдельного лица богатство излишне, он все же предлагает принять ряд поправок к Декларации прав 1789 г., которая, устанавливая право собственности, священное и неприкосновенное, кажется созданной для "барышников-спекулянтов и тиранов".

Затем 4 мая Национальный конвент принимает декрет, которым ограничивает свободу хлебной торговли и устанавливает максимальную цену на зерно. Таким образом монтаньяры идут навстречу "бешеным", выражающим желанья масс. В свою очередь "бешеные" агитируют в секциях против жирондистов, отстаивающих интересы "аристократии богатства" подают ряд петиций в Конвент с требованием исключения жирондистов.

В последних числах мая борьба между Жирондой и Горой достигает предельного напряжения. "Бешеные", веря, что победа Горы обеспечит хлеб народу, поднимают парижскую бедноту, и тогда Гора, устранив восстанием предместий центр Конвента—"болото",—вырывает у него 2 июня 1793 г. согласие на арест жирондистов.

6. БОРЬБА за МАКСИМУМ. МОНТАНЬЯРЫ ПРОТИВ "БЕШЕНЫХ"

Конвент был освобожден от представителей крупной буржуазии, от апостолов свободы промышленности и торговли. С этого момента установилась диктатура мелкой буржуазии. Но проходили недели, месяцы, а закона о таксации цен на все предметы первой необходимости все не было и не было. Ближайший друг Робеспьера,— Сен-Жюст,—произносит речь в защиту свободы торговли. В конституцию 1793 г., выработка которой в Конвенте закончилась летом 1793 г., был включен параграф, говоривший: "Право собственности—это принадлежащее всякому гражданину право пользоваться и располагать по своему усмотрению своим имуществом, своими доходами, плодами своего труда и своего промысла".

^{*****} В начале мы уже говорили, что это была единственная отрасль промышленности, в которой применение машин привело к сильному сокращению рабочих рук и убило мелкое производство. Население секции Гравилье было настроено решительно и доведено голодом и отчаянием до готовности к резким выступлениям. "Бешеные" находили здесь рьяных единомышленников.

И вот снова "бешеные" организуют петиции, снова жители секции Гравилье, Сент-Днтуанского предместья и других бедных кварталов проходят перед Конвентом. Жак Ру напоминает об оказанных услугах, о недавнем соглашении: "Народные избранники! Когда в вашей среде были роялисты, желавшие спасти тирана, гнусные люди, организовавшие гражданскую войну,—секция Гравилье поняла, почему Гора не может осуществить то благое какое у нее в сердце,—она восстала". Народ поддержал монтаньяров, а монтаньяры не исполнили свой долг перед народом. "В течение четырех лет одни только богачи пользуются выгодами революции. Торговая аристократия, еще более ужасная, чем аристократия знати и сана, занимается жестокой забавой—грабит имущество честных лиц и богатство республики, и мы еще не знаем предела их лихоимства, ибо с утра до вечера цены на товары растут с ужасающей быстротой". Нужна беспощадная борьба со спекуляцией: "нужно поразить смертью пиявок народа". "Если бы вы,—обращается он к законодателям,—обошли когда-нибудь дома этого революционного города и осмотрели этажи от третьего до девятого,—вы были бы растроганы слезами и стенаниями бесчисленного голого и голодного населения, доведенного до этой степени нищеты ажиотажем и барышничеством". "Запретили ли вы в своей конституции ажиотаж?—упрекает он.—Нет!—Назначили ли смертную казнь для барышников?—Нет! Определили ли вы, в чем заключается свобода торговли?—Нет! Вот почему мы вам заявляем, что вы для народного блага сделали слишком мало". "Все необходимые съестные припасы должны быть приведены к доступной для всякого цене"—требует он и умоляет Конвент установить твердые цены,—тогда все зло прекратится. "Прикажите, еще раз просим вас... и санкюлоты своими пиками заставят повиноваться" вашим декретам.

Эта речь, благодаря резкости ее нападок, вызывает в Конвенте негодование.

Около этого же времени в Париже снова происходят продовольственные волнения. Тогда монтаньяры—Робеспьер и даже Марат в их числе—обрушиваются на "бешеных". Коммуна грозит парижскому населению расстрелом в случае скопищ; в якобинском клубе—своего рода штаб-квартире монтаньяров и, главным образом, робеспьеристов, и в коммуне начинается яростный поход против "бешеных".

"Самая демократическая из существовавших когда-либо конституций представлена на утверждение народа...—говорит у якобинцев Робеспьер,—и в это время человек, прикрывающийся личиной патриотизма, намерения которого, однако, могут быть по меньшей мере подвергнуты сомнению, оскорбляет большинство Национального конвента под предлогом того, что конституция не содержит законов против скупщиков, и выходит из этого, что она не пригодна для того- народа, для которого создана!..." Дальше Робеспьер пытается оклеветать Жака Ру, намекая, что он действует в согласии с внешним врагом, что ему, как бывшему священнику, нельзя доверять.

Конституция, о которой говорит Робеспьер, действительно была вполне демократична, она установила всеобщее избирательное право и, кроме того, отдавала важнейшие законопроекты на утверждение народа путем референдума. Но она не разрешала экономического вопроса, не облегчала участи изголодавшихся рабочих масс. Здесь сказалась разница в понимании задач революционной власти монтаньярами и "бешеными". Для первых политические вопросы господствовали над всем остальным. Вторые были поглощены стремлением облегчить экономическое положение масс.

Вздорного, но ходкого в то время обвинения в продажности австрийцам оказалось мало, чтобы погубить Жака Ру: его популярность была слишком велика. Снова, как перед падением жирондистов, началась борьба в секциях, Жаку Ру удалось сместить в секции Гравилье секционный комитет и стать самому во главе секции.

Но монтаньяры были слишком хорошо организованы, мелкая буржуазия сплотилась перед лицом опасности со стороны рабочих. Составился временный союз, левые монтаньяры—Эбер, Шометт—примкнули к Робеспьеру, и все они оказались заодно, даже с более правыми—с Дантоном и его друзьями.

Против Жака Ру было выдвинуто обвинение в посягательстве на народный суверенитет и в растрате. Его предали суду Революционного трибунала, откуда для него, при сложившейся неблагоприятной обстановке, мог быть только один выход—на гильотину.

Чтобы избежать его, он покончил с собой...

7. ЗАКОН о МАКСИМУМЕ

И все-таки продолжение войны, боязнь контр-революции и необходимость найти какой-нибудь выход из хозяйственных затруднений принудили монтаньяров осуществить те меры, которых в интересах ремесленников и рабочих требовали "бешеные".

Осенью 1793 г. Национальный конвент принял закон о максимуме.

К этому времени экономический кризис и голод достигли величайшего напряжения. Вместе с тем положение на внешнем и внутреннем фронтах попеременно требовало героических усилий: с февраля 1793 г. Франция воевала, как уже было сказано, с пятью врагами; монархическое восстание в Вандее еще не было подавлено; после ареста жирондистских вождей поднялось восстание и в промышленном Лионе; сильная морская крепость Тулон предалась англичанам.

Посреди всех этих опасностей монтаньярский конвент решается не вводить в действие выработанную конституцию впредь до заключения мира и управлять страной в революционном порядке. Он "ставит террор в порядке дня" и опять идет за парижскими массами, а те продолжают настаивать на разрешении продовольственного вопроса, и на этот раз левая группа монтаньяров действует заодно с "бешеными".

В сентябре появляется в Коммуне депутация рабочих с требованием "хлеба". "Примите меры, чтобы проработавший целый день рабочий не был вынужден бодрствовать полночи и терять половину следующего дня (в очередях), чтобы раздобыть хлеб, а иногда даже и не получить его",—говорится в петиции.

Прокурор Коммуны Шометт спешит в Конвент известить его о происходящем. В ответе, полученном из Конвента, обещают установления максимума на предметы первой необходимости. Собравшиеся кричат: "Нам нужны не обещания, а хлеб и притом немедленно!"

И тут мы снова слышим привычную аргументацию. "Природа улыбнулась нашей революции и непрерывно ей покровительствовала, а скупщики сообща с тиранами, нашими врагами, подстраивают контр-революцию".

Шометт взбирается на стол и при воцарившейся тишине говорит: "Здесь происходит открытая война богатых против бедных; они хотят уничтожить нас. Хорошо же! Нужно только опередить их, нужно уничтожить их самих. Сила в наших руках!" Он предлагает, чтобы Национальный конвент создал революционную армию, которая бы, во-первых, реквизировала хлеб по деревням и, во-вторых, препятствовала бы "проискам богатых эгоистов, предавая их законной каре".

5 сентября Конвент принимает декрет о создании революционной армии в количестве 72.000 человек артиллерии и пехоты для охраны продовольствия и подавления контр-революции.

Вместе с тем усиливается террор.

7 сентября издается закон о подозрительных. В числе их указываются скупщики товаров, спекулянты.

9 сентября вводится плата за посещение заседаний секций, чем обеспечивается известная материальная поддержка рабочим.

И, наконец, 29 сентября издается закон о максимуме.

Этим законом на все предметы первой необходимости—продукты питания, дрова, каменный уголь, обувь, мыло, полотно и другие материи—устанавливались максимальные цены на один год. До 1 сентября 1794 г. эти предметы должны были продаваться по цене, существовавшей на них в 1790 г., с увеличением на 1., но с вычетом всяких казенных и местных сборов, отмененных с тех пор.

Все лица, покупавшие или продававшие товары выше максимума, подлежали штрафу.

Вскоре за тем Конвент, боясь сокращения производства, объявил новым декретом "подозрительными" всех тех фабрикантов и купцов, "которые после закона о максимуме прекратят производство или торговлю".

Итак, после долгих усилий рабочей массы и ее вождей, после бесконечных колебаний и оттяжек со стороны стоявшей с весны у власти мелкой буржуазии, закон о максимуме прошел, и вместе с тем республика решительно ополчилась на всех, кого массы подозревали в злостном создании продовольственных затруднений.

Что принес этот долгожданный закон?

8. РЕЗУЛЬТАТЫ ЗАКОНА о МАКСИМУМЕ

Ожиданий рабочих закон этот не оправдал. Дешевого хлеба им не дал. Торговцы продавали по нормированным ценам только небольшую часть товаров, остальное стало продаваться из-под полы втридорога и попадало, конечно, не бедноте, а богачам или, во всяком случае, людям состоятельным.

Кроме того, с рынка стало исчезать сырье. Правительство могло, хотя и с некоторым трудом, заставить крупного мануфактуриста выпускать товар по определенной цене, могло учесть его продукцию и следить за тем, чтобы он злостно не сокращал производства. Учесть сырье—сбор оливок, винограда или пшеницы, количество шерсти—было несравненно труднее. Хозяева, находя разорительными для себя новые цены, прибегали ко всевозможным уловкам, чтобы сократить производство, и опять-таки сельский хозяин осуществить это мог легче, чем фабрикант. И получалось, что фабрикант принужден был изготавливать свои изделия и продавать их по максимуму, а сырье он должен был покупать из-под полы по бешеным ценам. Такое положение вещей приводило его к неминуемому банкротству.

Уже 26 декабря 1793 г., т.-е. три месяца спустя после декрета о максимуме, представитель Конвента в Лионе и Тулоне доносил Конвенту: "С большой скорбью, коллеги, увидел я действие, произведенное общим законом о максимуме на цены всех необходимых для жизни предметов во всех тех местах, через которые я проезжал... Почти всюду я нашел недостаток предметов, самых необходимых для жизни, обезлюдевшие и пустые рынки и много закрытых лавок".

Помимо того, что вообще таксация всех предметов потребления была трудно осуществима в условиях капиталистического хозяйства, вдобавок к тому закон был плохо проработан и многого не предусмотрел. Тот же комиссар Конвента говорит: "Максимум повсюду разный, сырые материалы для фабрик расцениваются в одном месте по более высокому максимуму, чем готовые изделия из них же в другом. Например, в Эльбефе необработанная шерсть продается по довольно значительной цене, в Дижоне же эльбефское сукно продается много дешевле". Исчезновение многих товаров отбивает у производителя других товаров охоту трудиться на сбыт. К чему ему работать, если он получит за свой труд ничего не стоящие ассигнации, а нужного ему товара на рынке нет. "Зреет глухое негодование,—продолжает уполномоченный Конвента.—Ненависть и нищета свивают себе гнездо среди граждан, а аристократы наряжаются, покупают сласти, полотна, материи и пр. и наслаждаются жизнью". Развивается торговля из-под полы. Все торгуют всем. Мелкие и крупные сделки ведутся по кабачкам и кафэ. Последние месяцы 1793 г. и весь 1794 г. со всех сторон несутся жалобы на недостаток предметов первой необходимости, и вместе с тем спекулянты наживают огромные состояния на скупке и перепродаже товаров.

Комитет общественного спасения, которому принадлежала исполнительная власть, действовал энергично. Робеспьер, Сен-Жюст и товарищи их уже в октябре 1793 г. потребовали усиления террора. Прокурор Коммуны Шометт (которого мы цитировали не раз) добился, чтобы всякий, кто пожалеет жадных фермеров и купцов, объявлялся подозрительным. Но беспощадные меры ни к чему не приводили. Как вскоре после издания закона в октябре 1793 г. Сен-Жюст заявлял, что закон о максимуме не даст ожидавшихся результатов, так как богачи скупают товары, точно так же летом 1794 г. те же жалобы раздаются в Комитете общественного спасения: максимум нигде не выполняется.

Твердая воля руководящей группы и поддерживавших ее рабочих масс разбивается о глухое сопротивление крупного и мелкого спекулянта, об алчность буржуазии и кулачества, об упорные хозяйственные навыки и традиции. Продукты роковым образом исчезают с рынка; нет совершенно мыла; развиваются эпидемии. Нет светильного масла, так что муниципалитеты в некоторых местах не знают, чем осветить комнату, где происходят вечерние заседания. Нет бумаги и нет тряпья для бумаги. 1 апреля 1794 г. правительство принуждено распорядиться, чтобы все граждане ежемесячно доставляли по 1 фунту тряпья для нужд бумажной промышленности... Мясо, хлеб продаются в подавляющем большинстве случаев втрое дороже установленной цены.

Парижская коммуна, боясь волнений, выбивается из сил, чтобы снабдить население всем необходимым, но ее усилия ни к чему не приводят: у булочных с рассвета стоят хвосты, а мясо с трудом удается выдавать по 1 фунту на человека на 10 дней.

"Граждане, благодетельный закон о максимуме не исполняется в вашем округе,—взывают в разных округах агенты Национального конвента к местным властям.— Эгоизм, пронырство, интриги, жадность соединяются в коварных усилиях, чтобы уничтожить его действие—Нарушение закона о максимуме—первый шаг к тому, чтобы незаметно погрузиться в тину старого режима... Доносите мне на виновных... Подумайте о том, что страшная ответственность тяготеет на ваших головах".

Сокращение производства идет гигантским шагом. В 1794 г. во всей Франции остались два заведения для выработки купороса и красящих веществ, и те просят правительство снабдить их сырьем. В Марселе из 5 сахаро-рафинадных мануфактур остаются лишь 2, и закрываются все мыловарни. Еще в 1793 г. в декабре оружейные мастерские Лефрансуа в Нормандии прекратили производство из-за недостатка стали, а у них был заказ от правительства на 5.000 ружей. Оружейные мастерские в Тюлле не могли выполнять правительственные заказы по той же причине.

Мало того, что сокращалось производство,—остатки сырья и товаров уходили за границу. Гонясь за крупной прибылью, французские купцы с невероятными трудностями, с риском для жизни, переправляли контрабандным путем свои товары за границу так как гам получали за них золотом. Вместе с тем ввоз из-за границы теперь уже совершенно прекратился. Купечество не везло оттуда товары для того, чтобы продавать их во Франции по низкой цене и притом получая за них обесцененные ассигнации.

И правительство принуждено было иногда делать само закупки за границей, платить золотом и, конечно, не по максимуму.

Почему Национальный конвент, так долго колебавшийся принять закон о максимуме, теперь так упорно требовал его исполнения, требовал во что бы то ни стало? Правительство в это время само было потребителем огромного количества разнообразных предметов, не могло за них платить по вольной, шальной цене, не могло зависеть от случайностей свободного рынка. Снабжение армии оружием, одеждой, продовольствием было самой насущной, самой трудной, но

самой повелительной для данного момента задачей. При полной хозяйственной разрухе только реквизициями, террористическими мерами, железным принуждением Комитет общественного спасения, взявший с весны 1793 г. в свои руки исполнительную власть, мог осуществить сложную, почти невыполнимую задачу снабжения и продовольствия армии. Нужды армии господствовали над всеми остальными, приходилось даже, рискуя окончательно разрешить экономическую жизнь, заставить Францию дать все, что нужно, чтобы армия могла отразить врага, грозившего захватом страны и восстановлением старого строя.

Раз вступив на путь таксации, реквизиций и беспощадной репрессии, правительство не могло сойти с него, чтобы не остановилось снабжение фронта; напротив, логикой вещей оно должно было только усиливать нажим на страну. И террористическое правительство в этом случае опиралось не только на рабочий класс, но и на широкие слои буржуазии, боявшейся возвращения эмигрантов, ведь с наступлением реакции ей грозила утрата всех экономических завоеваний революции.

Так продолжалось, пока положение Франции не было укреплено победами на фронте гражданском и внешнем. Когда это случилось, тогда насильственные меры в глазах подавляющего большинства страны—буржуазии и крестьянства—утратили свое оправдание. И группа лиц с Робеспьером во главе, проводившая террор, потеряла влияние, ее диктатура была свергнута, террор ослабел, а его вдохновители погибли на эшафоте.

Но это произошло лишь летом 1794 г.

9. ПОЛОЖЕНИЕ РАБОЧИХ при МАКСИМУМЕ

Исчезновение товаров больше всего ударило по бедноте. Но рабочий класс в целом пострадал от максимума не только как потребитель и не только от усилившейся безработицы.

Закон о максимуме жестоко ударил по нем и с другой стороны.

На ряду с продуктами добывающей и обрабатывающей промышленности он таксировал и заработную плату и, кроме того, давал право местным властям мобилизовать рабочих.

Ст.8 гласила: "Максимум, или наивысший размер заработной платы, жалованья, сдельной или поденной платы со времени опубликования закона и до сентября следующего года повсеместно устанавливается... в тех размерах, какие существовали в 1790 г., с прибавкой сверх того половины этой цены".

При таксации заработной платы в намерение законодателя как будто входило улучшить положение рабочего: ведь заработная плата увеличивалась наполовину по сравнению с 1790 г., между тем как цены на продукты поднялись лишь на 1/3. Но по максимальным ценам рабочий не мог получать продукты—их на рынке по таким ценам не было. Предметы первой необходимости с 1790 г. вздорожали не на 1, и не в 1а раза, а гораздо больше. Вздорожание было так значительно, что к осени 1793 г. и заработная плата во многих местностях повысилась вдвое. Закон о максимуме ее понижал. Значит, закон, изданный демократическим Конвентом, ставил рабочих даже в худшее положение, чем "естественный ход вещей", который в капиталистическом обществе, как известно, обеспечивает рабочему жизнь на уровне нищеты.

Вместе с тем новый закон лишал рабочего свободы располагать своим трудом. Еще до издания общего закона о максимуме Конвент стал прибегать к "реквизиции" рабочих. Так, в августе 1793г. были объявлены под реквизицией строительные рабочие.

Издавая общий закон, Конвент в него включает ст.9 гласившую: "Муниципалитеты могут объявлять мобилизованными и в случае надобности наказывать тремя днями ареста тех ремесленников, рабочих и представителей всех возможных видов труда, которые без уважительных причин будут отказываться от их обычной работы".

Эта принудительная и карательная статья была необходима, так как никто не хотел и не мог работать по установленной декретом плате. Согласиться на нее для рабочих вскоре стало равносильным голодной смерти.

Пренебрежение к интересам рабочего класса, проявившееся в законе о максимуме, готовность принести их в жертву "благу государства", пожалуй, не удивительны в Собрании, где-было всего лишь два представителя рабочих на несколько сот представителей мелкой и средней буржуазии. При обсуждении закона Собрание как будто забыло, что цель закона о максимуме, которого требовал рабочий класс,—"поставить преграду алчности купцов и владельцев продуктов земли, но отнюдь не уменьшать заработка рабочего". Все время, пока закон существовал, он был, по воле монтаньяров, орудием служения "благу государства", и только с этой стороны и рассматривался ими, безотносительно к интересам рабочих, как класса, хотя и был вызван к жизни их требованиями.

К. РАТКЕВИЧ

ФРАНЦУЗСКИЕ РАБОЧИЕ в ГОДЫ ВЕЛИКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

***** Этот термин употреблялся тогда и в применении к живой рабочей силе. 1928.

10. СТАЧКИ и РЕПРЕССИИ

Местные власти широко использовали предоставленное им законом о максимуме право реквизиции рабочей силы. Иначе и не могло быть. Хозяева мануфактур, обязанные не прекращать производства, обращались к ним с просьбой снабдить их рабочей силой: добровольно работать за голодную заработную плату охотников находилось мало. Власти принуждены были удовлетворять требования хозяев, чтобы лишить их возможности на законном основании прекратить невыгодное для них производство. Особенно же беспощадно проводились мобилизации, когда их требовали мануфактуры, работавшие на армию. Вот несколько примеров: в январе 1794 г. под реквизицию попали все предприниматели и рабочие, занятые в бумажном производстве. Около того же времени под реквизицией были объявлены все слесаря, им было запрещено брать какую-либо работу, кроме выделки оружия. В том же январе подверглись реквизиции все судостроительные рабочие и т.д. и т.д. Рабочих часто перебрасывали из одной местности в другую. В начале 1794 г. в Бресте нехватало бондарей. По распоряжению комиссара Конвента их перекинули сюда из Бордо. Можно себе представить, какие тяжелые последствия для жизни рабочих имели такие насильственные переброски.

Мало того: рабочих часто принуждали работать в чужой для них профессии, если в ней чувствовался недостаток рабочих рук. В середине 1794 г. в девятнадцати округах большинство рабочих, занятых до тех пор в шерстяном деле, были отправлены на работы по выделке оружия и изготовлению пороха.

Но и этого мало: ведь Франция в XVIII веке остается земледельческой страной. Так смотрит на дело и Конвент. Промышленность важна постольку, поскольку она перерабатывает сельскохозяйственное сырье. Кроме того, в хлебе правительство нуждалось для армии, для бесперебойного снабжения больших городов, чтобы там не происходило беспорядков. Значит, в первую голову—после нужд обороны, конечно, надо было удовлетворить потребность сельского хозяйства в рабочей силе. Уже до революции землевладельцы жаловались на недостаток рабочих. За годы революции и войны уменьшилось число машин, и без того небольшое; восполнить этот пробел можно было увеличением числа рабочих рук. И вот комиссары Конвента перекидывают промышленных рабочих на сельские работы.

30 мая 1794 г. Комитет общественного спасения издает суровый декрет, которым объявляет под реквизицией для нужд сельского хозяйства всех тех, кто обыкновенно занимается полевыми работами, и дает право муниципалитетам привлекать к этим работам и всех хороших граждан". За попытку устроить стачку, поднять заработную плату, или отказаться от работ виновные подлежат суду Революционного трибунала. Другими словами, им грозит гильотина. Декрет был разослан местной администрации с предупреждением и у наказом: "Он затрагивает интересы всего народа, существование которого он обеспечивает. Будьте скоры и Дуровы в исполнении этого распоряжения. Быстрота и сила составляют душу республиканского правительства"...

Правда, война, создавшая этот гнет, давала и выход отчаявшемуся рабочему: чем медленно умирать от голода, в тылу, часто на непривычной и тяжелой работе,—лучше идти на фронт. Там будешь сыт, там испытаешь и революционный подъем.

Но и этот выход не всегда был возможен.

Рабочие с шерстяной мануфактуры в Анжере ушли в армию. Хозяин, у которого были большие заказы, ходатайствует перед правительством, чтобы рабочих вернули, и просьба была удовлетворена.

Положение рабочих становилось невыносимым. Немудрено, что, несмотря на тяжелые времена, на террор, косивший жертвы во всех классах общества, кое-где прорывались стачки, хотя власти сурово преследовали рабочих за стачки.

В январе 1794 г. в Бордо начали стачку рабочие веревочной мастерской, работавшей на флот. Муниципалитет арестовал явившуюся к нему депутацию рабочих, передал дело о стачке Военному комитету и опубликовал воззвание к населению, в котором приглашал его осудить это "ужасное поведение рабочих. Стачечники приравнивались к врагам общественного блага (а это обвинение могло привести их на гильотину). Указывалось и на то, что они нарушили закон Ле-Шапелье. При звуках труб это воззвание было прочитано и расклеено по городу. Рабочие, однако, проявили упорство. В конце концов состоялось соглашение между ними и хозяевами. Продолжительность рабочего дня установили на летние месяцы в 14 час., на зимние в 10 и на весну и осень в 12 часов, причем 2 часа давалось на обед.

Несмотря на репрессии, в том же Бордо весной 1794 г. происходила стачка рабочих казенных портовых мастерских, а летом бастовали бондари—Власти неукоснительно боролись с этим "злом". Так как бумажное производство неудержимо сокращалось, а спрос на бумагу рос, в январе 1794 г. Конвент объявляет под реквизицией всех хозяев бумажных мануфактур и всех рабочих. "Стачки между рабочими различных мануфактур, с целью вызвать остановку работ будут рассматриваться, как покушение на спокойствие, которое должно царить в мастерских,—

мастерских,—постановляет Конвент. "Рабочие не могут прекращать работы иначе, как по болезни, засвидетельствованной в должном порядке".

На втором году Республики Комитет общественного спасения приступает к организации оружейных мастерских, и для рабочих издается такой устав: "Всеякие коалиции или сборища рабочих запрещаются. Необходимые или полезные для работы сношения между рабочими разных мастерских должны иметь место лишь через посредство администрации каждой мастерской. Зачинщики и подстрекатели к сборищам будут арестовываться".

Стеснения доходят до вмешательства в частную жизнь, приобретают характер крепостничества: с одной мануфактуры, работавшей на казну, уходят две работницы: они собираются замуж, и комиссар Конвента не знает, разрешить ли им этот уход.

Там, где движение среди рабочих приобретало упорный характер, местная администрация прибегала к вооруженной силе, и представители центральной власти обыкновенно одобряли это, несмотря на то, что сами Признавали бедственное положение рабочих, и что администрация мануфактур подтверждала необходимость повышения заработной платы. Комиссар при одной из бумажных мануфактур пишет в Париж: "Я не могу высказать, до какой степени необходимо дать им удовлетворение". Он указывает на то, что цены на продукты растут с каждым днем. "Необходимо, чтобы заработная плата стала пропорциональной жизненным потребностям". Директор -мануфактуры был согласен с ним, но, чтобы удовлетворить рабочих; он должен был повысить цену продукции. На это не пошел Комитет общественного спасения.

Таким образом революционная власть в эпоху диктатуры мелкой буржуазии отрицала за рабочим классом право борьбы за улучшение условий труда, отрицала за ним право свободно располагать своим трудом. Сделала его "крепким" производству, оставляя ему только право просить, и не могла, в силу экономического положения страны, удовлетворить его мольбы.

Максимум, которого рабочие требовали во имя спасения их от голодной смерти¹¹ с присущей рационалистическому XVIII веку верой в спасительную силу закона—"дайте хлеба и декрет"—в одной части своей—в нормировке цен на продукты,—остался бумажным декретом. В другой, поскольку он таксировал заработную плату и давал право реквизиции рабочей силы,— буржуазия обратила его против рабочих же, и сделала орудием сильнеею угнетения рабочего класса.

IV. РАБОЧИЕ В ГОДЫ РЕАКЦИИ

1. КОНЕЦ ТЕРРОРА. УХОД МАСС от ПОЛИТИКИ

Неудача закона о максимуме оттолкнула от монтаньяров рабочие массы. Голод, безработица истощили их. Начиная с 1794 г., рабочая масса, утомленная, изголодавшаяся, пережившая ряд разочарований, перестает участвовать в важных политических событиях, разыгрывающихся на ее глазах.

А как раз в 1794 г. революция оказалась на распутье. С одной стороны был достигнут серьезный успех. Контр-революционные восстания были подавлены, на внешнем фронте были одержаны серьезные победы,—угроза порабощения Франции союзом деспотических монархов и эмигрантами отпала. Но экономическое положение продолжало оставаться запутанным до крайности, массы бедствовали как никогда, спекуляция процветала, торговля и промышленность были в полном упадке. Следовало ли продолжать при таких обстоятельствах политику террора, или ввиду успехов на фронте можно было ввести в действие конституцию, т.е. установить нормальный правовой строй?

По этому вопросу в среде правящей партии—якобинцев—существовали коренные разногласия. Это и понятно, если принять во внимание, как различны были интересы разных слоев мелкой буржуазии, которая в этот период революции осуществляла свою диктатуру .при посредстве якобинской партии.

Еще в середине зимы 1793¹⁷⁹⁴ г. значительная правая группа в среде якобинцев подняла голос за прекращение террора, объединялась она вокруг Дантона. Герой 10 августа, вдохновитель террористических мер 1792 г.,—тогда эти меры были направлены против сил старого порядка,—ратовал теперь вместе со своими друзьями за "милосердие, за переход к нормальному правовому строю. В этом его, конечно, готова была поддержать и крупная буржуазия. По выражению одного из современников, кругом Дантона начали сплачиваться реакционные силы, все те элементы, которых пугала возможность дальнейшего развития революции. В самом деле, что еще оставалось желать буржуазии и крестьянству? Земли аристократии и духовенства перешли к ним. Остатки феодальных прав были отменены. Цехи уничтожены. Капитал добился возможности свободного применения в сельском хозяйстве и в промышленности. С уничтожением сословного строя высококвалифицированной интеллигенции, к которой принадлежали дантонисты, было открыто широкое поле государственной и общественной деятельности. Раз опасность возврата к старому порядку миновала, надо было подумать о том, чтобы на свободе использовать все эти завоевания. По мнению дантонистов и тяготевших к ним в этот период слоев крупной буржуазии,

революция была закончена.

Иное отношение к этому вопросу существовало на левом фланге якобинской партии. Деятели Парижской городской коммуны с Шометтом и Эбером во главе требовали углубления революции, усиления террора, надеясь еще более беспощадной борьбой со спекуляцией добиться того, что максимум будет выполняться, то экономическое положение масс поправится. Они настаивали на новом обложении зажиточных слоев для организации широкой социальной помощи неимущим. Эта группа якобинцев выражала интересы беднейших слоев мелкой буржуазии и рабочих. К ней примкнули и уцелевшие от разгрома летом 1793 г. "бешеные". Центр якобинцев, возглавляемый Робеспьером с друзьями и представлявший интересы средних слоев мелкой буржуазии— зажиточных хозяйчиков,—желал продолжения политического террора, боясь что с его Ослаблением начнется политическая реакция, и мелкая буржуазия потеряет власть. Но вместе с тем он был против дальнейшего углубления революции. Ближайший друг и единомышленник Робеспьера Сен-Жюст выступил в Конвенте с речью о необходимости дать гарантии экономическим завоеваниям буржуазии, удовлетворить интересы приобретателей национальных имуществ, смягчить экономический террор.

Центр, в руках которого находились в это время Комитеты общественного спасения и общественной безопасности и который господствовал над Конвентом, начал борьбу против левого и правого фланга. Первыми в этой борьбе погибли левые. Коммуна пыталась было поднять парижских рабочих, но истомленные кассы не поднялись на ее призыв. Вожди левых якобинцев и "бешеных" погибли на эшафоте, обвиненные в том, что они своими крайностями вредили делу революции.

Вслед за этим настала очередь дантонистов, изменивших революции.

Поражение и казнь представителей обоих течений произошли на протяжении полутора недели.

Однако, победа робеспьеристов над дантонистами была последней победой революции над мобилизуемыми силами правых. Диктатура мелкой буржуазии была поколеблена. Казнив "крайних", Робеспьер вывел из строя активных революционные группы, способные еще к сопротивлению надвигающейся реакции.

8 июля 1794 г. против Робеспьера составили заговор уцелевшие сторонники побежденных им дантонистов и крайних левых. Видя поколебленную его диктатуру, подняла голову крупная буржуазия, разбогатевшая на военных поставках, подрядах, на спекуляции национальными имуществами.

9 термидора по новому республиканскому календарю Робеспьер и его друзья были арестованы и казнены на следующий же день.

И вот в этот момент, ставший поворотным в революции, рабочие массы не проявили энергии, несмотря на призыв робеспьеристской Коммуны, не поднялись на защиту диктатора, поддерживавшего максимум. До какой степени отсутствовала в это время определенная тактическая линия у пролетариата, видно хотя бы на примере не раз упоминавшегося депутата-рабочего Армонвиля. Он примкнул к заговору против Робеспьера, после его казни писал в Реймс своим избирателям, что павший диктатор был "не другом народа, а его убийцей", а месяц спустя он уже жалел, что "был обманут жалкими людьми" и собирался научить своих детей "читать имя погибшего".

Это прозрение рабочего-депутата было понятно; падение Робеспьера стало поворотным пунктом революции, началась реакция. Правые овладели Конвентом подчинили своему влиянию тех, кто составлял центр до падения Робеспьера, и уцелевших немногочисленных левых монтаньяров. Они прекратили преследования за экономические преступления, и спекуляция расцвела на свободе, в безопасности.

Оттолкнув от себя рабочих, Конвент был принужден ориентироваться на имущие классы. Якобинский клуб был закрыт. Революционный трибунал упразднен; отменена плата за посещение секций. Демократическая конституция 1793 г., предоставлявшая всем гражданам избирательные права, была отменена. Конвент выработал новую, так называемую конституцию 1795 г., ввел снова имущественный ценз для избирателей и депутатов, двухстепенные выборы, установил две палаты. Рабочие массы опять оказались лишены участия в законодательстве, политически неправомочными. Вслед за тем у них выбили из рук и реальную силу. Все рабочие, не имевшие определенного места жительства, все сезонные рабочие лишились права участия в Национальной гвардии. В ней опять, как во время Учредительного собрания, стала преобладать буржуазия.

Но, несмотря на энергичные жалобы, сетования промышленников, купцов и потребительской массы (теперь все осмелели), Конвент еще некоторое время не считал возможным вовсе отменить максимум. Не считал этого возможным он в силу тех же соображений, по которым уже около года поддерживал его путем террора: ему надо было кормить, одевать, обувать, перевозить, снаряжать свои многочисленные армии. Теперь они действовали гораздо успешнее. Они уже оперировали в чужих землях, снабжались частично за счет завоеванных местностей» но забота от правительства требовалась еще огромная.

2. ПОСЛЕ ОТМЕНЫ МАКСИМУМА

Отмена закона о максимуме ничем, однако, не отразилась на экономическом благосостоянии населения.

Слабой и технически отсталой французской промышленности было чрезвычайно трудно оправиться. Еще до революции многие отрасли промышленности держались лишь благодаря высоким пошлинам на заграничные товары. В годы максимума заграничная конкуренция была сведена к нулю. Но после его отмены в изголодавшуюся по товарам Францию хлынули контрабанда из нейтральных стран. Да и высокие пошлины сводились теперь на-нет, так как их платили ассигнациями по номинальной цене, а реальная ценность ассигнаций пала к 1796 г. до 0,3% номинала. Французские промышленники жаловались, что не могут вырабатывать бумажные ткани так дешево, как голландцы или швейцарцы. Те продавали на 30% дешевле, чем они. Иностранная конкуренция не давала встать на ноги французской индустрии; кроме того» попрежнему нехватало сырья.

Правительство всячески шло навстречу промышленникам: освобождало от некоторых налогов, чтоб "спасти остатки французской промышленности", давало субсидии. В мае 1796 г., например, шелковые, шерстяное и бумажные мануфактуры получили 4.000.000 франков вспомоществования. И тем не менее многие отрасли индустрии совершенно заглохли: предприниматели перебрали "Капиталы в более выгодные занятия, в спекуляцию землей и ассигнациями, в строительство.

Раз промышленность не возрождалась, рабочие по-прежнему были в тисках безработицы.

Местная администрация время от времени тревожила центр печальными сообщениями, что вследствие закрытия той или иной мануфактуры население обречено на голодную смерть. Рабочие бумагопрядилен Нанта подали прошение правительству, в котором заявили, что их осталось всего одна пятнадцатая прежнего дореволюционного числа, и уцелевшие умирают от голода и нищеты.

Промышленники Лиона заявляли, что многие из рабочих разошлись неизвестно куда, многих поглотила армия, оставшиеся же так обнищали, что им не на что было бы обзавестись новыми станками, если бы возродились шелковые мануфактуры.

К этому нужно прибавить, что в погоне за дешевой рабочей силой хозяева работающих мануфактур широко прибегали к детскому труду: брали подростков из домов призрения, заключая с правительственными органами попечения договоры, на основании которых призреваемые должны работать на их предприятиях определенное количество лет» а за это хозяева обязаны были кормить их и одевать. Эта отдача детей в кабалу стала бытовым явлением.

Но и там, где употреблялся труд взрослых рабочих, заработная плата была очень низка, и то и дело проявлялось стремление к понижению ее и удлинению рабочего дня.

Условия существования делались все труднее для рабочей массы: после отмены максимума продукты питания появились в изобилии, но они оставались недоступными по цене. К тому же выплата заработной платы производилась ассигнациями, которых торговцы не хотели принимать, и рабочим стоило больших усилий добиться, чтобы часть заработка выплачивали звонкой монетой. На этой почве происходили даже забастовки. Перед рабочими был выбор: либо из-за стачки лишиться работы, либо получать за работу никому ненужную бумагу. Когда же, наконец, добились того, что заработную плату стали хоть частично выдавать звонкой монетой,—ее стали задерживать по месяцам.

На почве голода и безработицы в больших городах создалась эпидемия самоубийств. Они сделались бытовым явлением. Парижские рабочие даже пытались собраться для обсуждения этого факта... Полиция доносила от 20 мая 1795 г.: "Рабочие предполагали собраться в Сент-Антуанском предместье и говорили, что должны же рано или поздно окончиться их несчастья. Ужасно видеть,—говорят они,—как ежедневно несчастные, удрученные отчаянием и придавленные тяжестью нищеты, бросаются в воду или убивают себя самым ужасным образом".

Положение рабочих стало хуже, чем когда бы то ни было. Впрочем, лучше всего .сказать о нем словами полицейских донесений—их нельзя заподозреть в пристрастии; они при этом прекрасно отмечают и социальные контрасты эпохи: "Для рабочих нет выхода, так как отсутствует работа; всякая надежда на лучшую участь гаснет перед сознанием претерпеваемых бедствий. А в Париже кипят балы, царит чрезмерная роскошь", "несколько человек соединили в своих руках все богатства..." В других донесениях упоминается о "скандальной роскоши богачей", которой противопоставляется голод безработных: их в одном Сент-Антуанском предместье полиция насчитывает до 40.000 чел.

Зимой 1795—96 г. на улицах в рабочих предместьях слышен громкий плач женщин, у которых от голода умирают дети.

Женщины обступают проходящих солдат и выражают зависть к их существованию, упрекают их за то, что они сыты, что у них есть хлеб.

Пока существовал Конвент, правительство еще пыталось что-то сделать для рабочих: с февраля 1795 г. каждый рабочий получал по 1,5 ф. хлеба, в то время как остальным гражданам выдавали лишь по 1 ф. Муку парижский муниципалитет закупал в провинции и за границей. Но выпечка хлеба попрежнему оставалась »в частных руках, хлеб булочки выпекали отвратительный, и его нехватало. Накормить голодающих правительство попрежнему было не в силах. Кроме того, в Париже в эту зиму не было дров, угля и свечей. Это последнее обстоятельство лишало рабочих возможности работать по вечерам, а многие ведь работали на дому.

3. НАСТРОЕНИЕ РАБОЧИХ

Голод и отчаяние вызвали последние вспышки. Рабочие угрожали расправиться с купцами: "ведь нас тысячи", "конституция создана только для богатых",— говорят в народных скопищах.

"Невозможно передать все ругательства, которые раздаются против правительства",— доносила полиция. "Рабочие предместья Сен-Марсель грозят восстать, и женщины бранят мужей за трусость, подстрекают к выступлениям. Возбуждение растет, ни улицах громко кричат, что "готовится удар", что "так дальше жить нельзя".

Под влиянием невыносимых бедствий рабочим уже казалось, что годы максимума и террора были годами благополучия.

"Конституция создана только для богатых",—ропщут в предместьях.

Действительно, правительство все более оказывалось на поводе у крупной буржуазии. От него ждать более было нечего.

Первая попытка "удара" относится к весне 1795 г. вторая подготавливалась годом позже.

31 марта 1795 г, в Конвент явилась депутация от двух секций Сент-Антуанского предместья. "Девятое термидора (день падения Робеспьера) должно было спасти народ. Нам обещала— заявила депутация,—что отмена максимума повлечет за собой изобилие, между тем голод дошел до последних пределов. Заточения в тюрьмы продолжаются. Народ хочет, наконец, быть свободным... Мы просим принять все меры, чтобы помочь страшной нищете народа, возвратить ему его права, быстро ввести в действие демократическую конституцию 1793 г."

Буржуазные секции разогнали дубинками манифестантов, собравшихся перед Конвентом.

Немного спустя недостаток хлеба в городе заставил секцию Гравилье послать новую депутацию в Конвент. Ее постигла та же участь. Наконец рабочие и мелкие ремесленники сделали попытку поднять восстание: на улицах были расклеены манифесты с призывом к мятежу, толпы ворвались в Конвент с криками: "Хлеба и конституции 1793 г." Генерал, которому Конвент поручил рассеять мятежников, был взят в плен. Сент-Антуанское предместье было снова на ногах, и сунувшийся туда внушительный отряд буржуазной молодежи принужден был удирать, "избегнув смерти только благодаря презрительному состраданию инсургентов".

Но Конвенту удалось собрать значительную военную силу, он двинул артиллерию. Под угрозой бомбардировки предместье сдалось и выдало свои пушки. Конвент победил восстание благодаря армии. Отныне у буржуазии опять была в руках надежная, приученная на фронтах к строгому повиновению сила, та сила, о которой тщетно мечтал в 1789 г. парижский мэр Байи.

Этот рабочий мятеж был последним в эпоху Великой революции после его подавления.

4. ЗАГОВОР "РАВНЫХ"

В этой атмосфере отчаяния оформилась идея, коренной социальной реформы, до сих пор только неясно и отрывочно брезжившая в умах. Реакция и спекуляция шли своим чередом, нищета народных масс тоже.

Через год после последнего выступления парижской бедноты созрел заговор "Равных".

"Несчастья достигли своего предела; хуже быть не может. Беду можно исправить лишь общим потрясением. Пусть же все смешается... пусть смешаются все элементы, переплетутся, придут в столкновение... пусть все вернется к состоянию хаоса, и из хаоса выйдет новый обновленный мир..."—так призывал в газете "Народный трибун" организатор заговора "Равных" Бабеф.

Эти слова можно было написать, лишь растеряв все надежды, с которыми вступали в революцию.

Так и было в действительности. С 1789 г. Бабеф принимал участие в революционном движении, между прочим издавая агитационные листовки. Его революционная работа продолжалась и все последующие годы.

Характерно, однако, что к попыткам профессиональных выступлений рабочих в 1789 и 1791 гг. Бабеф отнесся невнимательно: лишнее доказательство того, как слаб и мал был пролетариат. Его судьба, его интересы» как класса, не останавливали на себе внимания социальных реформаторов.

К 1796 г. Бабеф в революции изверился: "Все декларации прав, кроме Декларации 1795 г., начинаются санкционированием первого и важнейшего принципа вечной справедливости. Целью общежития является всеобщее счастье... Целью революции, которая должна была осуществить первоначальную задачу общества, от которой человечество (уклонилось, также является общее счастье. До известного времени Франция широкими и быстрыми, шагами приближалась к этой цели; с этого же момента началось попятное движение, направленное против цели общежития, против цели революции, ко всеобщему несчастью и к благу ничтожного меньшинства. Укажем же определенно этот поворотный момент. Будем иметь мужество заявить, что революция, несмотря на все препятствия и противодействия, шла вперед вплоть до 9 термидора, а с этого момента она пошла назад", т.-е. пока продолжалась диктатура мелкой буржуазии, Франция приближалась к равенству. И, конечно, с торжеством представителей крупного капитала, идея равенства, которую, худо ли, хорошо ли, пытались проводить в жизнь монтньяры, погибла.

Какой же отсюда вывод?

"Нельзя давать укрепиться злу. Пышные декларации должны стать реальным фактом. Время не терпит"— пишет Бабеф в другом номере "Народного трибуна",— настала пора для растоптанного и истребляемого народа Громко, торжественно и более внушительно, чем когда бы то ни было, заявить свою волю, дабы не только внешние признаки и аксесуары нищеты, но и действительная нищета была бы уничтожена раз навсегда. Пусть народ опубликует свой манифест. Пусть он даст там такое определение демократии, к осуществлению которой он стремится. Пусть он там докажет, что демократия—это обязанность восполнить за счет многоимущих недостачу малоимущих, что бедность последних объясняется тем, что их обокрали, обокрали, если угодно, на законном основании, т.-е. с помощью грабительских законов"...

Итак, после всех разочарований, испытанных на протяжении последних лет, стала ясна тщетность попытки переустроить общество в интересах масс путем одних политических мероприятий. Нужна коренная ломка социального строя, и первая пройденная уже революция должна явиться лишь преддверием к революции более .-полной, несущей действительное освобождение страждущим народным массам.

Более определенно социальные идеи Бабефа сказались в изданном его единомышленниками "Манифесте равных" и в "Изложении доктрин Бабефа". Он отмежевывается здесь от тех, которые стояли за "аграрный закон", т.-е. за передел земли, так пугавший буржуазию в первые годы Республики. Он" идет дальше:

"Мы имеем в виду нечто высшее и более справедливое: общее имущество или общность имуществ. Не должно быть личной собственности на землю, земля не принадлежит никому. Мы требуем, мы хотим общего пользования плодами земли: все плоды принадлежат всем".

"Природа дала каждому человеку равное право на пользование всеми благами". "Труд и наслаждение должны быть общими". "Никто не мог бы, не совершая преступления, присвоить себе в исключительное пользование блага земли и промышленности. В истинном обществе не должно быть ни богатых, ни бедных"...

"Различие в ценности и почетности человеческого труда основывается только на субъективной оценке, которую придала им часть людей, сумевшая доставить господство своим личным взглядам".

По плану Бабефа все продукты обрабатывающей промышленности и сельского хозяйства должны сдаваться в особые склады, и оттуда распределяться между населением согласно принципа "каждому по потребностям".

Итак, Бабеф—коммунист. Коммунистические идеи высказывались и в дореволюционной литературе, но только у Бабефа проповедь коммунизма сочеталась с призывом к революционному действию. Он призывает путем вооруженного восстания свергнуть буржуазное правительство и установить диктатуру масс, "мы обязаны сломить их (богачей) и установить диктатуру бедняков". Железной рукой нужно сокрушить противника. "Всякое сопротивление подавляется на месте силой. Сопrotивляющиеся истребляются". Возникшая революционным путем власть устанавливает "национальную коммуну". Вместе с тем, учитывая необходимость сразу же дать массам почувствовать, какие реальные выгоды несет им социальная революция, Бабеф намечает ряд переходных мероприятий, которые должны существенно облегчить положение пострадавшей бедноты

Намечаемый переворот должен быть делом самих масс. "Все великое и достойное народа может быть осуществлено только самим народом". Но вместе с тем у Бабефа нет четкости социальных категорий, нет противопоставления труда и капитала.

Еще другая черта характерна для эпохи: у Бабефа речь идет главным образом об организации потребления, а обобществления средств производства он не намечает в своей программе. Требование социализации—относится только к земле. "Не должно быть личной собственности на землю, не только плоды земли должны быть общими, но и сама земля не принадлежит никому". Но нигде нет ни слова о том, что и промышленный капитал—мастерские, мануфактуры и проч. с их оборудованием—должен стать собственностью общества.

В стране, где земледелие преобладало над индустрией, где в области производства господствовало ремесло или домашняя форма промышленности и где концентрация производства едва лишь намечалась (см. первые главы),—такая постановка вопроса была естественной.

5. ОТНОШЕНИЕ РАБОЧИХ К БАБУВИЗМУ

"Изложение доктрины Бабефа", номера его газеты читались и обсуждались в массах парижской бедноты.

"В Сент-Антуанском предместье значительная группа собралась вокруг афиши, озаглавленной "Изложение доктрины Бабефа". Немного дальше какая-то женщина читала тот же листок в небольшом формате",—доносит правительству полиция и прибавляет: "агент ,бюро вырвал ,его у нее. Группа разошлась. Некоторые спрашивали "разве нет свободы печати?"

В другом докладе опять: "Сегодня снова нашли на рынке афиши, озаглавленные "Доктрина Бабефа". Какие-то женщины раздавали в саду Тюльери тот же листок. Одна из них встала на стул и громко читала это возмутительное сочинение. Когда приблизился сторож, чтобы прекратить подобный скандал, услужливые пантеоновцы ^{*****} дали возможность скрыться женщине-оратору".

Наконец: "В предместьях идут разговоры о том, как хорошо было бы, если бы собственность была общей и если бы все доходы от промышленности принадлежали всем".

Следовательно, идеи Бабефа распространялись в массах и находили отклик. Когда "Народный трибун" был закрыт властями, Бабеф стал издавать "Просветителя", где проводил те же мысли; его друг, поэт Сильвен Марешаль, обращался здесь с призывом к народу: "Умиравший с голоду, разоренный, нагой, униженный, преследуемый, что делаешь ты, народ? Ты в отчаянии. Д между тем бесстыдный богач, которого когда-то ты пощадил по своей доброте, издевается над тобой и убажывает себя".

Движение нашло отклик и в провинции. По крайней мере, в округе Реймса бывший депутат Конвента ткач Армонвиль развил со своими друзьями-рабочими энергичную деятельность, разбрасывая прокламации по рынкам и кабачкам, расклеивая их на стенах домов собирая тайные сходки рабочих.

В Париже вокруг Бабефа организовался штаб заговорщиков. Во главе организации стояли "Тайная директория общественного спасения" и "Военный комитет", разрабатывавший план восстания.

Бабеф и его друзья рассчитывали не только на рабочих, но и на солдат, они не могли оставить без внимания эту организованную, дисциплинированную силу, год назад так легко победившую восстание Сент-Антуанского предместья.

В одном из последних номеров своей газеты Бабеф обращался с призывом к тем и другим: "Солдаты! Рабочие! Вы все, ограбленные и доблестные плебеи, мужайтесь! У вас будет демократия, равенство, общее счастье, по которым вы так давно вздыхаете! Шесть лет ваших героических трудов не пропадут даром!.."

Однако правительство с помощью подосланного провокатора раскрыло заговор и арестовало заговорщиков прежде, чем они успели выступить. Бабеф еще один из главарей погибли на эшафоте; другие понесли менее тяжкие наказания.

Мы не можем судить, поднялись ли бы массы, оказали бы они в момент выступления поддержку заговору "Равных". Во всяком случае, когда, во время суда над Бабефом, его уцелевшие единомышленники стали распространять памфлет в его пользу, они не встретили сочувствия масс.

Видимо, Бабеф опередил сознание рабочей массы. Другие вожди—Марат, Ру,—не шедшие дальше призывов к преследованию богатых и корыстных спекулянтов, но не говорившие об уничтожении собственности, были ближе и понятнее бывшим цеховым подмастерьям и тем мануфактурным рабочим, которые только что вышли из крестьян и работали в домашнем производстве.

Впрочем, была и другая причина пассивности. Ведь и. падение Робеспьера массы приняли равнодушно. Та мощная сила, которая в 1789 г. решила исход борьбы между третьим сословием и двором, которая свергла трон в 1792 г. и отдала Жиронду во власть монтаньяров весной 1793 г.,—была сломлена нечеловеческими испытаниями последних лет.

Массы изверились в революции, заплутались в ней. Голод, тянувшийся несколько лет под ряд, отнял у них силы. Говоря выразительным языком полицейского донесения, (страдания иссушили их сердца". Они утратили способность к активности.

***** Пантеон—демократический клуб, в который соединились уцелевшие после 9 термидора от преследований буржуазна демократические члены Конвента и их единомышленники.

6. БЕЛЫЙ ТЕРРОР

Возможность выступления рабочих осложнялась еще и тем, что буржуазия далека была теперь от той растерянности, проявление которой мы видели хотя бы в дневнике Байи. Новое "общество" организовалось на борьбу с "чернью", само выступило на помощь полиции.

В кафэ, на набережных, в садах, на улицах Парижа вместо санюлота в простонародной одежде и с фригийским красным колпаком на голове преобладает теперь новый тип: надушенный мускусом молодой человек, в цветном фраке, в огромной шляпе, с солидной дубинкой в руке. Это представитель "золотой молодежи". Элегантностью костюма и манер он пытается не уступать старой королевской знати, но в нем течет кровь вчерашнего мелкого кулака, энергичного, цепкого. В нем нет сомнений, которые подтечь вали волю умирающего класса, и вместе с тем нет и того унаследованного интереса к культуре, который заставлял одних из них—лучших—принимать теоретическую мысль, если даже она шла вразрез с интересами класса, лишь бы логика построения была безупречна, других—более поверхностных—забавляться ею как игрушкой.

Когда словесные битвы сменились реальными битвами на улицах Парижа и по всей Франции запыхали дворянские усадьбы, эти утонченные и бесцельные аристократы оказались неспособными к сопротивлению. Самое большее, на что они годились, и то опять-таки немногие, это умереть с достоинством.

Щеголи эпохи Директории были из другого теста. Дети хищных спекулянтов, они полны наглой энергии, готовы своими здоровыми кулаками отстаивать миллионы, которые сколотили их отцы на спекуляции ассигнациями, землей, домами, на поставках на армию.

У этого поколения несравненно больше звериного инстинкта самосохранения, наступательной готовности к борьбе. Духовными ценностями они пока пренебрегают; позже они—себе на потребу—выработают и теории, оправдывающие гегемонию капитала в области социальной и политической. Пока же все сводится к одному—не упускать награбленного их отцами и извлечь все возможные выгоды из своего положения.

"До каких же пор те, которые обладают знаниями и богатствами, будут лишь оглашать воздух бесполезными жалобами?.. Нет, вы не потерпите, чтобы восторжествовала ненавистная партия. Вы закрыли клуб якобинцев, вы должны их уничтожить",—писал в листке-воззвании один из главарей "мюскаденов" Фрерон. И призывы падали на добрую почву.

То там, то здесь происходили побоища с патриотами. То в театре устраивалась свалка, избивали дубинками демократов, не пожелавших слушать контрреволюционный гимн золотой молодежи, которым артисты, готовые служить сегодняшнему господину, заменили марсельезу; то в общественном саду группы элегантных здоровяков нападали на рабочих, разговаривавших о временах Робеспьера; то в одном из кафэ обрушились на депутата Конвента, рабочего Дрмонвиля, требуя, чтобы он снял красный колпак.

В большинстве этих выступлений было больше глупости и озорства, чем системы и обдуманности. Все же они подавляли всякое свободное проявление той демократической общественности, которая характерна для первых двух лет Республики.

Белый террор буржуазии начал царить в Париже и в провинции.

В то же время попытки профессиональной борьбы преследовались со всей строгостью. В 1797 г. в одном трактире собралось около 500 рабочих потолковать о каких-то своих нуждах. Полиция немедленно их разогнала и произвела среди них аресты. В следующем году была устроена сходка рабочих на одном из островов Сены,—все были арестованы. Спустя несколько месяцев новая попытка собраться опять закончилась разгоном сходки. Реакционная буржуазия санкционировала запрещение рабочих союзов и всяких выступлений рабочих. Снова было издано постановление, что рабочие, недовольные чем-нибудь, могут подавать лишь индивидуальные жалобы. Под страхом наказания им запрещалось вступать в какие-либо соглашения, устраивать организации, взимать членские взносы. При уходе от хозяина они должны были предупреждать за 40 дней. При поступлении на новое место надо было предъявлять увольнительное свидетельство от прежнего хозяина.

***** Один из уцелевших представителей старой знати (маркиз де-Сегюр) так характеризовал впоследствии настроение молодежи своего класса перед революцией: "Мы, аристократическая молодежь Франции, без сожаления о прошедшем, без опасения за будущее, весело шли по цветущему лугу, под которым скрывалась пропасть. Не заглядывая вперед, мы вкушали выгоды патрициата и прелести плебейской философии. Таким образом, хотя эти наши привилегии, жалкий остаток нашего могущества, подкапывали у нас под ногами, нам нравилась эта маленькая война». Мы смеялись над тревогой старого двора и духовенства... Мы аплодировали республиканским сценам в театрах, философским речам в академиях, смелым сочинениям наших литераторов".

Словом, буржуазия принимала все меры для того, чтобы обеспечить капиталу возможность легкой и неограниченной эксплуатации труда. Несмотря на отмену максимума, реквизиции рабочей силы продолжались, как и при правительстве террора, но на предпринимателей никаких реквизиций не налагали. Теперь государство считало себя вправе располагать трудом, но отнюдь не капиталом частных лиц. А трудом располагали настолько беззастенчиво, что Директория даже ходатайствовала перед законодательными палатами о применении телесных наказаний для рабочих, уклоняющихся от работ.

Таково было положение труда в свободном буржуазном государстве, только что созданном революционным путем.

Немудрено, что настроение рабочих масс делалось все пассивнее. Равнодушие и покорность судьбе сменили недавнюю страстную готовность к революционным выступлениям. О министрах Директории теперь говорят: "Пусть делают, что хотят. Предместья больше не будут в это вмешиваться".

Теперь рабочие хотят "такого строя, при котором едят"... Раздаются, правда, сетования на то, что "жажда наживы овладела буржуазией, как никогда", и тогда прибавляют, что "нужен военный правитель, который бы все привел в порядок", не дал бы их в обиду. Военного правителя с твердой властью ждали и те, кто выгадал от революции—крестьянство и буржуазия, он им нужен был для защиты их социальных завоеваний. Он появился в 1799 г. в лице Наполеона.

Рабочие с сочувствием встретили военную диктатуру Наполеона, а новая власть позаботилась о рабочих,—не дала им вымереть с голоду, поскольку их знания и руки были необходимы для государства.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, революция закончилась.

Настрадавшись при старом порядке, рабочий класс ринулся в революцию с полной верой, что она принесет ему облегчение. Во все годы, пока революция шла вперед, он принимал энергичное участие в крупных событиях, решал исход борьбы между буржуазией и двором, между крупной и мелкой буржуазией, поддерживая своей мощью установление диктатуры этой последней.

Чем отплатили ему эти его союзники и вожди? Цепью сознательных или бессознательных предательств. Когда опасности грозили революции со стороны двора и аристократии, буржуазия взывала к единению (так было летом 1789 г., в 1791 г.—в момент бегства короля, летом 1792 г., когда угрожало нашествие неприятеля), когда беда проходила, она энергично отмежевывалась от рабочего класса, закрывала ему доступ к законодательству, объявляла его политически неправомочным, неспособным быть "пайщиком великого социального предприятия", которое она создала.

Так было в годы владычества крупной буржуазии. Когда с помощью того же рабочего класса мелкая буржуазия установила свою диктатуру, рабочий класс опять-таки ничего не выиграл для себя. Правда, он добился мероприятий, от которых ждал облегчения своей участи,—добился закона о максимуме, но, противореча экономическому развитию, эти мероприятия обратились против него же.

Измученный безработицей, длительным голодом, террором, он утратил свой революционный подъем и мощь первых лет революции. Когда прекратился террор, наступила реакция, он оказался безоружным перед лицом быстро выровнявшей свои ряды буржуазии.

Что мог выиграть рабочий класс от революции, буржуазной по существу, объективная задача которой состояла в том, чтобы расчистить дорогу капиталу?

объективных, т.-е. лежащих в экономическом развитии, оснований для социализма не было в ту эпоху, когда только зарождалось крупное производство, когда еще господствовали ремесло и мелкая домашняя промышленность.

Единственное благо, которого могли добиться рабочие, это было бы благоприятное для них рабочее законодательство, право профессиональной организации, охрана труда.

Но они не добились и этого, так как буржуазия с первых же шагов государственного строительства проявила огромное классовое чутье и классовую сознательность и сделала все возможное, чтобы обеспечить капиталу беспрепятственную эксплуатацию труда. Рабочие же были сравнительно малочисленны и неоднородны по своему составу (рабочие крупных мануфактур и ремесленные подмастерья).

Они безропотно подчинились закону, запрещавшему профессиональное движение и приравнивавшему его к преступлению против государства. Когда позднее к ним обратился Бабеф с призывом к коренной социальной революции,—к отмене частной собственности на землю и на все предметы потребления,—они к этой части его программы в массе своей отнеслись равнодушно, хотя и сочувствовали его выступлению против богатых.

К. РАТКЕВИЧ

ФРАНЦУЗСКИЕ РАБОЧИЕ в ГОДЫ ВЕЛИКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

М.-Л.: Московский рабочий. 1928.

Vive Liberta и Век Просвещения, 2009

***** Директорией называется правительство, сменившее Национальный конвент.

В разгар стачек 1791 г. хозяева жаловались властям: "Стачечники—это собрание людей, считающих, что они по своим интересам и принципам отделены от остальных сограждан".

Если бы так было в действительности, это бы означало, что рабочие осознали обособленность своего положения в буржуазном обществе, непримиримость труда и капитала.

Но как раз этого-то и не было в действительности: непримиримость интересов сознавали только представители капитала. Ее не осознало или ее игнорировал, большинство теоретиков, увлекавшихся надеждой создать "благо всех". Не сознавали ее и рабочие. Они ждали улучшения своей участи от изменения политического устройства, от перехода власти в руки третьего сословия. Будучи в эту эпоху уже классом для капитала, они не были классом для себя, не сознавали себя классом, до конца враждебный капиталу.

Вспомогательные материалы

(отдельные периоды и вопросы истории Великой французской революции)

- «ДВА ЧЕТЫРНАДЦАТЫХ ИЮЛЯ»: ПИСЬМА, ВОСПОМИНАНИЯ СВИДЕТЕЛЕЙ http://vive-liberta.narod.ru/resp_calend/14_jl.htm
- «ОТЕЧЕСТВО в ОПАСНОСТИ!»: 1791-92 г. (документы) http://vive-liberta.narod.ru/doc/doc_92_2.htm
- «ТЕРРОР в ПОРЯДКЕ ДНЯ!» (документы) http://vive-liberta.narod.ru/doc/doc_terr.pdf
- ФРАКЦИОННАЯ БОРЬБА 1793-94 г. (документы) http://vive-liberta.narod.ru/doc/doc_classtrug.pdf
- ПОСТТЕРМИДОРИАНСКИЙ КОНВЕНТ: ликвидация революционного порядка управления http://vive-liberta.narod.ru/doc/doc_therm2.pdf
- А.Гордон. Федералистский мятеж <http://vive-liberta.narod.ru/journal/gordon6.pdf>
- А.Матьез. Термидорианская реакция http://narod.ru/disk/11231826000/mathiez_therm2.pdf.html
http://narod.ru/disk/11231810000/mathiez_therm1.pdf.htm
http://enlightment2005.narod.ru/arc/aulard_relig1.pdf
- А.Олар. Христианство и Великая французская революция
- А.Ревякин. РЕВОЛЮЦИЯ и ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ФРАНЦИИ в ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX века. В сб. «Французская революция XVIII века: экономика, политика, идеология» http://vive-liberta.narod.ru/journal/revac_econm-xix.pdf
- Агония французского абсолютизма (глава из коллективной монографии) <http://enlightment2005.narod.ru/papers/fr-absol.pdf>
- В.Волгин. Французский утопический коммунизм http://narod.ru/disk/8863360000/volgin_soc1.pdf.html
- В.Волгин. Развитие общественной мысли во Франции в XVIII веке http://vive-liberta.narod.ru/biblio/volgin_soc2.pdf
- В.Гавриличев. ЯКОБИНЦЫ и ПРИНУДИТЕЛЬНЫЕ НАЛОГИ на БОГАТЫХ: весна—осень 1793 год http://vive-liberta.narod.ru/journal/gavrillc_nalog.pdf
- Г.Форстер. Политические речи и статьи http://enlightment2005.narod.ru/private/Allem/schub_forst.htm#forst5
- Г.Черткова. Барнав, Бабеф: два взгляда на французскую революцию http://vive-liberta.narod.ru/journal/barn_chert.pdf
- Г.Черткова. Об антиномии свободы и равенства и проблеме выбора http://vive-liberta.narod.ru/journal/chert_liberte.pdf
- Г.Черткова. От Бабефа к Буонаротти: движение во имя равенства или Заговор равных? http://vive-liberta.narod.ru/journal/chert_egalite.pdf
- Д.Туган-Барановский. На пути к брюмеру http://vive-liberta.narod.ru/biblio/bourg_tug-baran.pdf

- Е.Киселева. ПОЛИТИКА ЯКОБИНСКОЙ ДИКТАТУРЫ в ОБЛАСТИ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ТОРГОВЛИ и ПРОМЫШЛЕННОСТИ весной-летом 1794 года. В сб. «Французская революция XVIII в.: экономика, политика, идеология» http://vive-liberta.narod.ru/journal/kiseleva_max.pdf
- Жак РУ. Речь о причинах несчастий французской республики http://vive-liberta.narod.ru/journal/roux_markow.pdf
- М.Домманже. Бабеф и заговор равных http://vive-liberta.narod.ru/biblio/babeuf_dommanj.pdf
- М.Славин. Эбертисты под ножом гильотины http://vive-liberta.narod.ru/biblio/hebertistes_mslavin.htm
- Н.Лукин. Максимилиан Робеспьер http://vive-liberta.narod.ru/biblio/robch_mem.htm#lukin
- Н.Фрейберг. Шометт, генеральный прокурор парижской Коммуны http://vive-liberta.narod.ru/journal/chm_frb.pdf
- П.Щеголев. К характеристике экономической политики термидорианской реакции http://vive-liberta.narod.ru/journal/therm_shcheg.pdf
- П.Щеголев. После термидора http://vive-liberta.narod.ru/biblio/shchegolev_thermidor.pdf
- Проблемы якобинской диктатуры: тогда и теперь (дискуссии 1970 и 1995 гг.) http://vive-liberta.narod.ru/journal/fe_70_jacobdict.htm
http://vive-liberta.narod.ru/journal/fe_95_jacobdict.htm
- С.Моносков. Очерки по истории Якобинского клуба http://vive-liberta.narod.ru/biblio/monos_jclub.pdf
- Т.Солтановская. Ж.-П.Марат и «бешеные» весной 1793 г. http://vive-liberta.narod.ru/journal/soltan_marat.pdf
- Ц.Фридлянд. Девятое термидора http://vive-liberta.narod.ru/journal/fridl_therm.pdf
- Э.Гусейнов. Жиронда и перспективные проблемы изучения Великой французской революции <http://vive-liberta.narod.ru/journal/guseinov1.pdf>
- Э.Ференбах. Идеологизация войны и радикализация Французской революции http://vive-liberta.narod.ru/journal/arm_fehrenbach.pdf
- Я.Захер. «Бешеные», их деятельность и историческое значение http://vive-liberta.narod.ru/journal/zakher_enrages.pdf